ГЕОРГИЙ ЯРЦЕВ

Я плоть от плоти спартаковец!

СЕНСАЦИОННЫЕ ОТКРОВЕНИЯ ИЗВЕСТНОГО ФУТБОЛИСТА И ТРЕНЕРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами — книга-откровение популярного игрока и тренера Георгия Ярцева.

Спартаковца, как говорится, до мозга костей. Ему есть о чем вам рассказать, – например, о замечательном времени, проведенном в рядах «красно-белых», о товарищах по команде. О своем видении спартаковского футбола как времен минувших, так и дня сегодняшнего. О национальной сборной СССР и России, ведь Ярцев блестяще трудился не только в родном клубе, но и позднее успешно работал и в главной команде игры…

Он не только практик большой игры, но и в лучшем смысле этого слова футбольный философ, интересный рассказчик. Его оценки, наблюдения наверняка понравятся читателю, независимо от клубных симпатий и антипатий.

В общем, читайте и наслаждайтесь!

- Алексей МАТВЕЕВ
  -
  - Слово к читателю Георгия Ярцева
  - Знакомство с Бесковым
  - «Вот «старика» привел…»
  - Едва не покинул «Спартак»
  - Как стал лучшим бомбардиром
  - Мы не гоняли «договорняки»
  - В Киев ехали за победой
  - Раздрай в команде
  - Золотой сон до обеда…
  - Клумба для старшего
  - Самый веселый — Гаврилов
  - Изгнание массажиста
  - Мелочные обиды не в счет
  - Мяч забил… Хидия Туллин
  - Сорокин стригся под зека
  - Дасаев на особом положении
  - Ковры Романцева
  - Общение с Севидовым
  - Команда молодости нашей
  - Как жил и умирал Стрельцов
  - «Мне не по душе эксперты…»
  - Размолвка с другом
  - Семья очень дружная
  - Фельдшер. Почему нет?

- Уроки большого футбола
- Впервые увиделись… в автобусе
- В ЦСКА так и не заиграл
- «Мама, я женюсь!»
- Письма любви
- Обыграл соперника… алюминиевой ложкой
- Прощание с любимой тещей
- Заслуженная похвала супруге
- Капотня, «Богатырь», «Москвич»
- Работа комментатором
- Новая жизнь в «Спартаке»
- Как ковалась та победа
- Поколение чемпионов
- Причины падения «Спартака»
- Коллизии в «Динамо» и «Роторе»
- Приглашение в сборную
- О друзьях и завистниках
- Тяжелый момент — бромантан
- «Крутой» разговор в Тарасовке
- Интервью «Версии»
- Правда о том, почему разошлись с Мостовым
- Потерянное поколение?
- Пытались купить даже… водителя
- Это смахивало на предательство
- Злосчастные 1:7
- Распродажа игроков в «Торпедо»
- Трагедия с сыном
- Дружба на все времена
- Ода партнерам
- Страсти на банкете
- Пути развития «Спартака»
- Где кадры для сборной?
- Бородюк — главный кандидат
- Вместо послесловия

Алексей МАТВЕЕВ
Георгий ЯРЦЕВ
Я плоть от плоти спартаковец
Сенсационные откровения известного футболиста и тренера

Светлой памяти моего сына,
Александра Ярцева, посвящается

Ярцев Георгий Александрович родился 11 апреля 1948 года в поселке Никольское Костромской области. Нападающий. 176 см., 71 кг. Воспитанник школы «Текмаш» — с 1960 года. В «Спартаке» (Кострома) — 1965–1967, 1975–1976, «Искре» (Смоленск) — 1968–1970 (по апрель), 1970 (с сентября) — 1972. ЦСКА — 1970 (май — август), «Гомсельмаше» (Гомель) — 1973–1974. «Спартаке» (Москва) — 1977–1980, «Локомотиве» — 1981, «Москвиче» — 1982.

В чемпионатах СССР провел 82 матча, забил 38 мячей. Чемпион страны 1979 года, серебряный призер 1980 г. В еврокубках сыграл 4 матча, провел 2 мяча. Лучший бомбардир первенства СССР (приз газеты «Труд») 1978 г. — 19 голов. По итогам сезона вошел в число 33 лучших игроков (1978).

В сборной СССР сыграл 5 матчей, участник отборочной встречи к чемпионату Европы-80. Один из ведущих игроков столичного «Спартака» середины и конца семидесятых. Быстрый, резкий, техничный, всегда нацеленный на ворота соперников.

Тренер «Красной Пресни» — 1984–1985 (по июнь), старший тренер клубов «Красный богатырь» и «Нефтяник» (оба Москва) — 1983, 1985 (с августа по 1988 год). Наставник команды «Звезды спорта и эстрады» — 1993–1994.

Тренер московского «Спартака» — 1994 год, с августа. Главный тренер — 1996. Именно в этом году под руководством Ярцева «Спартак» стал чемпионом России. Лауреат премии «Стрелец» (лучшему тренеру страны) — 1996, 2003. Телекомментатор РТР — 1992–1996, вел репортажи с матчей чемпионатов России, Европы и мира.

Перед вами — книга–откровение популярного игрока и тренера Георгия Ярцева. Спартаковца, как говорится, до мозга костей. Ему есть о чем вам рассказать, — например, о замечательном времени, проведенном в рядах «красно–белых», о

товарищах по команде. О своем видении спартаковского футбола как времен минувших, так и дня сегодняшнего. О национальной сборной СССР и России, ведь Ярцев блестяще трудился не только в родном клубе, но позднее успешно работал и в главной команде страны…

Он не только практик большой игры, но и в лучшем смысле этого слова футбольный философ, интересный рассказчик. Его оценки, наблюдения почти наверняка понравятся широкому читателю, независимо от клубных симпатий, антипатий.

В общем, читайте и наслаждайтесь.

Слово к читателю Георгия Ярцева

— В последние годы мои товарищи, в основном спартаковцы, агитировали: все книжки пишут, а ты что, стесняешься? Кому, как не тебе, рассказать о том славном времени, насыщенном очень интересными событиями, — и в личной жизни, и, может быть, главное, в жизни любимой миллионами людей команде. И вот я взялся за это. Если открыли книжку, значит, чем–то она вас заинтересовала, тронула сердце. Хотелось рассказать даже не столько о себе, сколько о своих товарищах, с которыми побеждал, и, случалось, проигрывал на футбольном газоне, делил радости и горести за кромкой поля.

Если это показалось хоть в какой–то степени любопытно, обязательно дочитаете. А нет — так никаких обид. Дело в том, что будущая книжка представлялась мне объективной, честной, реалистичной, хотя, разумеется, и с субъективными нотками. Но отнюдь не слащавой. Удалось ли мне избежать этой слащавости, судить опять же вам, мои уважаемые друзья.

Данная вещь — попытка поделиться накопленным опытом игрока и тренера, рассказать о своем становлении как футболиста, человека. Может, кому–то из вас мои мысли, наблюдения пригодятся? Конечно, хотелось поведать и о своей семье, увлечениях, ведь не футболом единым живет каждый из нас.

Безусловно, в большинстве своем именно спартаковские болельщики прочтут эту вещь. Хочется верить, что мне удалось честно, откровенно поделиться с вами воспоминаниями. Не кривя душой, не лукавя. Иначе не было смысла приниматься за подготовку книги.

Литературная запись Алексея МАТВЕЕВА

Елена КОЗЛОВА, владелица столичного спортбара «Допинг»:

— Футбольной болельщицей я стала благодаря папе, Равилю Ганетуловичу. Можно сказать, с малолетства впитала спартаковские гены, ведь папа всегда был преданным поклонником «красно–белых». С тех пор мое сердце безраздельно отдано этой команде. Восхищалась умной, техничной, вдохновенной игрой Георгия Александровича, его потрясающих партнеров по «Спартаку». Это праздник души!

К слову, всегда мечтала познакомиться с Георгием Александровичем. И примерно полтора года назад мечта сбылась. На турнире, организованном Димой Аленичевым в Турции, меня наконец представили Георгию Александровичу. Сфотографировались на память, стали регулярно общаться. Ярцев

— не только классный игрок, но и мудрый, интересный собеседник. С ним можно поговорить не только о футболе — о жизни, о людях, нас окружающих; выслушать много интересного на разные темы и, конечно, его ненавязчивые советы. Словом, для меня он — безусловный авторитет во всем. Здоровья, долгих лет жизни, удачи вам во всем, Георгий Александрович!

Знакомство с Бесковым

— В январе 1977 года руководство костромского «Спартака», в составе которого я выступал, получило телеграмму из Москвы: Константин Иванович Бесков собирает на турнир все спартаковские команды. Чтобы просмотреть потенциальных новичков для основного, столичного клуба, ему ведь предстояло биться в первой лиге за право вернуться в высшую. Откровенно говоря, мне не очень хотелось ехать тогда в Москву. И лет по футбольным меркам было уже немало — 28, и с семьей планировал дольше побыть накануне сезона. Тут мой первый наставник Вячеслав Скоропекин, возглавивший костромской «Спартак», вмешался: поддержи нас, пожалуйста, поезжай. И жена Люба говорила: мол, из столицы привезешь для семьи продуктов. И я поехал.

Обычно спортивную форму я всегда обретал быстро, с этим вообще проблем не возникало. Забегая несколько вперед, скажу, выиграли мы тогда турнир спартаковских команд.

А по ходу соревнований случилось неординарное и в то же время очень неожиданное для меня событие. По окончании одного из матчей стою в холле первого этажа спартаковского манежа, что на Оленьих прудах. Вокруг толпа народа — игроки других команд, тренеры, специалисты. И вдруг Константин Иванович Бесков идет прямо ко мне, протягивает руку для знакомства. «Здравствуй, Георгий, — молвил знаменитый тренер. — Хочу вот позвать тебя в московский «Спартак». — «А вы знаете, сколько мне лет?» — в свою очередь, отвечаю вопросом на вопрос. «Сколько?» — «Двадцать восемь». — «Ты опоздал ко мне лет на десять». И все, на этом тот диалог между нами оборвался, мы галантно попрощались. По ходу турнира я продолжал много забивать, Константин Иванович, насколько заметил, неизменно располагался на трибуне, наблюдал, что–то записывал…

Буквально через день после памятного общения с Бесковым приходят руководители костромичей: мол, звонила супруга тренера Скоропекина, просила тебя срочно вернуться домой, к семье.

Тогда ведь не было мобильной связи, сразу не выяснишь, что там могло произойти дома. Конечно, я волновался. Да и обещанных даров природы для семьи не купил. «Не переживай, мы тебе все достали — и билет на поезд, и продукты», — заверили в клубе. «Люба, что случилось?» — с порога спрашиваю жену. «Ничего». Оказалось, костромичи, завидев интерес Бескова ко мне, поспешили отправить меня домой. Очень не хотели, не

дай бог, расстаться со мной. А, между прочим, по окончании самого турнира проводился матч своеобразной сборной спартаковских команд собственно с московским «Спартаком». И меня включили в состав той сборной. Но я, по «независящим причинам», пропустил тот поединок. Кстати, Бесков просто рвал и метал: почему это Ярцева нет в той сборной команде?

Скандал имел продолжение. Председатель костромского совета «Спартака» Владимир Сорокин чуть ли не умолял: давай, дескать, дуй в Москву к Бескову, а то нас всех поснимают с работы! «Ну, пусть вас и снимают, я-то при чем? Извините, никуда не поеду». Короче говоря, «наверху» за меня решили: надо отправлять Ярцева в Москву. И все тут.

Признаться, желанием я не горел. Возраст, повторюсь, уже приличный, спокойная жизнь в Костроме, налаженный быт. Пусть и не по московским меркам, но очень даже неплохой. Резко менять что–то не хотелось… Да и предыдущий опыт в высшей лиге с ЦСКА, по большому счету, не удался. Все завершилось — я даже и не успел поиграть за легендарный клуб — серьезной травмой.

«Вот «старика» привел…»

Подспудно было, конечно, желание поиграть в столь знаменитом столичном клубе. Смотрел некоторые матчи высшей лиги, по ходу которых закрадывалась мысль: да и я так могу играть! И отказываться от предложения корифея футбола, каковым слыл Константин Иванович, было, наверное, глупо. Я приезжаю в Москву, тренируюсь со спартаковцами и отправляюсь с ними на южные предсезонные сборы.

Стартовые же контрольные матчи показывают, что я, без ложной скромности, отнюдь не худший в команде. И в один прекрасный вечер Константин Иванович предлагает: «Пойдем, поговорим. Чувствую, ты не очень хочешь к нам», — продолжил Бесков. Ну, вот такой, в общем–то, житейский разговор пошел. «Ты переедешь в Москву, жена и дети будут устроены», — обещал наставник. Тут и Николай Петрович Старостин подключился к беседе. А если люди подобного калибра что–то обещали, выполняли обязательно. В этом, к слову, не только я, но и мои партнеры, товарищи по клубу, могли неоднократно убедиться. И потом здоровое самолюбие во мне взыграло, — а почему нет? Пусть это будет сезон–два, но ведь «Спартак» же!

Вернулись мы со сборов в столицу. И Константин Иванович отпустил меня домой, в Кострому, еще раз подумать, обсудить предложение в кругу семьи, близких, друзей. Той же весной я стал игроком основного состава…

Помню, в адрес Бескова много слышал упреков со стороны. Дескать, и зачем «старика» — то в команду взял, что с него толку? Ведь только позже, когда нападающий Ярцев стал выдавать неплохие результаты на футбольном поле, «критики» поутихли. И вплоть до 1980 года мои отношения с Константином Ивановичем, можно сказать, были безоблачными. Он даже как–то ненавязчиво опекал новобранца команды, иногда брал под свою защиту.

Не секрет, что тогда в первенстве первой лиги проводились так называемые спаренные матчи, после которых по возвращении в Москву Бесков отпускал меня в Кострому, семья–то продолжала жить пока там. Обратный же поезд в столицу прибывал где–то в пять утра. Сам же старший тренер вставал еще раньше, примерно в четыре. И я, минуя здание клуба, неизменно пересекался с Бесковым. Ложиться на часок–другой в подобных случаях не видел смысла, утро сразу начиналось с зарядки. И… с тактических занятий Константина Ивановича. Я эти тонкости буквально зазубрил, пропустил через себя на многие годы вперед.

Все–таки однажды я опоздал на целые сутки, чем вызвал

явное неудовольствие тренера. И Люба с сыном переехали в Тарасовку. Спортивная база стала для нас поистине родной, как и для других моих партнеров. Там же с семьей жил Саша Прохоров, а также Валера Глушаков, Вагиз Хидиятуллин, Сережа Шавло. Ну, все! И Романцев туда приехал на житье. Мы до сих пор ту дружбу сохранили, что закладывалась в нашей замечательной Тарасовке. Кстати, нередко обсуждение каких–то игровых моментов, хода матчей в целом затевали прямо в тамошней баньке. Но никогда не таили обид на партнеров, они всегда высказывались честно, откровенно. Разве обижаются на нормальную профессиональную критику?

Между тем сезон 1977 года начали неудачно, в середине таблицы плелись. Лишь ближе к экватору продвинулись на шестые–седьмые позиции. Но тоже не блеск.

Вот говорят: спартаковская игра. Я не совсем согласен. Это старшее поколение спартаковцев, да, демонстрировало замечательный, красивый, потрясающий воображение стиль. Но футболистам моего времени игру ставил уже Бесков. Короткий и средний пас вновь обрел тогда грозную, едва ли отразимую энергетику. Против подобной манеры у соперников почти не оказывалось козырей.

А когда во втором круге сезона-77 пришел в команду Гаврилов… Тут уже связка с ним пошла. С его умной, тонкой, почти неуловимой для оппонентов игрой многое на свои места встало. Понимали друг друга с полуслова, полужеста. Мы, к слову, сейчас, предположим, какое–то время не видимся. Но стоит нам вместе выйти на поле в составе команды ветеранов, как ставшее знаменитым взаимопонимание возвращается. Это, видно, в нашей подкорке сидит, на интуитивном уровне. Я знал и знаю, что он будет делать, Юра, в свою очередь, «читает» мои ходы. Это, как говорится, форварду очень везет. И тому, кто «везет» на своем горбу форварда, то есть полузащитнику.

Затем появился в составе Федор Черенков. При наличии двух таких конструктивных хавов соперникам вообще стало трудно нас нейтрализовать. После нас с Гавриловым, кстати, появилась связка Родионов — Черенков, они также здорово понимали друг друга. Подобные вещи наигрывались на тренировках, а тактические занятия Бескова длились порой часами. Он придавал этому огромное значение, благодаря четко выработанной тактике многие комбинации проводились нами, что называется, «на автомате». Вот потому многие соперники и не могли уже справиться со «Спартаком». Пусть мы не всех обыгрывали, но вернули–таки людей на трибуны. На матчи первой лиги с участием «Спартака» народу ходило порой больше, чем на игры

московских клубов, вместе взятых в классе сильнейших…

Вообще–то этот плач нынешних мастеров по поводу, например, необходимости сборов перед важнейшими матчами, скажем, отборочного цикла мне лично непонятен. Мы–то, спрашивается, почему не стонали? Нам накануне, казалось бы, рядовых матчей советского первенства давали всего день отдыха. За сутки и в баньку успевали сходить, и в ресторан, и с женой концерт посетить. Вот так! Ангелов, может быть, среди нас не было. Но все знали: завтра — сборы, возвращение в Тарасовку. Обычная процедура: взвешивание, медицинское обследование, возможный нагоняй от Бескова. Ничего, терпели, многое, повторюсь, успевали. И многого добивались — на футбольном поле.

Едва не покинул «Спартак»

Грянувший как гром средь ясного неба не конфликт даже, а некая размолвка с Бесковым оказался весьма серьезным. И чреватым последствиями — могли меня и вовсе прогнать из команды. Разумеется, как, наверное, и в любом коллективе того времени, у нас, в «Спартаке», тоже существовала очередь на получение квартиры. И вот узнаю, что кому–то дают уже жилплощадь, а я чувствую себя в этом смысле несколько обделенным. Семья–то продолжала жить в Тарасовке, сын Сашка в детсад ходил, супруга Люба пока без работы сидела. И конечно, столь походная жизнь, да еще в приличном по футбольным меркам возрасте изрядно поднадоела. Даже угнетала и «душила».

Когда мы удачно слетали в Душанбе и Ташкент, я посчитал, что на меня в «Спартаке» больше не рассчитывают. Действительно, возрастной уже игрок, и все такое прочее. Вернусь–ка в Кострому. К тому времени спартаковцев было не остановить, мы на всех парах мчались в высшую лигу. По прилете, в аэропорту, подошел к Константину Ивановичу, поблагодарил за все хорошее. Сел, представьте, на ближайший грузовик с костромскими номерами и был таков. Стало как–то обидно: вроде использовали, а затем, когда задачу решили… Могли бы предупредить: так, мол, и так, особо ни на что не рассчитывай. Кстати, на тот момент забил больше всех в команде.

После этого отнюдь не запланированного отъезда в родные пенаты волна поднялась мощная. Мой демарш не остался не замеченным руководством «Спартака». Начальство же костромских «красно–белых» снова на ушах: их опять начали из–за меня трясти. Надо было возвращаться в Москву, чтобы разобраться в ситуации. И сразу к Николаю Петровичу направился, он, как штык, в девять утра на работе. «Жор, я уже все сказал по этому поводу Бескову, поезжай к нему».

Встретила меня супруга Константина Ивановича — Валерия Николаевна, сам Бесков в бане парился. Приезжает тренер, начинаем говорить. Валерия Николаевна стол накрыла, начали обедать. Кстати, тот обед сильно выручил меня несколько позже, обязательно расскажу. «Что ж, Валерия, налей и ему коньячку, он с футболом уже закончил», — молвил Константин Иванович. «Коньяк не пью, а водки бы выпил». Выпили, посидели. Перешли в большую комнату, кофейку налили. Бесков, зримо ощущалось, настроен добродушно.

Невольно на часы посматриваю: пора бы уже на костромской поезд спешить. «В общем, так, вопрос решен, — говорит

Константин Иванович. — Либо ты действительно заканчиваешь с футболом и больше нигде не играешь, либо едешь сейчас же в Тарасовку и продолжаем работать, забыв все. Машина ждет внизу». Валерия Николаевна еще до моего разговора с Бесковым поинтересовалась: «Ты же хотел жить в Сокольниках?» — «Конечно, это мой любимый в Москве район. Еще с фильма «Добровольцы», который я тоже обожаю». — «Так вот, Жорочка, Константин Иванович и хочет, чтобы ты жил в Сокольниках». Поэтому я, почти не раздумывая, озвучил свое решение Бескову: еду в Тарасовку. «Верная мысль», — удовлетворенно одобрил сам тренер.

После чего никакие сплетни, разговоры за спиной меня не волновали. Бесков опекал меня, словно сына родного. Без видимых проблем перешли в высшую лигу. Состав, за редким исключением, не менялся, появились в хорошем смысле уверенность, стабильность. В сезоне-78 появился Сергей Шавло, Олег Романцев подъехал. Команда с ними только сильнее стала.

Правда, на старте нас, как обычно, лихорадило. Неудачи преследовали. Той спартаковской команде нужны бы добротные поля, а по весне понятно, что за газоны в Союзе. Да еще заварушка в команде произошла. Из–за возможного ухода Жени Ловчева игроков затаскали по инстанциям. Все было очень зыбко: то Бескова, слышали, снимают, то, говорили, Ловчев уходит. Заседания тренерского совета одно за другим: ставить Ловчева в состав или нет? Сама по себе нервная реакция Женьки на это. И так–то дергались по причине неудачного старта в чемпионате, тут еще внутренние разборки вмешались. Долго, мучительно решали, на какой позиции Ловчеву играть. Сам он видел себя центральным полузащитником.

В «Спартаке» того времени традиция была: в преддверии каждого матча руководство раздавало нам своего рода анкеты. Туда мы анонимно вписывали фамилии партнеров по команде, которых считали нужным ввести в состав на конкретную игру первенства. Бесков, кстати, свято верил в эту процедуру. Женю едва ли не все тогда делегировали в состав. А вот на какой позиции ему играть — пусть решают тренеры, посчитали мы. Старший тренер полагал, что в середине поля Ловчев пользы не принесет, а роль левого защитника уже прилично исполнял Олег Романцев. Так что в 78-м уже определилась основа. И Бесков Евгения в ней не видел… Проигрыш дебютного матча в Тбилиси как раз и подчеркнул всю нервозность той атмосферы, в которой нам пришлось готовиться, а затем и выступать в чемпионате. Как следствие Прохоров пропустил тогда, может быть, не обязательные мячи.

После ухода Ловчева обстановка в клубе нормализовалась, уже не мучили всякого рода недомолвки, скандалы. И в целом сезон неплохой провели. Только киевляне нас сильно прибили. Надо сказать, что начиная с 77-го года Бесков постоянно ориентировал команду на противостояние с киевской армадой. «Это наши основные противники», — любил говаривать Константин Иванович. Я тогда думал про себя: где мы, а где Киев. На основе «Динамо» формировалась сборная, бал правили Лобановский с Базилевичем. У них был сильный, наигранный ансамбль, представлявшийся непобедимым. Кто мог бросить им перчатку? Конечно, «Спартак»! Почему народ любит «красно–белых»? Да хотя бы потому, что мы вернули чемпионство в Москву, ведь с киевлянами долго никто не мог справиться.

А в 78-м, откровенно говоря, не готовы были соперничать с ними. Хотя те победы над нами Киеву нелегко дались. Ведь говорят — сила силу ломит. На их уровне играть еще не могли. Полкоманды — дебютанты высшей лиги. И ореол киевского «Динамо», что скрывать, на нас тогда давил. Мы их не боялись, но украинцы — выше остальных на голову. С другими конкурентами мы не только на равных соперничали, но и превосходили их, здорово, например, провели матчи в Москве с тбилисцами, земляками–армейцами, динамовцами. Наше пятое место считаю удачей, если учесть, что поднимались со дна таблицы, превозмогая внутренние неурядицы, о которых я уже вам рассказал.

Вообще 78-й год многое нам дал, прошли через такое горнило! Осознали, что на этом уровне играть можем. Предвосхищая рассказ о «золотом» чемпионате-79, замечу, что скорее не Киев сбросил обороты, а мы заметно прибавили. Точнее, доросли. Чем объяснить рост? Банально, но факт: работой, конечно. Тренировками, гениальным тактическим чутьем и умением Бескова. Ну, и своим, игроцким, возросшим мастерством тоже.

Как стал лучшим бомбардиром

По–моему, нельзя это «замолчать». Все тот же 78-й год. 19 мячей за сезон, больше меня никто в том чемпионате не забил. «Спартак» же, напомню, только вернулся в высшую лигу после некоторой заминки в 76-м.

Считаю, все началось с того памятного предсезонного турнира в 77-м, когда Константин Иванович и разглядел во мне качества будущего бомбардира команды. Хотя я во всех клубах слыл забивным форвардом, но в «Спартаке» — то московском на тот момент еще не играл и не забивал. В принципе и в Москве, на более высоком уровне, для меня не было ничего сверхъестественного забивать, это ведь прямое предназначение каждого нападающего.

Правда, не сразу наладилась игра в московском «Спартаке». Забивал весьма редко — какие–то красивые мячи, а иногда не очень зрелищные. С приходом Гаврилова, повторюсь, атака стала разнообразнее, ставка, что скрывать, делалась именно на наш с ним дуэт. Не открою Америки, если скажу, что нападающий — в хорошем смысле агрессор, плюс, конечно, к агрессии стоит добавить голевое чутье. Чутье, прежде всего, на мяч, на ту позицию, где необходимо вовремя оказаться. Ведь многие мячи на интуиции получались. Чтобы мячишко ко мне отскочил в голевой ситуации, нужно было, извините, немаленькую работу на поле проделать.

Так что те 19 мячей лично для меня не явились каким–то из ряда вон откровением, внутренне был готов к подобному достижению. По–моему, я в том сезоне еще столько же не забил, вот о чем говорить–то надо! Порой просто удивительные мячи не заходили, с ума можно сойти. Между прочим, все наши славные полузащитники трудились, можно сказать, не покладая ног. Женя Сидоров, Сережа Шавло, Юра Гаврилов, Федя Черенков проделали огромную творческую работу.

Почему, например, относительно мало забил другой наш форвард, Вадик Павленко? Да потому, что игра того «Спартака», и это правильно, строилась, в основном, «внизу». А Павленко прекрасно действовал «наверху». Он–то нам нередко и сбрасывал мячики под разящие удары, с его замечательных передач мы немало забили.

Не было задания от Бескова играть непременно на Ярцева. Это выглядело бы, на мой взгляд, утопией. Поразить цель могли многие ребята. С удовольствием вспоминаю, например, гол Сидорова «Шахтеру», с его росточком забившего головой. В атаке,

по мысли Бескова, призваны были участвовать почти все, в зависимости от выбранной на конкретную игру тактики.

Я, к слову, не всегда «играл на пианино», иногда и «таскал» его. Освобождал зоны для партнеров, врывавшихся туда для обострения. Здесь важно не выпячивать себя как бомбардира, и не обязательно ты должен завершать комбинации. От меня требовались и отвлекающие маневры. Валера Гладилин тогда тоже немало забил. А ближе к завершению сезона-78 в команде почти не осталось футболистов без забитых мячей…

Самые памятные голы? Пожалуй, московским и тбилисским динамовцам. Особенно последним. Там комбинацию классную провели. Шавло с Гавриловым вывели меня на ударную позицию, удалось пробить Габелию. Эти мячи, пожалуй, особенно знаковые, что ли. Так как сезон складывался для нас весьма непросто, команду подчас изрядно лихорадило по причинам, о которых я уже сообщал.

Кстати, в том же, 78-м, состоялся своего рода рекорд, никем не побитый до сих пор. Это когда я в двух матчах кряду забил семь мячей — сначала три в Ташкенте «Пахтакору», еще четыре «Кайрату» в Москве. Любопытно, рекорд мог не устоять в чемпионате России-2010. Мы пришли на стадион вместе с Дасаевым. Тогда Веллитон вполне мог превзойти достижение. «Смотри–ка, сейчас бразилец побьет твой рекорд!» — невольно воскликнул сидевший рядом Ринат. Однако вскоре забил другой спартаковец — Алекс, и планка осталась не взятой. «Фартовый ты», — подытожил Дасаев.

А самый дорогой, памятный гол случился, конечно, в Киеве на следующий год, когда мы стали чемпионами. Хидя прошел и сделал мне пас. Оставалось только попасть в дальний угол. Опять же потому, что комбинация наиграна на тренировках. Все ребята знали — выскакиваю в подобных комбинациях на ближнюю штангу, играю на опережение. Вагиз очень зряче исполнил передачу. Накануне самого матча Николай Петрович напомнил нам: кто выигрывает такие встречи в Киеве, тот, как правило, становится чемпионом. И рассказал о победе «Спартака» в 69-м. В 79-м чудесная сказка, ставшая явью, повторилась. Но подробный мой рассказ о «золотом» для нас первенстве еще впереди…

Сейчас коротко о забавном, даже смешном случае. Игра в Москве с тбилисцами. Сам Леонид Ильич в вип–ложе Лужников. Рвусь на ударную позицию, слышу легкий треск — кто–то из соперников отчаянно цеплял меня за трусы. Чувствую, резинка порвалась в клочья и вот–вот нижнее белье упадет на газон. Не могу двинуться с места, а позиция голевая. На нашей лавке

недоумевают: что это он застыл, словно мумия? Пробить по мячу? Да никуда я не пробил. Трусы держал, чтобы не упали. Мы тот матч все равно выиграли.

Мы не гоняли «договорняки»

Некоторые болельщики, специалисты, журналисты со стажем нет–нет, да утверждают, что спартаковцев по ходу сезона-78 в первой лиге якобы тащили за уши в класс сильнейших арбитры. Еще, видите ли, «красно–белые» могли гонять пресловутые «странные» матчи. Эти факторы–де тоже «помогли» команде вернуться в высшую лигу. Наряду, разумеется, с высоким футбольным мастерством, которым мы, бесспорно, обладали. Не зря ведь в том же, 79-м, чемпионами страны стали. Да и годом раньше достойно выступили, оказавшись в пятерке сильнейших клубов первенства Союза.

Резонно упомянуть о том, что Николай Петрович Старостин при всем своем безусловном авторитете даже и не помышлял воспользоваться им. В том числе, в высоких футбольных структурах, да и во властных также. Думаю, труда большого ему не составило бы «договориться» о куда лучшей участи для его клуба, чем выступление в первой лиге. Но он на это не пошел, что ярко характеризует честность, принципиальность не только самого Старостина, но и спартаковского коллектива в целом.

Да и какой смысл помогать «Спартаку» в первой лиге, когда, наверное, была возможность у тех же судей оказать «услугу» команде, может быть, в самые кульминационные моменты чемпионата-76 в высшей лиге. Они, судя по всему, не «помогли», если спартаковцы вылетели. Наша же игра в турнире первой лиги оказалась в буквальном смысле остроатакующей, непредсказуемой, мы столько — просто кучу! — создали моментов у ворот соперников, что арбитры, на мой взгляд, просто щадили оппонентов. Не назначая в их сторону очевидные штрафные удары, в том числе и пенальти.

В обоих матчах с «Кузбассом» нас почему–то никто из рефери не «вытащил», и в гостях, и дома мы тогда проиграли. Да и как можно прилюдно, на глазах многотысячной аудитории стадионов и миллионов у телеэкранов, «тащить» команду, матчи которой вызывали неподдельный интерес во всех уголках Союза? Слишком было бы очевидно. А потому глупо такие «спектакли» устраивать. Опять же что–то не очень, мягко говоря, помогли в свое время «Спартаку» другие столичные клубы, дружно проигравшие в последнем туре первенства-76 своим соперникам. Тем самым поспособствовав вылету спартаковцев из высшей лиги. Не так ли?

В «золотом», 79-м, отправились в Ташкент, выигрывали по ходу встречи. Так ответный мяч забил наш парень, бывший

спартаковец, Миша Бондарев. Эта ничья вообще не принесла «Спартаку» очков, так как мы исчерпали лимит. Из Одессы тоже уехали не солоно хлебавши, снова ничья. Видите, никто с нами в поддавки почему–то не играл. И тут кто–то заговорил о «договорняке» с ростовчанами. Но разве вы забыли, особенно болельщики со стажем, что по ходу того матча травмировался Ринат Дасаев и в ворота встал совсем не обстрелянный, юный Леша Прудников? Судьба важнейшей для нас встречи висела на волоске.

Разве по ходу «договорняка» людей выводят из строя? Если вспомнить, нападающий Ростова Андреев забил пару мячей, став одним из лучших бомбардиров чемпионата. Наверное, в подобном «договорном» случае и мне позволили бы пару мячиков забить. Но я даже пенальти в той игре не исполнял, так как Саша Мирзоян смотрелся солиднее, увереннее, ему мы доверили удар с «точки». И не ошиблись. Вот так. Поэтому все разговоры про разных наших «помощников», по–моему, беспочвенны.

В Киев ехали за победой

А теперь о самом главном матче «золотого» сезона-79, с киевским «Динамо», да еще на его поле. О том, что предшествовало ему. Должен сказать, нас с киевлянами, несмотря на острое соперничество, связывали узы искренней дружбы, чувство глубокого уважения друг к другу. Странно, скажете? Ничего удивительного в том нет.

К слову, матч первого круга в Москве мы у них тоже выиграли. В развитие голевой ситуации я пропустил мяч на Шавло, и тот не промахнулся. Ребята — Олег Блохин, Вова Бессонов заехали после матча в гости. Жена Люба накрыла стол. Душевно посидели!

И, забегая вперед, скажу, позднее ехали в Киев с определенным запасом прочности. Была уже выверенная, поставленная Бесковым игра. Не ощущалось того мандража, что раньше. Под их ореол, беспроигрышность, неуязвимость уже не очень попадали. В «Спартаке» имелись свои замечательные мастера, ярко проявлявшие себя не только в клубе, но и в сборной. Еще Николай Петрович накануне поездки по–хорошему всех «завел». «Кто побеждает в Киеве, тот становится чемпионом», — напоминаю вам слова нашего любимого патриарха. Это был такой заряд, словами не передать!

Однако надо быть до конца объективными: в том, по сути, «золотом» киевском поединке не играл Блохин. Сами понимаете, с ним и без него — две существенные разницы. Потеря для Киева почти невосполнимая. Он, кстати, буквально перед той игрой приехал, как ни в чем не бывало, в гостиницу, где мы остановились. Зашел в номер к нам с Хидей, пообщались. Поинтересовался, какие проблемы. И отнюдь не в роли «разведчика» пришел, а просто повидать нас. «Торты–то киевские заказали или мне вам привезти?» — непринужденно спросил Олег. Посидели, чайку попили. О предстоящей игре вообще ни слова. И он уехал.

Блохин, конечно, присутствовал на матче, и по его окончании мы снова от души общались. Об Олеге я мог бы долго рассказывать. Казалось бы, на вид он неприветлив, даже несколько угрюм. В своих суждениях, оценках, случалось, был резким. Но это в восприятии тех, кто его не знает. В обыденной жизни — мягкий, теплый, даже, сказал бы, «пушистый» человек. Вот на поле, да, — превращался в неукротимого, несгибаемого бойца. Так и должно быть.

Хотел бы сразу сказать: в дебюте первенства-79 никто из нас,

разумеется, не излучал уверенности, что непременно станем–де чемпионами. Это ясно. Просто по ходу первенства, когда пошла игра, атакующий потенциал возрос, исправно набирались турнирные очки, появилась и уверенность в собственных возможностях. Весьма укрепили наши ряды Мирзоян с Хидиятуллиным и Романцевым. Букиевский или Самохин закрывали правую бровку в защите. Бесков ставил кого–то из них, в зависимости от уровня готовности. И проблем с составом не было. Тут сама атмосфера соответствующая: били, что называется, не растопыренными пальцами, а мощным, увесистым кулаком.

Бесков смог удивить всех — неприятно, прежде всего, соперников из Киева, ошеломляюще в приятном смысле нас. Мы этот ход старшего тренера еще очень долго обсуждали меж собой в поезде, направлявшемся в Москву после нашей феерической победы. Ясно, кто же мог уснуть в такой знаменательный, прекрасный вечер?!

Так вот, для всех, в том числе и для нас, стало полной неожиданностью появление Вити Самохина на позиции опорного полузащитника. Виктор, наверное, провел один из лучших матчей за всю свою карьеру. Он так здорово, умело, классно закрывал зоны, что многие просто ахнули от восхищения!

Любопытно, нами он туда, разумеется, не был поставлен (помните, наверное, как каждый из нас анкету заполнял перед календарной игрой с составом команды). Конечно, мы определили Самохина, как обычно, на позицию правого крайнего защитника. Вот кто такой Бесков — что и говорить, гений! Самое же интересное, что Самохин после матча в Киеве больше ни разу не сыграл центрального полузащитника! Мы все дружно проголосовали за Виктора в качестве хава, а Бесков вернул его на место защитника. В следующем поединке, в Москве, потребовался полузащитник, который уже «туда», вперед нагнетал обстановку. Здесь роль более креативного, что ли, атакующего игрока отводилась Саше Сорокину, и он с ней опять же неплохо справился.

Если ненадолго вернуться к матчу в Киеве, то, откровенно говоря, мы вряд ли могли чем–то удивить многоопытный коллектив украинцев. Надо было навязывать свой стиль, гнуть именно спартаковскую линию. Многие комбинации наигрывались, шлифовались до автоматизма. И встреча получилась непростой, никто бы не удивился, если, предположим, мы уступили в той игре.

Знаю, до матча в нас мало кто верил, даже некоторые люди из ближайшего окружения «Спартака» не поехали с командой в

Киев, предрекая неудачу. Но мы–то были другими, настроены совсем иначе, чем раньше, робости уже никакой! Кое–кто из спартаковцев–сборников общался с киевлянами на всякого рода совместных тренировках. И почувствовали: динамовцы явно считались со «Спартаком», уважали наш потенциал, самих футболистов. Да, у Киева мощный состав, но, повторюсь, и мы им не уступали. Здесь — кто кого. План Бескова на ту игру изучили досконально, выполнили его. И победили.

Раздрай в команде

Если в 79-м мы предстали единым, мощным коллективом, то о следующем сезоне этого не скажешь. В плане игры мы по–прежнему здорово понимали друг друга, были очень сильны. В 80-м и сборная страны состояла в основном из спартаковцев, что лишний раз подчеркивало нашу мощь. Но червоточинка, к сожалению, стала разъедать команду изнутри. Наверное, на общей, неблагоприятной атмосфере сказалось и назначение Бескова старшим тренером национальной команды. И особенно негативно повлияло на отношения внутри клуба то злосчастное поражение на Московской Олимпиаде.

Вообще по окончании Олимпиады что–то непонятное происходило. Константин Иванович обвинил в неудачах олимпийской сборной… спартаковцев, не сумевших, по его разумению, составить достойной конкуренции сборникам. Ну, при чем тут, спрашивается, ребята, даже не вошедшие в состав сборной? Вот форменный схлест на этой почве и пошел, разрастался, словно снежный ком.

По ходу победного прошлогоднего сезона клубное руководство разрешило нам приобрести автомобили. Однако уже тогда это несколько странно прозвучало: мол, «легковушки» — не роскошь, но аванс на будущее. Как и новенькие квартиры тоже. Ничего себе, думалось, аванс: ребята, можно сказать, корячились изо всех сил, старались, шли очень тернистым путем из первой лиги в высшую, стали чемпионами страны. Зачастую ради команды махнув рукой, кстати, на свой не отлаженный к тому времени быт, интересы семей наших. Какой же это, простите, «аванс»?!

Думаю, не столько сам Бесков, сколько его окружение подливало масла в огонь. Плюс ко всему Константин Иванович был несколько подозрителен по своей натуре. И достаточно в подобной ситуации хоть немного негатива в его уши «влить»… Я и до сих пор утверждаю, командную лодку «Спартака» раскачивали изнутри лизоблюды. Которые потихоньку за нашими спинами шептали тому же Бескову всякую чушь о ребятах. Правда, Дасаева, Черенкова, Гаврилова Константин Иванович почти никогда не беспокоил придирками. А вот остальным игрокам доставалось на «орехи» сполна. Я тоже в этом смысле не являлся исключением.

Помните мой рассказ о приеме в доме Бескова за чаркой доброго напитка? Тогда я позволил себе выпить с мэтром водки, ибо тот же коньяк не воспринимал. Так вот, вызывает меня как–то

Константин Иванович, говорит: «Тут рассказывают, что намедни вечером в Сокольниках вчетвером вы в пельменной коньяк пили». — «Вы же знаете, я коньяк не принимаю». — «Я так и подумал, врут, наверное».

Вообще в то время, будучи игроком «Спартака», в злачных местах нельзя было даже появиться. Все моментально докладывалось, буквально выворачивалось наизнанку. У Бескова можно нарваться на оглушительную взбучку буквально ни за что! Любая мелочь выливалась едва ли не во вселенский скандал.

Раздрай в команде достиг апогея, когда Романцев и Хидиятуллин получают травмы. Выхожу с капитанской повязкой на игру против «Локомотива». Побеждаем. Буквально на следующий день Бесков, даже не взглянув на меня, молвил: «Ты хотел в Кострому съездить, отдохнуть. Ну, так я тебя отпускаю». Тут, признаться, злоба взяла, шлея попала. Подожди, думаю, что, буду терпеть? Ни за что! То за Олимпиаду на ровном месте отчитывал, то в отпуск отправляет посреди сезона. С меня хватит. Противоречить не стал, сказал только: уезжаю. «Отправляйся к Николаю Петровичу», — прозвучало напутствие Бескова.

Приезжаю на Красносельскую, там Николай Петрович с братом Андреем Петровичем располагались. Люди, имевшие в то время хоть какое–то отношение к «Спартаку», прекрасно знали, сколь серьезное влияние оказывал Андрей Петрович на Бескова. «Ну, Георгий, здорово вчера сыграл, молодец», — с порога одобрил Андрей Петрович. «Сыграли, может, и неплохо, да Константин Иванович в отпуск меня отправляет». И в этот момент звонит сам Бесков. Меня, конечно, просят выйти. Но дверь–то приоткрыта, по обрывкам фраз можно догадаться, о чем разговор. «Андрей, — обращается к брату Николай Петрович. — Бесков действительно Ярцева в отпуск отправляет». — «Что он, сдурел?!» — реакция Андрея Петровича.

А что, думал я, в Алушту с семьей соберусь, на юге как раз спартаковская база была. Старостин оперативно созвонился с директором спортбазы в Алуште, и уже через сутки я с женой и сыном улетел загорать. Чем плохо? Если бы сынку Сашке не идти в школу, мы бы еще там задержались. Кстати, накануне отъезда Николай Петрович заверил: «Поезжай спокойно, Жорж. Отдохни. А за былые и текущие заслуги перед «Спартаком» ставку футболиста вплоть до декабря обязательно за тобой сохраним. Еще и премиальные выплатим». Вы уже знаете: свои обещания и обязательства братья Старостины всегда выполняли.

Стоял август. Между тем у футбольного «Спартака» имелся запас в набранных очках перед соперниками, моя родная команда лидировала в чемпионате. Я с семьей вернулся, наконец, в

столицу. Старался не возмущаться и публично не выступал по поводу того, что меня фактически не привлекают на матчи за клуб. У многих ведь сложилось тогда впечатление, что Ярцев травмирован, нуждается в отдыхе, лечении… Понимал, стоило приоткрыть истину, как тут же гонцы из других команд начнут звать к себе. Кстати, в Алушту, во время вынужденного отпуска, приезжали, пытались со мной договориться… Тщетно. Ясно, что ближе к окончанию сезона редко кто переходит из клуба в клуб. Ту серебряную медаль за 80-й год мне все–таки вручили, больше пятидесяти процентов матчей провел тогда за «Спартак».

Как–то вечером раздается звонок от тренера Ивана Варламова: «Георгий, ты должен приехать в Тарасовку». Дела–то в нашем клубе шли неважно, и вовсе не потому, что в составе не было Ярцева. Наши олимпийцы заметно устали, долго находились на сборах, плюс матчи за национальную команду и клуб. Многие выходили на поле с травмами. Локальные и крупные конфликты тоже не прибавляли оптимизма. Константин Иванович, о чем я уже рассказывал, почти во всех олимпийских бедах винил разве что спартаковцев. А на ком еще он мог выместить свое недовольство? Другие ребята разъехались по своим командам, под боком только мы.

Приезжаю в Тарасовку. Там, между прочим, все вещи оставались: игровые, цивильные. Да и комнату мою никто не занимал. Бесков ставит меня за второй состав во время тренировки, затем переводит в первый. Следующим днем команде улетать в Люксембург, на матч Кубка чемпионов. Вместе со всеми ребятами вернулся в Москву. Тут звонок от второго тренера Новикова: Бесков тебя ждет. Он решил: летишь с командой в Люксембург.

Дело в том, что, как обычно, перед тренировкой процедуру взвешивания все игроки прошли. У меня — ни грамма лишнего. «Ну, что ты там, в Алуште, тренировался?» — с некоторой иронией замечает тренер. «Разве я с футболом закончил?» Однако на установку тогда в Тарасовке Бесков меня не позвал. Но в Люксембург, тем не менее, взял.

Ту концовку сезона-80 почти всю отыграл. И вот, за два тура до окончания первенства, аккурат после игры в Донецке, Константин Иванович во время разбора матча достает свои знаменитые желтоватые страницы, на которых делал пометки. «Начнем с нападающих, вот Ярцев…» Мне все стало ясно. Спорить, выступать, оправдываться совсем не хотелось, да и ни к чему. Спустя всего час я покидал родную Тарасовку. Знал, кандидатуру на мою позицию Константин Иванович уже подобрал. Ведь многие партнеры через это прошли. Какие тогда

могли быть контракты? Тебя в свое время взяли в команду, тебя же и уволили, когда вздумалось.

Золотой сон до обеда…

Баек, связанных с моими замечательными партнерами и уникальным старшим тренером, хоть отбавляй. Они в сердце моем, и тогдашний формальный уход из любимого клуба любовь эту отнюдь не перечеркнул. Напротив, самые теплые воспоминания по–прежнему остры. Вызывают улыбку, греют душу. Ведь со многими своими товарищами по команде я по сей день дружу, как и дружил в те прекрасные молодые годы.

Константин Иванович, к примеру, очень любил поговорки, пословицы, текстом которых порой так и сыпал. Демонстрируя тем самым начитанность, память. Дедушку Крылова, кстати, цитировал. Я любил ему, в свою очередь, в унисон отвечать, разумеется, не зло, а по–доброму. Как–то старший тренер спрашивает: а почему я сплю после завтрака? Действительно, обожал вздремнуть в это время, особенно в день игры. А вот послеобеденный сон не для меня. Отвечаю Бескову: «Золотой сон — до обеда, а после обеда — серебряный». Намек даже более чем прозрачный. И одно время он меня с Хидей не трогал. Но вот отношения с наставником подпортились. И мы с Вагизом были настороже. Лежим, отдыхаем. Вдруг стремительно входит Бесков: «Опять спите! И этого молодого тоже приучил дрыхнуть после завтрака. Привез сюда свою деревенскую привычку». Хидя по–своему откликался: «Я-то тут при чем?!»

Иногда в холле Тарасовки шум, гам: Бесков в шашки с кем–то бьется. Играл, между прочим, весьма прилично. И команда почти в полном составе склонялась над доской, пытаясь подсказать верные решения визави Константина Ивановича. Так шла подготовка к очередному матчу. Или фильмы смотрели. Мы уж эту «Великолепную семерку», казалось, наизусть знали.

Но это бы ладно. Весь сезон администратор команды Вова Миронов встречал нас у «Форума», вручал билеты. И мы дружно рассаживались в зале кинотеатра. На просмотре фильма только спартаковцы, больше — ни души. И попробуй найти отговорку — не посещать «Форум». Об этом речи быть не могло.

От футбола никуда не уйти. Случались прямо–таки трагикомические вещи, подчас анекдотичные. С налетом грусти и даже тоски. Играем с «Зарей» в Лужниках. «Георгий больше всех у нас забил, надо помогать ему», — вроде как резонно замечает старший тренер. У меня с Олегом Романцевым был своеобразный ритуал. В момент назначения пенальти в ворота соперников он подходит ко мне, из рук в руки передает мяч. Я ставлю, бью — гол. Так и в матче с «Зарей» произошло. Вскоре арбитр и второй

одиннадцатиметровый дает. Олег снова подходит, отдает «снаряд». Тут я, видимо, решил выпендриться, отправить мяч куда–то в «девятку». Мимо. Уходим на перерыв. Бесков в раздевалке встал ко мне спиной и пихает Романцеву: что, мол, друга в бомбардиры тащишь. «При чем тут он, я не забил?» — попытался вступиться за товарища. Бесков ноль внимания. Романцев перенес упреки мужественно, молча. В конце матча забиваю еще. Но настроение у всех донельзя испорчено. В салоне автобуса, увозившего нас в Тарасовку, царила гробовая тишина.

Клумба для старшего

Но прежде расскажу историю про бассейн все в той же Тарасовке. Константин Иванович говорит: идем принимать спортсооружение. Саша Прохоров, Олег Романцев, я, Гена Белистов, управляющий базы, гуськом идут за старшим тренером. Великолепная баня и парная, бассейн весь в кафеле. Вода голубая плещется. Вдруг Бесков говорит: «Да, Белистов, деятель ты уважаемый. Но есть один нюанс: выход из бани прямо в бассейн. А глубина его не соответствует стандартам: прыгнет футболист из бани в этот бассейн, сломает, не дай бог, ноги. Не принимаем…»

Чуть позже Бесков снова повел нас в бассейн. Вода в нем… черная. Оказывается, управляющий базы дал указание рабочим — пробить дно вплоть до грунтовых вод. Они, в свою очередь, дали как бы телесный оттенок. Обомлевший при виде темной массы Константин Иванович воскликнул: «Белистов, ты что, совсем с ума сошел? Что это за вода?» И Гена, недолго думая, нырнул в многострадальный бассейн, зачерпнул водички из него, выпил. Мол, все чисто и замечательно, Константин Иванович. Иного мнения был сам Бесков, сооружение он тогда не одобрил.

Однажды перед балконом номера Бескова возникла роскошная клумба: надо же было показать, что специалисты Тарасовки работают, дизайн улучшают, в общем, стараются. С внушительной эмблемой «Спартака», вся в цветах, разумеется, преобладали красно–белые тона. Управляющий базы стоит внизу, интересуется мнением Константина Ивановича: как, мол, вам нравится? «Ну, Белистов, молодец», — услышать похвалу из уст нашего старшего тренера дорогого стоит.

Но ведь цветы имеют свойство разрастаться, что вполне естественно. И спустя пару недель клумба превратилась бог знает во что — в некий кусочек этакого лесничества. Бесков заропта л: «Что за безобразие, Белистов, перекрыли весь обзор! Цветы уже скоро в мой номер залезут!» Несчастную клумбу пересаживали несколько раз кряду…

Константин Иванович приходил в столовую и мог нежданно–негаданно сказать ответственному за питание команды сотруднику: «Что же ты, Витя Челноков, все время потчуешь нас картошкой? То жареной, то пюре. Лера на днях принесла мне документ, где черным по белому написано, что от картошки народ пучит». Витя стремглав помчался в институт питания и привез футбольному мэтру бумагу, в тексте которой опровергалась информация супруги Бескова…

Сидим в аэропорту. Старший тренер просит нашего

оператора найти где–то телевизор. Нашел, включили. Константин Иванович разбирает для нас игру. А поблизости ходит обычный пассажир, видит, конечно, футбол мы смотрим. Решил присоединиться. Видимо, резонно предположил: народ футболом наслаждается, почему ему–то нельзя, чем он хуже других? Берет стул, присаживается. Причем облюбовал место прямо перед Бесковым, сев чуть впереди, перегородив тому весь обзор. Константин Иванович, легко представить себе, просто онемел. Ну, пассажиру откуда знать, что рядом с ним — зрители весьма специфические, футболисты с тренером. Но тут чуть ли не все поднялись, вежливо и в то же время тоном, не терпящим возражений, попросили любителя футбола удалиться…

Самый веселый — Гаврилов

Бесков был категорически против того, чтобы в комнатах футболистов в Тарасовке стояли телевизоры. Пожалуйста, спускайтесь в общий холл, там и смотрите телик. Не приветствовалась даже игра в шахматы в своем номере. Иногда, правда, нет–нет, да случались непредвиденные «эксцессы». В основном с участием самого, пожалуй, веселого человека в команде, всеобщего любимца Юры Гаврилова.

Юрка, к примеру, мог приехать в Тарасовку на свом стареньком «Запорожце» с ручным управлением и припарковать его впритык с «мерсом» Бескова. Тот негодовал: «Кто здесь поставил это «корыто»?!» Завидев данную картинку, и не только ее, Николай Петрович по–доброму подтрунивал над своим любимцем Гавриловым: «Эх, Юрка, умрешь ты где–нибудь под забором». Наш хав отвечал: «Да, Николай Петрович, скорее всего, под кремлевским забором».

Разумеется, во времена Бескова слышен был даже полет мухи, когда игроки отдыхали после обеда. И вдруг посреди «тихого часа» во всю мощь врубается музыка. Бесков влетает в нашу с Вагизом комнату, буквально вопит: «Кто это?!» Идем по коридору. Входим в номер Гаврилова, у него включен магнитофон с двумя колонками, по тем временам суперсовременный. Забавно, что сам Юрка спит, как говорят, без задних ног, очень глубоко. И ему эта музыка просто до фени. «А что, разве я кому–то мешаю?» К тому же Бесков часто возмущался: «И где ты «подзаборные» мелодии берешь?» — обращался он к Гаврилову. Из динамиков летело: «Я милого узнаю по походочке…»

Изгнание массажиста

Был в команде доктор — Боря. Сидим на сборах в его комнате. Вечерами нередко собирались в номере врача, он самый просторный. Общались, телек смотрели. С этой категорией специалистов Константин Иванович был почему–то особенно строг, даже в каких–то случаях нетерпим. И выгонял их за малейшую провинность. Эпизоды, как правило, трагикомичные.

Боря как–то говорит: «Вы, ребятки, грустные какие–то, даже подавленные чем–то. Тоска у вас здесь. Вот я у костра люблю посидеть, песни на гитаре попеть». «Привези гитару, сыграешь, споешь нам что–нибудь», — предложил кто–то из ребят.

Следующим днем, как обычно, отъезжаем из Сокольников в Тарасовку. Бесков, как правило, ездил на своей машине, а тут Валерия Николаевна доставила его в Сокольники. Константин Иванович усаживается в автобус, ребята при появлении тренера невольно примолкли, и мы отправились. У ВДНХ забирали всегда Мирзояна с Букиевским. Видим, навстречу автобусу идет доктор Боря с сумочкой–чемоданом, в тирольской шапочке с пером, через плечо лихо так гитара висит. Весь радостный, раскованный. Не в курсе, конечно, что с нами Бесков едет. И предупредить его невозможно.

Входит Боря в автобус, при виде его игроки фыркнули, предвосхищая реакцию Константина Ивановича: «Что это за Дин Рид такой?!» Приезжаем в Тарасовку, и спустя полчаса Борю уже уволили… Вышел с чемоданчиком и гитарой, до свидания, ребята. Такая манера поведения, внешнего облика, видимо, никак не вписывалась в понимание нашего старшего тренера.

У Бескова одно время персональный массажист был. Посещал мэтр популярные в те годы Оружейные бани, там с массажистом и познакомился. Привел его в клуб, представил футболистам, сказал, что отныне этот человек работает в «Спартаке».

Но тот в бане трудился. Разумеется, в баньке, под паром Константин Иванович куда добрее, чем на работе, в команде. Новоиспеченный массажист плотно пообедал в Тарасовке, и мы отправились в Лужники. «К матчу начинаем готовиться здесь же, в автобусе», — любил говаривать наставник. И вдруг этот мужик, как я уже сказал, плотно пообедавший, видимо, расслабился. Маечка его расстегнута, сам — раскован. Раздается мощный, прерывистый храп в тот самый момент, когда Бесков общается с нами. Мы–то сами, представьте, в присутствии Константина Ивановича вполголоса разговаривали. А тут такое… Подъезжаем к Лужникам, выходим из автобуса, и ему — прямая дорожка

домой. Все, отработал. Грубо, можно сказать, злостно нарушил процесс подготовки к матчу. Бесков в подобных случаях вообще не церемонился.

Мелочные обиды не в счет

А сейчас — о серьезном. Меня иногда спрашивают: так какую же все–таки роль сыграл в вашей карьере, может быть, жизни Бесков? Пожалуй, одну из ключевых, это уж точно и объективно. Почти на закате моей спортивной карьеры предоставился шанс сыграть в одной из сильнейших команд страны. И Никита Павлович Симонян позвал затем в сборную, тоже заметная веха в жизни. Пусть за национальную команду провел всего несколько встреч, но горжусь этим по праву.

Если о Бескове, то мы не стонали под прессом его тренировок и требований. Нам сам процесс, футбол доставляли истинное удовольствие. Игра в исполнении спартаковцев того поколения приносила радость и многочисленным болельщикам. Если перебросить мостик в настоящее, то ведь, бесспорно, нынешние динамовцы, например, тоже наслаждаются тем футболом, которым восхищают своих поклонников. Также и мы знали свои сильные и слабые стороны, главное, были КОМАНДОЙ!

Знаете, сейчас, с высоты времени, когда давно улеглись те эмоции, страсти, многие обиды представляются мелочными. Бесков же, повторюсь, дал шанс проявить свой талант в зрелом футбольном возрасте — нельзя быть неблагодарным за это. Не любить его, не уважать. Некоторые сетовали на тяжелый характер наставника? А, между прочим, насколько я заметил, у людей, прошедших школу Бескова и ставших затем тренерами, тоже проявлялись черточки того самого, знаменитого характера. Да–да, это, видимо, неизбежно. Когда становишься по ту сторону барьера — наставнического, — испытываешь совсем иные ощущения, чем в бытность игроцкую. Я сам, как понимаете, через это прошел.

В чем уникальность Бескова? Да хотя бы в том, что всю свою жизнь, практически без остатка, он посвятил футболу. А как блестяще умел работать с молодежью! Здесь у него учиться и учиться. И не стоит забывать, сколь тернистый путь прошел Константин Иванович — от Футбольной школы молодежи до национальной сборной. И как с ним порой несправедливо обходились. Убрали из главной команды страны… за финал Кубка Европы. Почему Бесков с тем же Андреем Петровичем Старостиным дружил? Да потому, что Андрей Петрович из чувства солидарности покинул сборную, когда оттуда уволили Константина Ивановича. Позднее именно Андрей Петрович рекомендовал динамовца Бескова старшим тренером в стан извечного соперника — столичного «Спартака».

Акцент в работе Бесков делал на четком, аккуратном выполнении технических приемов, которыми обязан был владеть каждый игрок. Мы иногда забываем, что сквозь спартаковскую «мясорубку», в хорошем смысле, прошло очень много футболистов. Возможно, кто–то не разделял и не понимал взглядов великого тренера на развитие игры, подготовительный процесс. Некоторые, как, например, замечательный футболист Евгений Ловчев, разошлись с Бесковым по каким–то жизненным критериям. Всякое бывало. Но роль Константина Ивановича в развитии, становлении, победной поступи того же «Спартака» просто огромна.

Вот, говорят, Бесков не склонен был рисковать. Опять не соглашусь. Рисковал, да еще как! Скажем, покинул команду многоопытный Саша Прохоров. Тренер, вероятно, сознательно на данный шаг пошел. Хотя в его распоряжении на тот момент остались разве что необстрелянные ребята — Ринат Дасаев и Леша Прудников. Разве кто–то предвидел тогда, что из того же Рината выйдет вратарь мирового уровня?! Судя по всему, Бесков в него очень верил и не ошибся. Рискованно было оставлять клуб с зелеными новичками–голкиперами? Безусловно. Но Константин Иванович обновил состав, что принесло только пользу.

Разве безоговорочным оказалось появление в «Спартаке» Феди Черенкова, — худенького, тоненького, даже хиленького на первый взгляд? Нет, конечно. Это гений Бескова и мудрость братьев Старостиных подарили футбольному миру уникального мастера, восхищавшего затем болельщиков неувядаемым мастерством немало лет. Скорее всего, к наследию Бескова, рассказам о нем самом я еще вернусь. А пока…

Кстати, с Федором Черенковым лично у меня связана любопытная история. Едва ли не дебютный его матч в Ташкенте на позиции правого полузащитника. Жарища страшная. Вижу, «малыш» наш «поплыл», но не сдается, бьется на поле до изнеможения. В какой–то момент говорю ему: «Поди–ка, впереди постой, я тут за тебя побегаю». Когда Федя немного отдышался, мы снова поменялись ролями. Не так давно Черенков выпустил книжку. В связи с этим любя «подколол» его: мол, обо всех что–то рассказал, с кем играл, обо мне словно забыл. «Георгий Александрович, я бы о вас много чего написал, но вы так в свое время на меня кричали!» — с улыбкой отреагировал партнер по команде. Спустя время Федя переиздал свою книжку, дарит ее мне и говорит: «Видите, сколько я про вас написал!»

Мяч забил… Хидия Туллин

Конечно, не могу не рассказать о своей жизни в сборной СССР. Ведь это тоже веха моей биографии. В 78-м регулярно забиваю в чемпионате. И мне как бы по секрету сообщают: на игре присутствовал тренер сборной Никита Павлович Симонян, скорее всего, пригласит в команду. Это своего рода вершина, о которой прежде даже не мечтал. Первый же поединок в Норвегии. Играли под флагом сборной клубов. Тогда и дебют Валеры Газзаева состоялся, мы ближе познакомились, впоследствии подружились. И до сих пор дружим.

Как–то на свой день рождения из футболистов Валера позвал только меня и Вагиза, хотя сам выступал тогда за «Динамо». Мы бывали у него и дома, в Орджоникидзе. Осетинское застолье, истинное гостеприимство покорили нас. Отец Газзаева очень тепло встретил гостей, будто своих сыновей. Говорю же, дружеские, уважительные отношения пронесли через годы, через расстоянья. Кстати, несмотря на острое соперничество наших клубов — я тогда возглавлял «Спартак», Валера «Аланию», — по окончании «золотого» матча за чемпионское звание в 96-м году Газзаев вместе с Битаровым зашли тогда в спартаковскую раздевалку, поздравили с победой.

Но я несколько отвлекся. Как дебютный, так и последующие матчи за национальную сборную прошли для меня в целом очень даже неплохо. Все–таки надо учесть, сборная того времени — это практически киевское «Динамо». Безусловно, доминировала, что вполне естественно, манера игры киевлян. Играли такие корифеи, как Блохин, Буряк, Бессонов, Коньков, Бережной… Вписаться в такую «звездную» компанию было очень непросто. В чем–то мне повезло, когда Олег Блохин из–за травмы не выступал как раз в моем первом матче за сборную. Получил огромное наслаждение — ведь на меня играли партнеры, изумительно «читали» все ходы на поле. Но следующая встреча уже с участием Блохина, и я, по сути, «носил пианино». Это тоже бесценный опыт.

Понимал, чувствовал, не вписываюсь до конца в эту игру, в ансамбль. Вообще Блохин есть Блохин. На мой взгляд, он входит в тройку лучших форвардов за всю историю отечественного футбола. Ну, предположим, Стрельцов, Симонян, Блохин. Или в ином порядке. Но обязательно с Олегом. И Никита Павлович отчетливо сознавал, что ориентир все–таки на связку Блохин — Буряк. Да, в каких–то комбинациях я вполне мог поучаствовать, но роль забивного форварда мне явно не отводилась. Да и с позиций возраста, объективно, не попадал прочно в состав.

Гостевой матч с Ираном запомнится, наверное, на всю жизнь. Летели очень долго, через Италию. Добрались за полночь. Утром под окнами гостиницы — массовое шествие, шум, гам невообразимый. Оказалось, мы попали в самый кульминационный момент революционных событий в этой стране. Сотрудник наших спецслужб спешно вбегал в номера футболистов: «Зашторить окна!» Матч тем не менее не отменили. Валера Газзаев в том поединке руку сломал. Слава богу, вернулись в Москву. В программе «Время» сообщили, что в аэропорту, из которого нам удалось вырваться, произошел страшной силы взрыв, много народу пострадало.

И мне кто–то из земляков–костромичей присылает местную газету с заметкой о том самом матче со сборной Ирана. Все солидно: состав команд привели, характер встречи расписали и прочее. Дальше буквально сообщалось: единственный во встрече мяч с передачи Георгия Ярцева забил… Хидия Туллин. Ржали мы от души. Я до сих пор нет–нет, да в шутку называю Вагиза — Туллиным. Отзывается.

Вообще отношения между ребятами в той сборной были очень хорошими, доброжелательными, истинно товарищескими. Прямо–таки располагали к себе Рамаз Шенгелия, Давид Кипиани, царствие ему небесное. Но ближе остальных — киевляне. Да, не удивляйтесь. Мы очень уважаем друг друга, хотя даже на уровне ветеранских команд идет форменная «рубка», когда встречаются «Динамо» и «Спартак». Кстати, ни одной ничьей в наших матчах до сих пор не зафиксировано. Никогда не устраиваем низкопробное шоу на потеху публике, потому болельщики валом валят на такие встречи. Особенно в Киеве.

Не забуду, как в карты друг с другом резались. История характеризует атмосферу в сборной. Присели мы с Олегом Блохиным поиграть. Тут Хидя с Бессоновым предлагают: давайте двое на двое сразимся. «Вот еще, с вами, молодыми, играть», — фыркнули на них мы. Однако сыграли. Они обчистили нас до копейки, хотя именно я вкупе с Блохиным почитался чуть ли не сильнейшим по части карт. Переглянулись с Олегом: ну, что поделаешь… Утром Олег говорит: часть денег молодой Вова Бессонов вернул товарищу по клубу и сборной. Аналогично поступил и Вагиз Хидиятуллин. Все–таки, уважали они старших.

Сорокин стригся под зека

Вообще с Вагизом связано немало любопытных историй. У нас, к примеру, имелась общая, неотразимая примета. Перед той или иной игрой шли с ним в район платформы Тарасовская — покупали свежие газеты, заглядывали в парикмахерскую, — наводили этакий марафет. В один прекрасный день за нами увязался Сорокин, идет себе по пятам. У него — просто шикарные белокурые волосы. Вдруг Сашка садится в парикмахерской в соседнее кресло: «Что, если и мне постричься?» Хидя еще подначил нашего партнера: обязательно, мол, обкорнайся, за компанию.

Я испытал состояние, близкое к шоку, когда машинка прошлась аккурат посередине Сашкиной головы. Стало ясно: назад–то пути нет. Мы тут же с Вагизом ретировались. Вернуться на базу втроем — значит наверняка угодить под гром и молнии Бескова. Константин Иванович решит, что Сашка сделал это на спор — со мной или Хидей. Хоть в петлю лезь. А вечером игра с «Торпедо».

Раньше ведь стриженные наголо люди ассоциировались либо с зэками, либо с теми, кто накануне побывал в вытрезвителе. Возвращаемся на базу. Сашка водрузил на голову бумажный пакет. Некоторое время никто не замечает Сашкиной проделки: ну, пакет и пакет. Вагиз, шутя, сбивает пакетик на пол, тут все и грохнули от смеха. Вошел Николай Петрович, интеллигентно так протер свои очки, всмотрелся: «Костя!..» Почти вбегает Бесков, незамедлительно тренерский совет собирают.

Как нами и предполагалось, устроили форменный допрос: где и с кем Сорокин был, в какую парикмахерскую ходил, и так далее. Пришлось во всем сознаться. Не спорили мы ни на что. Сел сам в кресло, мы тут при чем? На полном серьезе стоял вопрос об участии Сорокина в матче. Что о «Спартаке» подумают, когда увидят стриженого Сашу? В вытрезвителе парень был? Нельзя ему играть!

Когда Саша фактически с бритой головой все же вышел на поле, болельщики сильно гоготали! Реакция оказалась сверхшумной, так как в то время многие, тем паче молодые люди, носили длинные волосы. А тут игрок «Спартака» обрился. Ничего, главное прилично Сашка сыграл.

Дасаев на особом положении

Зимой 1979 года летим в Америку, на предсезонный турнир по мини–футболу. Американцы, к слову, с ума сходили от этого мини, игра действительно завораживающая, очень динамичная, зрелищная, с обилием неожиданных, голевых ситуаций. И, конечно, забитых мячей хоть отбавляй в подобных матчах.

Приезжаем в гостиницу. Шикарные номера, в холодильниках от виски до кока–колы. Разных бутербродов завались. Экзотические сигареты в изобилии на столиках. Переводчик говорит: «Господа, содержимое холодильников — подарок принимающей стороны». То есть все это бесплатно гостям предназначалось. Признаться не столько о предстоящей тренировке думалось, сколько будоражило желание иного порядка. Быстрее бы до заветных холодильничков добраться! Пиво пяти сортов, понятно, с ликеро–водочными изделиями мы не связываемся.

И вот тренировка окончена, быстро «грузимся» в автобус, скорей бы до гостиницы добраться! Все ребята в сладостном предвкушении: пивка холодненького глотнем. Каково было разочарование, когда в холодильниках мы не обнаружили ровным счетом ничего, что представляло для нас столь жгучий интерес. Разумеется, мудрый Константин Иванович дал команду — убрать весь алкоголь. Грустнота, да и только. Партнеры наперебой друг у друга спрашивают: может, у тебя хоть что–то осталось? Тщетно. На ужине откровенно скучали.

И вдруг Дасаев тихонько мне говорит: «У меня все есть, заходи». Дело в том, что любимец Бескова, вратарь наш, получил одноместный номер со всеми вытекающими последствиями, и наслаждался комфортом. Еще американцы решили, что в данном номере проживает кто–то из руководителей команды, и, естественно, содержимое холодильников не тронули. «Ринат, никому не болтай», — просил я голкипера.

Это повторялось из поездки в поездку во время нашего путешествия по Штатам. Игры — каждый день, с перелетами. Ринат неизменно располагался в одноместном номере. «Рина, как там с холодильником?» — «Все в порядке». Это стало своего рода паролем в общении. Ходил к Дасаеву еще Юра Гаврилов. Все потихоньку, полегоньку, незаметно…

Ковры Романцева

Ну, еще историю из славного 79-го. 29 декабря. Звонит Олег Романцев: «Давай на часок выскочим, поговорим». — «Давай». Решили для виду своим женам деловитость показать: вот, мол, берем с собой ковры, предновогоднюю тряску устроим. Чтобы уже с чистенькими ковриками Новый год встречать. Выходим, Олег в соседнем доме жил. С коврами наперевес. Десять или одиннадцать утра. В конце концов, решили к Дасаеву зайти, но не с этими же причиндалами к человеку идти. Оставили наши коврики в парке Сокольники, а чтобы они как бы самоочищались, забросали их свежевыпавшим снежком. И — в гости к Ринату.

Конечно, засиделись. Жены тревогу бьют, в самом деле, ушли утром, а на часах — уже шесть вечера. И куда только эти двое подевались, да еще с коврами? Догадались. Разумеется, у Дасаева мы. К Ринату братья подъехали, многочисленные друзья. И Федор рядом жил, и Витя Самохин. Словом, компания подобралась славная.

Вышли от Дасаева, погодка что надо. Покурили с Олегом, он меня проводил. Иду домой — ба, а ковры–то где?! И ночью поперлись за ними в парк, где мы их благополучно забыли. С некоторым остервенением разгребали слой снега, требовалось–то еще вытрясти коврики. Следующим утром звоню Олегу: работу–то мы с тобой не сделали. Из комнаты слышу окрик жены: «Хватит, вчера уже натрясли…»

Конечно, общение с ребятами в команде, как, наверное, и в любом коллективе, было по интересам. Вот если кто–то хотел модную музыку записать, отправлялись к Саше Кокореву. В его богатой фонотеке чего только не было: «Битлз», «Скорпионз», многие другие популярные группы. И мы даже сбрасывались, чтобы приобрести нужные диски.

Возвращаемся как–то в Тарасовку, хотим послушать полюбившиеся мелодии. В ответ… странные, глухие звуки издаются. Мы просто в шоке. «Кто наши диски трогал без разрешения?!» — негодовала группа игроков, в числе которых был и я. Стали директора базы трясти. «Что шумите, я взял ваши пластинки, — признался директор. — У дочери свадьба, на патефон диски ставили». Что тут возразить? Естественно, те близкие нашим сердцам диски после патефонной прослушки безнадежно испортились.

Общение с Севидовым

После «Спартака» я оказался в «Локомотиве». Пригласил наш замечательный тренер Сан Саныч Севидов. «Локо» вылетел в первую лигу, и предстояло биться за возвращение в высшую. Сан Саныч, к слову, в общении с игроками всегда исходил из тех материальных условий, которые были у футболиста в его прежнем клубе. Четко говорил, сколько мастер будет получать, все неукоснительно выполнялось. Так вот, за год в новой команде я этих материальных благ увидел больше, чем за все время пребывания в «Спартаке».

Например, сразу трехкомнатную квартиру дали в районе Олимпийской деревни. Но из полюбившихся мне и моей семье Сокольников переезжать отказался.

Несмотря на то что некоторые ребята по «Спартаку» разошлись по разным командам, дружеские отношения, естественно, сохранились. Тот же Вагиз Хидиятуллин, как известно, ушел в ЦСКА, но мы продолжали общаться. Я тогда с «Локомотивом» был на сборах в Хосте, и Хидя регулярно ко мне заглядывал в выходные деньки. В номере была свободная кровать, и Вагиз ненавязчиво спрашивал: «Можно здесь поспать?». — «Спи». После обеда смотрели местные красоты, разговаривали, вспоминали годы, проведенные в «Спартаке».

Задачу выхода в высшую лигу мы тогда не решили. И пришлось мне с «Локо» расстаться. Сан Саныч еще оставался какое–то время, правда, ненадолго. Я то время в «Локомотиве» все равно вспоминаю с удовольствием. Попал в совершенно новую обстановку. В разговоре с футболистами, в своей философии игры тот же Севидов опирался скорее на определенные житейские истины, не было «закручивания гаек». Вопросы с отъездом домой, к семье после тренировки решались без проблем. Все — на доверии. Не ощущалось подозрительности.

С другой стороны, в атмосфере раскованности зримо витал и негатив. В том смысле, что не могли мы, когда требовалось, сыграть, как говорят, «через не могу», порой наступить на горло собственной песне. Качества бойцов каждый из нас и команда в целом демонстрировали реже, чем хотелось бы. Возможно, в этом крылась основная причина невыполнения задачи на сезон.

В то время, как у Бескова занятия строились в основном через мяч, Севидов делал акцент на «физику». И, как ни парадоксально, именно в «Локо» я ломал ногу, заклинивало мне и позвоночник. Даже безымянный палец ухитрился сломать. Константин Иванович иногда говаривал: «Что, проблемы с голеностопом?

Пустяк. Это сродни насморку, пройдет». И люди выходили на поле, проявляя чудеса воли, даже игрового героизма.

Жить в «Локо» в несколько расслабленном состоянии оказалось не по моему нутру. Ну, не мое, и все тут. Понимал, ощущал, что и на тренировках–то можно подчас не особо напрягаться.

Время, проведенное в стане железнодорожников, очень хорошее. Например, теплые отношения, к слову, до сих пор поддерживаю с бессменным администратором «Локомотива» Анатолием Машковым. Однако, повторюсь, полного удовлетворения не испытал. Вроде бы и с партнерами — Борей Кузнецовым, Сашей Аверьяновым, Серегой Камзулиным, Вовой Мухановым, другими складывалось, как нельзя лучше. Но все–таки той близости, что со спартаковцами, не возникало. Да, наверное, и не могло возникнуть. «Спартак» — это нечто особое, неповторимое состояние…

Команда молодости нашей

Это я о моих товарищах по «Спартаку», и не только о тех, с кем непосредственно играл во время активной карьеры. Всегда с огромным удовольствием — и до сих пор, кстати, — отправляюсь со спартаковской командой ветеранов по городам и весям. Между прочим, сие заставляет поддерживать свою спортивную форму. Ведь неудобно ходить, к примеру, с пивным животиком, хромым, еще каким–то не подготовленным к баталиям человеком.

Это не просто матчи, ты словно возвращается в молодость. К тем людям, с которыми когда–то играл. Всегда очень приятно! Находишься в компании друзей, вспоминаешь моменты, о которых знаем только мы, узкий кружок людей, ведь некоторыми секретами невозможно поделиться с окружающими. Ведь кто–то порой такое отчебучивал!

«Никита Павлович, выйди, пожалуйста, минут на 10–15, народу не хватает, — рассказал однажды сам великий Симонян. — Я, конечно, согласился. И вдруг с трибуны: «Симонян, чего стоишь, бегать надо!» Люди помнят твою искрометную игру, ждут достойного зрелища. И, если перестал соответствовать их представлению о себе, рискуешь получить, что называется, по полной программе.

Нынче команду ветеранов «Спартака» возглавляет Вячеслав Егорович. Он регулирует календарь, договаривается о проведении матчей во многих регионах страны. Представьте, около 50 встреч в год проводим, серьезная нагрузка, не правда ли?! С разными поездками, вылетами — от Москвы и Подмосковья до Хабаровска, Владивостока. Мы, например, частые гости на Байконуре, во многих других уголках. Немало, кстати, проводим благотворительных матчей. Вот была поездка в Архангельск, и по установившейся традиции заглянули в один из детских домов, привезли ребятам гостинцы, сувениры. Дали футбольный мастер–класс.

Относительно недавно организовали встречу, посвященную 20-летию нашей команды ветеранов. «Красно–белые» играли против «бело–красных». Вышли на поле олимпийские чемпионы и мастера, едва завершившие свою карьеру. Составы делили ровно, благородно, без перекосов в ту или иную сторону. Матч выдался очень зрелищным. Многие болельщики думали: ну, очередное шоу. Ничего подобного, никаких «поддавков»! Одна команда выиграла–таки у другой.

Кстати, что бы там ни говорили, а возрождение клуба ветеранов, его становление — безусловная заслуга в свое время

Олега Романцева. Тогда ту же форму спартаковскую наши ветераны получили сполна. Считаю, и нынче сложились великолепные отношения с президентом «Спартака» Леонидом Федуном, генеральным директором и главным тренером Валерием Карпиным. Мы вроде бы как отдельно, независимы и в то же время органично вписаны в современную структуру родного клуба.

Вообще редко без мастер–класса обходится. Почти неизменно, в любом, даже очень маленьком городке, поселке приобщаем к игре сотни, тысячи мальчишек. Они приходят на занятия вместе с родителями. Иногда целые селения на какое–то время пустеют — народ устремляется на стадион, повидать нас, пообщаться, чад своих научить. Надо ведь учесть, что раньше болельщики–то видели нас в основном только по телевизору, а тут можно воочию посмотреть на кумира, пожать ему руку, узнать подробности, словом, ближе познакомиться, чуть больше узнать о самой популярной в мире игре.

Никакой «звездности», этакого высокомерия наши славные ветераны никогда не проявляют. Им это чуждо. Они, к слову, абсолютно непритязательны в смысле бытовых условий, когда приезжают на матчи в регионы. Например, неоднократно жили и живем в местных общежитиях, и ничего, никто из нас не стонет, даже малейшего неудовольствия не проявляет. Удовлетворение же от общения с местными футболистами, болельщиками получаем огромное!

Между прочим, команда ветеранов оказалась неплохим подспорьем для игроков, казалось, уже намеревавшихся завершить карьеру. Да, некоторые из них, поигравшие у нас, еще заявлялись в команды премьер–лиги! Примеры тому два Дмитрия — Парфенов, Хлестов, другие ребята. Вот с нами отправился в Калугу Руслан Нигматуллин и здорово там отстоял. По–моему, он тоже собирается продолжить карьеру. Как видите, в коллективе и возрастные люди есть, и не очень «старые». Все уживаются. Какого–то неуместного панибратства нет. Да, общаемся раскованно, невзирая на возраст и заслуги, но у молодых сквозит уважение к старшим, даже нотки почтения ощущаются. Правильно. Мы ведь тоже тех, кто помоложе, уважаем.

Не оставляем без внимания бедствующих ветеранов, может быть, попавших в беду. К сожалению, заболел Саша Сорокин. Семью его, как и самого Сашу, конечно, не бросим. Наш партнер и стипендию получает, и нужные лекарства. А такие известные доктора в футболе, как Юрий Васильков, Зураб Орджоникидзе восстанавливают ветеранам здоровье. Сам недавно перенес операцию, помогли всем необходимым в команде ветеранов.

Как жил и умирал Стрельцов

Рассказ о команде ветеранов был бы неполным, если не поведать о знаменитых коллегах еще по сборной СССР, с которыми мне в свое время посчастливилось общаться. В какой–то момент позвонили, позвали: «Поедешь?» — «Конечно, поеду!» Это время вспоминаю с особой теплотой, любовью. И когда говорю о командах ветеранов, то имею в виду, что само присутствие в них давало возможность продлить футбольную молодость. Ездить по городам, общаться с болельщиками. Порой за 10 дней могли сыграть больше десятка матчей.

В советское время матчи за ветеранов — это и весьма приличный заработок. К тому же приглашения в сборную Союза ждали с нетерпением, и с немалым, кстати, волнением. Туда не брали всех подряд и кого попало. Могли и вовсе не позвать. Потому что сборную олицетворяли легендарные личности — Эдуард Анатольевич Стрельцов, Альберт Алексеевич Шестернев, Игорь Александрович Нетто, Валентин Борисович Бубукин, Валерий Иванович Воронин… Они были вне конкуренции. Приглашались футболисты, способные еще играть, сопротивляться, а не отбывать номер. А противостояли нам порой мастера команд первой лиги советского чемпионата, уровень приличный. И выбирать соперников нам не приходилось, скажем, послабее, более возрастных. Нет, бились едва ли не со всеми подряд, невзирая подчас на внушительную разницу в возрасте.

Казахстан. Сыграли матч в одном городе, следующий — в соседнем поселке. Все время непременный атрибут таких мероприятий — банкеты, затем могли ночь напролет играть в карты. Отсыпались днем, вечером — снова футбол. В советской глубинке острее понимал, с какими великими людьми вместе выхожу на поле. По любви народной выше всех был, конечно, Стрельцов. Потом — Гиля Хусаинов. Салиховича очень любили. Нетто просто обожали. Он, кстати, дольше всех играл. В какие–то поездки отправлялся с нами и Лев Иванович Яшин, он, правда, не выходил на газон, чаще возглавлял делегации ветеранов.

И там же, в Казахстане, после серии весьма непростых матчей с местными командами, часть ветеранов, видимо, так устала, что осталась отдохнуть в гостинице. Подъезжаем к гостинице, в которой тогда жили, выходим из автобуса. А болельщики–то скандируют, в надежде пообщаться с легендами футбола, может быть, взять автограф: «Эдик, Эдик! Гиля, Гиля!» Они–то как раз остались в номерах. И футбольный фанат, уже в возрасте, в отчаянии бросил: «Опять одну пьянь привезли…»

В этих поездках как раз и зародилась дружба с Эдуардом Анатольевичем Стрельцовым. Начало перестройки в стране, все бурлило, мы, ветераны, буквально нарасхват. Конечно, мне довелось видеть потрясающую игру Стрельцова. Но где–то понимал, что так играть не смогу. Моим кумиром был, пожалуй, Игорь Леонидович Численко. Не исключаю, моя манера, возможно, напомнила тому же Константину Ивановичу Бескову игру любимца публики Численко. Потому, вероятно, Бесков и позвал меня в «Спартак», хотя это лишь предположение.

Отношения со Стрельцовым завязались с первой же встречи. А познакомились в метро. Гриша Янец шел мне навстречу, а с ним какой–то такой мужик, вроде как совсем незнакомый. Я, признаться, сначала и не узнал. В МГУ ехали — играть со студентами. Поворачивается, протягивает руку: «Эдик». Только по имени я его никогда не называл, лишь уважительно — Анатольич. Позднее супруга Анатольича — Рая всегда звонила, спрашивала: «Жор, ты едешь на игру? А то я его одного не пущу». Уже во время первого матча в связке со Стрельцовым в МГУ я и почувствовал, какой это всенародный любимец! Его готовы были на руках носить.

Мне очень не нравятся рассказы подчас случайных людей о якобы каких–то загулах и пьяных дебошах Стрельцова. Я неизменно видел Анатольевича абсолютно трезвым, причем в разных ситуациях и в общении с разными людьми. Он спокойно, здраво комментировал эпизоды футбольных матчей, вспоминал моменты своей личной жизни, в том числе лагерной. На редкость интересно слушать, когда Стрельцов размышлял. Он мог, например, сказать о Федоре Черенкове: «Ну, это игрок!» Понятно, из его уст — высшая похвала. Кстати, от великих мастеров прошлого никогда не слышал резко отрицательных оценок, хулы в адрес действующих игроков. Если и была критика, то весьма доброжелательная.

Сделаю лирическое отступление. Вспомнилось отрывочное общение с Валерием Ивановичем Ворониным. В бытность мою игроком «Спартака» Валерий Иванович жил, представьте, на нашей базе в Тарасовке. Можно сказать, его приютил Константин Иванович. Любовь Бескова к Воронину была серьезной, глубокой. Великий торпедовский полузащитник жил в Тарасовке и в 77-м, и в 78-м. Пока не «сорвался» и не уехал. Хотя его, разумеется, никто не прогонял, напротив, с ним буквально все носились, холили, лелеяли. Он иногда даже выходил с нами потренироваться. Много чего интересного, познавательного рассказал. Его исповеди во многом заставили несколько иначе взглянуть на себя, оценить свои возможности, в чем–то изменить отношение к футболу.

В памяти наш со Стрельцовым вояж на винный завод в Молдавии. Директор долго водил нас по подвалам, интересно! Рассказал, что какой–то там миллионер заграничный собирался приобрести бутылку уникального вина аж за 20 тысяч долларов. Рассказывает, а сам все ближе к Анатольевичу придвигается. И тут открытым текстом говорит: «Но мы эту бутылку только Эдуарду Анатольевичу подарим». Вот такая любовь безбрежная к Стрельцову. У всех.

Великий игрок не кичился славой, не выставлялся. Никогда не требовал и даже не просил особого для себя положения. Он был действительно особенным, когда надевал майку, выходил на поле. Стрельцову достаточно пяточкой сыграть, и все, образно говоря, можно уходить. Публика только этого и ждала.

Очень интересно было приезжать за ним домой, когда мы вместе отправлялись на тот или иной матч. Это целый ритуал. Прихожу к Стрельцову домой, Анатольич говорит: «Рай, Жора любит зефир, дай ему зефирчику с чаем, я начну одеваться». Вот говорят — большой ребенок, это в полной мере относилось к Стрельцову. Рая вокруг него всегда хлопотала. Эдуард Анатольевич перед выездом из дома один пиджак примерял, другой, пока не остановит свой выбор на чем–то. Но был всегда естественным даже в этих обычных житейских мелочах. К слову, мог резко и одернуть кого–то, если человек, по его ощущениям, сильно в панибратство впадал. Но это редкость из разряда тех, когда собеседник уж очень докучал ему.

Стрельцов отнюдь не себялюбец, не эгоист, углубленный исключительно в свои проблемы. Всегда живо интересовался, как дела в моей семье, как складываются отношения с женой, что с детьми и так далее. У Анатольича, в свою очередь, подрастал сын — Игорь, он уже выбирал себе будущую профессию. Кстати, с Игорем до сих пор хорошие, доверительные отношения.

Знаете, с Эдуардом Анатольевичем можно было сидеть часа два у телевизора, молчать. И, представьте, не скучно. Такой на удивление интересный, самодостаточный человек.

То, что он попал в Зиловскую больницу, я узнал от его супруги — Раи. Когда навестил его там, вроде как Анатольич неплохо себя чувствовал. Правда, лечащий врач сообщил, что Стрельцов — онкологический пациент. И вскоре его перевели в клинику на Каширке.

А потом он позвонил сам: «Приезжай, я дома». У Стрельцовых застолье. Тихонько выбрались с ним на кухню, поговорить. В основном на отвлеченные темы общались, о болезни, состоянии здоровья — ни слова. Анатольевич, как обычно, интересовался: куда ездили, с кем играли. Что тогда приятно удивило? Его воля.

Курильщик со стажем бросил–таки курить. И вдруг он говорит: «Мне завтра возвращаться в клинику. Ехать очень не хочется». Рае я сказал: «Не волнуйся, сам его отвезу».

Утром мы поехали на Каширку. Проводил до входа, он даже мне рукой помахал — на прощание. В берете был, так и стоит эта картина перед глазами. И больше живым его не видел… Не успел даже по телефону с ним поговорить — почему–то о кончине Стрельцова сообщили даже раньше времени, как выяснилось.

На похороны очень много народу пришло. Особенно остро воспринималась кончина еще и потому, что великий игрок и замечательный человек ушел из жизни, можно сказать, в расцвете сил. Умер, как сейчас помню, 22 июля, а день рождения сутками раньше. В душе после смерти Стрельцова долго опустошение царило. Никак не мог примириться с мыслью, что нет его.

Однако Стрельцова помнят по сей день. Люди приходят на могилу и в день рождения футболиста, и в день кончины. Свидетельство того, что Эдуард Анатольевич оставил заметный, неизгладимый след в сердцах людей.

«Мне не по душе эксперты…»

Переброшу ненадолго мостик во время нынешнее. Я уже приводил примеры с великими игроками прошлого. Напомню, они весьма доброжелательно оценивали даже подчас чудовищные ляпы своих коллег, действующих футболистов. Отечественные легенды — Стрельцов, Воронин, Яшин, Бубукин и другие замечательные специалисты были склонны к скрупулезному, глубокому анализу действий игрока на поле, своими оценками как бы ненавязчиво ориентируя людей на более качественное зрелище. Делали это по–отечески тепло, не теряя чувства собственного достоинства.

Вот почему мне не совсем, мягко говоря, импонируют некоторые современные «эксперты» своими подчас поспешными суждениями, теми же оценками, выводами. Ладно, ты оцениваешь игру, но оценки не вправе выставлять! Каким бы великим ни был «эксперт». Почему? Да потому, что тренер, к примеру, дал задание своему подопечному, предположим, закрыть оппонента, но игровых действий за матч при этом было немного. И вдруг на всю страну — двойка! А наставник, именно за то, что его подопечный нейтрализовал соперника, вполне справедливо поставил пятерку. Да еще с плюсом.

Вот о том же Бубнове. Это сейчас, по–моему, совсем другой человек. Помню, как он нас радушно принял. Человек двенадцать (!) из спартаковской команды ветеранов в своей парижской тогда квартире. А ведь Саша играл еще в клубе «Ред Стар», то есть при всей занятости, обремененный семьей, запросто уделил время нам. Думаю, немногие способны на такое благородство. Мы с ним были в очень–очень хороших отношениях.

По возвращении в Москву, насколько знаю, у него — громадье планов. И хотел ведь быть, в том числе, тренером. Но планы, судя по всему, не осуществились. И нынче вижу абсолютно другого Бубнова. От его критики, экспертизы веет, скорее, этаким «ячеством», чем желанием действительно объективно разобраться в проблемах футбола, в анатомии конкретных матчей, действий игроков, решений тренеров, и так далее.

У меня такая позиция: прежде, чем что–то говорить, тем паче критиковать, «поливать», сделай хоть что–нибудь для отечественного футбола, и не теоретически, а практически. Это касается не только Бубнова — всех. Ну, теперь давайте посмотрим, что они реально сотворили на пользу нашему футболу. Хотя бы для одной из команд. Выяснится, за душой–то фактически ничего нет. Кроме популистских высказываний,

теоретических размышлений.

Почему я сам не впадаю в критику? По двум причинам. Во–первых, когда ты практически работаешь, неэтично разбирать и оценивать деятельность своих коллег. А, во–вторых, когда ты свободен, без работы вообще, считаю, неприлично это делать. Анализировать, конечно, вправе, но без огульной, непродуманной критики, без оценок. Можно ведь разобрать конструктивно, опять же доброжелательно. Люди часто выбирают удобную позицию — находиться в оппозиции. Нередко, насколько заметил, этим занимаются специалисты, которых, скажем, недавно освободили из какого–то клуба. Тебя самого, извините, уволили, а еще поучаешь других, как вести игру, теоретизируешь. Смешно, глупо. Неоправданно.

Женя Ловчев — великолепный в прошлом игрок. Спорщик в хорошем смысле классный. Но иногда несколько занудлив, что ли. Одеяло как бы на себя тянет, оппонируя людям или даже «разнося» их. Относительно недавно, во время чествования одного из наших спартаковских друзей, я с ним по душам говорил.

Пытался донести до Евгения, что среди потока негатива, который порой прямо–таки захлестывает самого Ловчева, есть очень умные, глубокие вещи в его исполнении, к которым непременно стоит прислушаться. Но как раз из–за этого «мутного потока» и трудно, а порой невозможно отыскать футбольным людям позитивные нотки, которые Евгений Серафимович высказывает — нередко в прямом эфире или на страницах печатных изданий, интернет-СМИ. Вот такие дела.

Размолвка с другом

Теперь снова предлагаю вернуться во времена не столь отдаленные. О замечательных годах, проведенных в родном «Спартаке», могу, наверное, рассказывать бесконечно. Кто в команде был ближе мне по духу, интересам? Все–таки Романцев, Хидиятуллин, Дасаев, Гаврилов. С ними чаще общался и за кромкой поля. Почему еще душой прикипел к нашей команде? Само чувство, что вместе растем в мастерстве, живем в соседних домах Сокольников, очень, признаюсь, грело и греет. И наше благосостояние росло именно по мере того, как играли за «Спартак», в основном радуя своих преданных болельщиков. Наши семьи всегда дружили и дружат.

Ведь не секрет, что мой путь с Олегом Романцевым в «Красной Пресне» разошелся. А жаль. Когда завершил карьеру в большом футболе, пошел работать тренером в детскую спортшколу «Нефтяник», что в Капотне. И работа с пацанами доставляла истинное удовольствие.

Константин Иванович как–то вызвал меня и говорит: «Есть возможность в Высшей школе тренеров поучиться». Отвечаю: «Еще учебу в институте физкультуры не окончил, год остается». В принципе понимал, что авторитет Бескова, конечно, позволил бы совмещать учебу. Но я посчитал, что уж слишком трудно будет, плюс еще работа.

К тому же мне нравилось, что по окончании карьеры игрока появилось немало свободного времени. Я использовал его по своему разумению и желанию. Чем плохо? Ощутил, наконец, всю прелесть полноценных выходных дней. Что такое праздники в семье. Гостей с женой принимали. Мог хоть до трех ночи не ложиться. И нужно было, напомню, работать и учиться.

И вот, когда Олег Романцев завершил карьеру игрока в «Спартаке», ему предложили возглавить «Красную Пресню». Откровенно говоря, в этом клубе не видел для себя перспектив, хотя Олегу, напротив, интересно было. Понимаете, все города, в которых предстояло выступать «Пресне», — Рыбинск, Иваново и прочие, — я объездил вдоль и поперек, играя как раз в костромском «Спартаке» на заре и в разгар своей карьеры. Вот в основном по этим причинам с ним и разошлись.

Олег же «пахал» с энтузиазмом, можно сказать, «завелся» на работу. Появился у команды и начальник — Валерий Жиляев, с которым у меня отношения сразу не сложились… Понял, не вписываюсь в этот дуэт Романцев — Жиляев. Романцев, кстати, никогда не выказывал недовольства по поводу моей работы в

клубе. Но однажды он почему–то посчитал, что я не встретил или не смог как следует встретить «Пресню» в одном из городов, где ей предстоял матч первенства. В общем, разбежались мы с ним. Причем на весьма длительный срок, на годы. Не общались вовсе, даже не созванивались, но все друг о друг знали. Жены наши, видимо, куда более мудрые люди, чем мы с Олегом, конечно, продолжали общаться. И дети тоже.

Наверное, в данную историю временного разрыва отношений внес свою лепту и Жиляев. А с Олегом мы всегда говорили прямо, начистоту, этот стиль отношений присущ нам по сей день. Кстати, меня тогда опять побеспокоил Бесков: мол, что у вас там произошло? Я честно сказал, Олег тут ни при чем. Мне не интересно в «Пресне», потому и ушел.

Как раз в это время родилась дочка Ксюша, я пошел работать в спортклуб «Красный богатырь». Было очень удобно — рядом с домом, главное, успевал жене помочь по хозяйству, маленькую дочку нянчил. Плюс играл еще за ветеранов «Спартака», что приносило определенный материальный доход и удовольствие от общения с давними друзьями по футболу.

Признаться, был немало удивлен, когда Олег, спустя время, уехал в Орджоникидзе, где принял местный «Спартак». Для него, видимо, это как бы ступенька, которую он очень неплохо прошел на тренерском поприще. Но я опять же туда, скорее всего, ни за что не поехал бы. Ну, такой у меня характер. Хотя к тому времени не работал в командах мастеров.

И, когда Олег стал претендовать на пост главного в «Спартаке», я однозначно его поддержал, в том числе и в СМИ. Да, были еще кандидаты, очень известные, даже великие футболисты прошлого. Но они, на мой взгляд, все–таки не дотягивали до уровня Романцева — ни в тренерском опыте, ни в чем–то другом. Объективно Олег виделся мне лучшим специалистом.

Любопытно, и на тот момент мы никаких отношений не поддерживали. Нашему общему приятелю, Ринату Дасаеву, в каких–то ситуациях было даже весьма непросто, а в иных случаях неловко. Ринат, скажем, собирал у себя гостей, а мы с Олегом никогда вместе не приходили… Я между тем стал работать на телевидении, а мой давний друг Романцев одерживал победы со «Спартаком» в российском первенстве, оправдывая как мои надежды на него, так и многочисленных поклонников команды. Словом, все шло своим чередом.

Кстати, не на шутку переживала нашу с Олегом размолвку моя мама. Конечно, мама приезжала ко мне в Москву, познакомилась и с Олегом. Очень тепло относилась как к самому

Олегу Ивановичу, так и к его семье. Мы с Романцевым на пару нередко встречали маму на вокзале, вместе и провожали опять в Кострому.

И нашу разлуку мамочка остро восприняла. Она даже в какой–то момент отправила мне письмо, пытаясь хоть как–то вновь сблизить меня с Олегом, сгладить, может быть, накопившиеся недоразумения, ускорить примирение. «Гоша, — писала мама, — ты должен пересмотреть свое поведение. В отличие от Олега ты более экспансивный, «заводной» по характеру человек. Потому мог вести себя не совсем правильно. Олег представляется мне спокойным, рассудительным». В какой–то степени то письмо мамы заставило призадуматься. Но желанной развязки пока не наступило.

Кстати, переехав в столицу, я и маму, разумеется, звал жить с нами. Она ответила просто: «Гошенька, ты уже взрослый, самостоятельный. А мне нужно дочерей воспитывать, внуков поднимать». Так и не поехала. Разве что наезжала погостить.

Семья очень дружная

Теперь, думаю, самое время рассказать о своих корнях, истоках. Дотошные любители футбола наверняка знают, что родился я в поселке Никольское Костромской области. Учился в средней школе. Тепло вспоминаю настоящего энтузиаста, фаната спорта, нашего учителя физкультуры Алексея Георгиевича Сурнина. Именно он в лучшем смысле этого слова буквально заразил занятиями разными видами. Вот кто универсал! Жилка учителя–универсала проявилась и во мне, как в спортсмене. Мог и в легкой атлетике выступить, и в бадминтон с настольным теннисом сыграть, и баскетбол с хоккеем мне не чужды.

Если о футболе, то сначала, как, наверное, у всех мальчишек, были дворовые команды. На территории поселка красовалась поляна, которую мы своими силами размечали под футбольное поле. Да, эта игра пересилила другие, любовь к ней победила сразу, бесповоротно. Кто кумиры? Да, пожалуй, тогда игроки нашей поселковой команды, выступавшей в областном первенстве. Затем — команда «Текмаш», в которой мне посчастливилось продолжить занятия футболом.

В те годы я не отходил от радиоприемников, с упоением слушал репортажи с матчей, телевизоры–то позднее появились. И только в 64-м я впервые попал в Лужники на матч, кстати, «Спартака». Юношей даже предположить не мог, что когда–нибудь выйду на газон знаменитой в стране арены. Буду забивать мячи лучшим командам Союза, познакомлюсь со «звездами» советского футбола. Такое представлялось чем–то фантастическим, нереальным.

Родители — Людмила Леонидовна, Александр Георгиевич — никогда не возражали против моих занятий тем же футболом, даже всячески поддерживали. Но при одном непременном условии: чтобы увлечения спортом, футболом в частности, не мешали общественно полезному труду, выполнению заданий по дому. Например, во время каникул не было ни единого дня, чтобы я бездельничал. Травку для кроликов собирали, в огороде грядки окучивали и тому прочее.

Мама–то наша настоящая героиня, девятерых детей родила, двое братьев и сестра умерли еще во время Великой Отечественной. Словом, мама очень четко распределяла между нами обязанности, все были при деле. Она заведовала сберкассой почтового отделения поселка, трудилась не покладая рук с утра до вечера. И все свободное время посвящала нам. При очень взыскательном контроле. Мне, к примеру, поручалось разбудить

самых маленьких, накормить их, отвести в детский сад.

Отец — фронтовик, финскую и Великую Отечественную прошел. Воевал на Ленинградском и Волховском фронтах, водил автомобиль по «Дороге жизни», доставлял людям все самое необходимое. Судьба ему выпала очень непростая. Но я никогда не видел его раскисшим, слабовольным. Так жаль, что рано ушел из жизни…

Еще очень тепло вспоминаю бабушку Полю. Ведь я — единственный внук в семье, и бабушка буквально холила, лелеяла меня. Она всегда защищала, если требовалось, от всяких напастей, спасала и от возможных наказаний за какие–то провинности. С ней я был как у Христа за пазухой. Любил слушать рассказы гостей, собиравшихся у бабули. Ведь почти все женщины того времени — вдовы, они проникновенно говорили о своей жизни, том счастливом времени, когда были живы их мужья. «Ну, спускайся с печки, — говаривала бабушка. — Мы сейчас чайку попьем, ландринчику скушаем», — у нее неизменно имелся мешочек с вкусными подушечками.

Может, детство и не очень простое, но интересное. Мама, к слову, всегда заботилась о том, чтобы мы чистыми, опрятными были. И при весьма стесненных жилищных условиях — а детей, как я уже говорил, немало в семье — у каждого из нас имелся свой уголок. Там царил абсолютный порядок, к которому родители приучили с малолетства.

Роль матери в восприятии жизненных ценностей трудно переоценить. Я не помню, например, чтобы она хоть когда–нибудь, от нечего делать, сидела со старушками на лавочке и судачила о прохожих. Всегда мама деятельна, интересна, как собеседник. Она приобщила меня и сестер к чтению. Впервые дала почитать «Один день Ивана Денисовича», предварительно пояснив, что собой представляет эта художественная вещь. Ведь хрупкие юношеские души и сердца могли быть не готовы к восприятию подобных непростых произведений. Что немаловажно, мама научила правильно общаться с людьми, верно говорить с ними. Когда кто–то из нас начинал слишком «окать», всегда ненавязчиво старалась поправлять. Мне в дальнейшем эти уроки только на пользу пошли, ведь переехал в Москву, общался и общаюсь с людьми из разных сфер жизни.

Вообще семья наша очень дружная. Несмотря на некоторые различия в характерах, мы неизменно, если требовалось, приходили друг другу на помощь даже в мелочах. Я, к примеру, никогда не умел гладить брюки и особенно, признаюсь вам, не стремился научиться. Зачем? Ведь рядом всегда были заботливые, горячо почитаемые мной сестры, позднее — любимая супруга.

Эх, детство, как быстро ты ушло! Я вот летние каникулы любил проводить даже не дома, а где–нибудь в сарае, на сеновале, вот там резвились! Обожал ходить в ночное, по–моему, кто не пережил подобные мгновения в жизни, тот многое потерял или, во всяком случае, что–то важное упустил. При местной больнице существовал конный парк из замечательных отборных животных, смотреть на них — одно удовольствие. Самым ответственным из нас поручали сторожить коней, выгуливать их.

Иногда я наведываюсь в родной поселок. И не узнаю его. Лишь смутные очертания детства и юности, когда–то полные лирики, бередят душу…

Все–таки не могу не рассказать об очень памятной поездке в знаменитый на всю страну «Артек». Это замечательный кусочек детства, как не вспомнить. Ведь поездкой туда награждали тогда лучших из лучших. А я отправился в «Артек» как победитель и призер сразу в нескольких спортивных номинациях. Соревнования проводились в нашем Никольском. Шел 61-й год. Попал словно в сказку. В лагере виноград собирали, в походы ходили. Конечно, и спортом занимались, в разных турнирах участвовали. В гости к нам приехали, как вы думаете, кто? Юрий Алексеевич Гагарин и Герман Степанович Титов. Играли мы в пионербол, азартная штука. Поучаствовал я и в морских артековских сражениях, тоже интересно. Выиграли турнир. Юрий Алексеевич и Герман Степанович награждали победителей и призеров. И вот они идут по дорожкам и тропинкам «Артека» с кем–то из взрослых. Останавливаются, поравнявшись с нами, маленькими. Приобняли девочку и мальчика, то есть меня. Этот дорогой сердцу снимок храню, естественно, до сих пор.

По возвращении из «Артека» на школьной линейке я отчитывался перед всей школой: где и как провел время, с кем общался, каких спортивных успехов достиг. Кстати, привез оттуда много песен, некоторые из них прозвучали только–только. Среди тех хитов и знаменитая песня о космонавтах. В лагере дарили книги, тоже все забрал домой. Мама в подобных случаях меня ориентировала, настраивала: будет возможность, покупай везде литературу, больше читай. Позднее, когда я, уже повзрослев, ездил по городам и весям, она говорила: «Вот в Риге посмотри Домский собор. Это очень полезно для тебя, а к тому же здание в архитектурном смысле интересное, красивое». Так формировалось мое отношение к прекрасному.

Фельдшер. Почему нет?

Градообразующим предприятием нашего поселка городского типа являлась упомянутая мной больница. Там многие сельчане и работали. Между прочим, больница считалась солидным медицинским учреждением даже по меркам Союза. Практиковались специалисты едва ли не со всей страны, Москва — не исключение. Тем паче быть сотрудником этой больницы почиталось за высокую честь.

И, когда по окончании восьмилетки пришлось выбирать, где продолжить все–таки учебу, то мама посоветовала: «Давай–ка, сынок, поступай в медучилище». Так и сделал. Вполне логичное решение, если учесть, что фактически общаешься в поселке почти с одними медицинскими работниками, — среда такая.

Учился без напряжения и даже с удовольствием. Представьте, фельдшером стал. Полный курс училища окончил. Неплохо знал, например, основы терапии, психологии. Роды мог принять и принимал. Тогда учились ремеслу на редкость серьезно. Пока не прошел практику с определенным количеством принятых тобою родов, не допускали к госэкзаменам. Вот так.

На мой выбор повлияло, прежде всего, и то, что буквально в ста метрах от училища располагался спортзал «Труд». Где и тренировались юноши футбольной группы подготовки завода «Текмаш». Пацанами руководил прекрасный педагог, тренер Вячеслав Иванович Скоропекин. Мне тогда, считаю, очень повезло: во время первого же занятия я приглянулся наставнику. И начал регулярно посещать тренировки. 15 лет исполнилось. Позднее несколько повзрослевшим, заматеревшим меня пригласили уже в команду мастеров «Текмаш», выступавшей во второй лиге класса «Б».

Казалось, скоро окончу училище, начну еще серьезнее заниматься футболом, все пойдет по нарастающей. Но меня в одночасье — в буквальном смысле! — забрали в армию. Призвали в течение каких–то двенадцати часов. Никто из родных, разумеется, и я сам такого поворота событий не ждали. Вроде бы имелась гарантия, что останусь служить в Костроме, но и это не сбылось.

Успел на выпускной вечер в училище, получил диплом, и — сразу домой. Мама собрала стол, спешно пришли знакомые, друзья, проводили. Назавтра, в шесть утра, сидел в эшелоне, отправлявшем меня вместе с земляками–костромичами служить в Алтайский край. Попал в сержантскую школу. Перед отправкой в армию оделся просто, но со вкусом: ехал в поезде в футболке со

своим седьмым номером. Когда по приезде на место смотрели новобранцев, конечно, обратили внимание: а это кто — футболист?

Как оказалось, в рядах сержантской школы немало игроков. Я почти сразу попал под опеку старослужащих — в лучшем смысле слова, футболисты там весьма ценились, их уважали, о них всячески заботились. К тому же мне сразу доверили медицинский пункт с учетом специализации.

Дружок мой, с которым время от времени переписывался, как–то сообщил, что во мне заинтересованы руководители смоленской «Искры». Кстати, я уже «засветился», будучи еще в Костроме, в составе юношеской сборной России на турнире «Надежда». Возможно, там смоляне меня и запомнили.

Буквально через месяц службы вызывает к себе начальник сержантской школы: «Георгий, собирайся, на тебя пришла разнарядка. Едешь служить в Смоленск». Это меня немножко потрясло, в смысле очень обрадовало. К тому времени Алтай сильно замело, таких сугробов в Костроме–то никогда не видел.

В Смоленск приехал аккурат 5 декабря, в день конституции. Вот что значит футбольное братство! «Старики» накануне моего отъезда из сержантской школы собрали деньги, подсказали, как лучше, быстрее добраться до Москвы, а затем оттуда в Смоленск. Научили, на чем и как деньги сэкономить. Тогда, видимо, отношения в армии были несколько другими…

Мама встретила с удивлением и восторгом: вроде бы только проводила сына в армию, он уже дома. Удалось заскочить к родным на целых три денька. И снова в путь. В Смоленск приезжаю кромешной ночью, город абсолютно мне незнакомый. Нахожу наконец спортроту. Накормили, напоили чаем. Так началась служба, игра за смоленскую «Искру». Никогда не думал, особенно по первым впечатлениям, что этот город станет для меня родным. Здесь познакомлюсь с любимой девушкой, ставшей впоследствии моей женой, обрету семью. Родится сын Саша, кстати, крестили его в Смоленском соборе. Наверное, лучше того времени в моей жизни и не было. Хотя последующее расставание со Смоленском принесет и разочарование. Но я несколько забегаю вперед.

Уроки большого футбола

Если самый первый наставник, учитель физкультуры в Никольском Алексей Георгиевич Сурнин привил мне любовь к занятиям спортом, то тренер «Текмаша» Вячеслав Иванович Скоропекин, о котором я тоже упоминал, дал первые уроки футбола. Позднее — разве такое забывается?! — меня по–отечески опекал в костромском «Спартаке» легенда местной команды Владимир Захарович Михайлов, с которым мы и по сей день созваниваемся, делимся впечатлениями от футбольных матчей, просто о жизни говорим.

Неоценимый вклад в мое футбольное образование внес блестящий специалист, сам в прошлом классный игрок, Владимир Ильич Стрешний. Именно он тренировал тогда «Искру». Под его руководством я стал формироваться как профессиональный футболист. Он дал шанс сыграть в основе команды мастеров, поверил в юного еще парнишку. Помог отслужить армию, поступить в Смоленский институт физкультуры. Конечно, и дальше были тренеры, вложившие душу и знания в мое развитие. Однако отношение к Владимиру Ильичу у меня особое.

Стрешний — спокойный, очень выдержанный и до такой степени мягкий человек, что иной раз оставалось только поражаться его хладнокровию, умению находить контакт с учениками. Но это, считаю, замечательное свойство его характера, многому стоило у него поучиться. В дальнейшем, уже в своей тренерской работе, я все время помнил о тех уроках Владимира Ильича. Что всегда нам импонирует в людях? Правильно, высокие человеческие качества. Это в полной мере относилось к Стрешнему. А, во–вторых, мне всегда нравились тренеры с богатым игроцким прошлым, их все–таки больше уважал, доверял им, что ли. Стрешний, слава богу, выступал в свое время за столичный ЦСКА, Ростов. Владимир Ильич еще сыграет в моей жизни определенную, весьма заметную роль. Но об этом чуть позже.

Если кто–то из вас, уважаемые читатели, решил, что та моя жизнь в Смоленске — сплошной рай, то глубоко заблуждаетесь. Не только в футбол играл. Я ведь срочную служил. Вставал в семь утра. По холодным улицам топал в зал института физкультуры, который к тому времени и обогреться–то не успевал. Разминался, тренировался, в спортроту возвращался. Жиденький завтрак, да еще и работы всякие были. Местный стадион расчищали от снега, хоккейные «коробки», армейский плац драили. Могли отправить

на завод холодильников подсобным рабочим. И без строевой подготовки не обходилось. Так что все, как в армии.

Денег почти не платили, команда «Искра», выступавшая во второй лиге класса «А», все–таки военная, средств катастрофически не хватало. Встаю утром, денег ни копейки после минувших выходных. Впереди — тренировка. Что ж, надо в солдатскую столовую идти. Там чувствую на себе пристальный взгляд дежурного. Он–то буквально днем раньше видел меня на футбольном поле, во всем блеске, забивающим мячи в ворота соперников. А тут — солдатская столовая, «звезда» футбола вдруг перед ним. Читался вопрос: «А как же это!..» — «Вот так, браток, очень кушать захотелось».

Ну, ничего, то издержки молодости. В конце концов, я не жил на казарменном положении, мог и в город сходить погулять. Вольнонаемным считался. На сверхсрочную службу не остался. Выступая за «Искру», становился популярным в Смоленске человеком, представители городских властей предоставили мне даже однокомнатную квартиру. В общем, живи, радуйся, играй за «Искру». Забивай мячи, восхищай публику.

Собственно, так в целом и происходило. Стал лучшим бомбардиром команды, ведущим игроком. И потому в 69-м, по окончании срочной службы, мне предложили остаться в «Искре». Может, я и дня в Смоленске не пробыл бы, знай, что очень скоро команду покинет мой любимый наставник Владимир Ильич Стрешний. Правда, к тому времени я уже познакомился с Любой, своей будущей женой. Но об этом — рассказ впереди.

А пока не стоит забывать, что, кроме роли забивного форварда, выполнял в «Искре» обязанности медика, доктора тогда в клубе не было. Уколы делал нашим игрокам, перевязки. Кстати, до сих пор этим ремеслом владею. У Рината Дасаева можно спросить, насколько профессионально Ярцев его колет. Не дай бог, у нашего голкипера колено разболелось в поездке с командой ветеранов. Укольчик от меня, и все в порядке!

Впервые увиделись… в автобусе

Самое время рассказать, как встретил любимую женщину, с которой вот уже 40 лет (!) я очень счастлив. 68-й год, Смоленск. Вовсю идет чемпионат страны, достаточно много забиваю в составе «Искры», по этой причине уже стал весьма известным в городе человеком.

Центр города, сажусь в автобус, чтобы доехать в спортивную роту. Вдруг — едва двери перед ними не захлопнулись — вбегают в салон две девчушки, блондинка и брюнетка. Контролеры не дремали, тоже с нами ехали. И девушки явно заволновались, билетов–то не взяли, «зайцами» ехали. Понимаю, сейчас могут их сцапать, оштрафовать, не дай бог, арестовать. Быстренько пробил им пару билетов. Одна из девушек — Люба станет позднее моей супругой, вторая — Таня Тимченко будет известной на всю страну укротительницей, объездит Союз и заграницу со своими цирковыми номерами.

И вышли–то из автобуса на одной остановке. Наверное, в те первые мгновения мы восприняли наше знакомство как шапочное, мало к чему обязывающее. Девушка–то, почувствовал я, запала–таки в душу. Мы даже, прощаясь в тот день, номерами телефонов не обменялись. Так и расстались, назвав друг другу лишь свои имена. Поговорили немножко и разбежались.

В тогдашнем Смоленске был весьма популярный клуб «Олимп». Там своеобразные вечера отдыха организовывали по типу «Голубого огонька». Каждую субботу. И вот меня туда позвали. Прихожу, и — о, счастье! — вижу Любу. Расположились с ней за одним общим столиком. Ближе познакомились. Она училась в местном училище культуры, осваивала профессию будущего режиссера народного театра.

После памятного мне вечера проводил девушку домой, узнал номер ее домашнего телефона, стали встречаться. Общение наше было тогда, если применить футбольную терминологию, несколько «рваным». Я, разумеется, то уезжал с командой на матчи, то возвращался в Смоленск. Люба продолжала учиться. Однажды она пригласила меня на свой спектакль, его ставили в здании училища. Мне довелось увидеть Любу в первой же ее роли, играла Женьку Камелькову по сценарию «А зори здесь тихие…».

В конце концов, когда–то должен был наступить грустный момент временной разлуки. В 69-м заканчивалась моя срочная служба. Провожает меня Люба в Кострому, надо было встать на воинский учет по месту прописки. Прощаясь, говорит: «Ну, ты,

скорее всего, уже не вернешься?» — «Обязательно вернусь».

В ЦСКА так и не заиграл

Да, в 70-м позвали в знаменитый ЦСКА. Видимо, знавший меня Владимир Ильич Стрешний порекомендовал меня армейскому руководству, последовало от них предложение. Если честно, ехать туда не очень–то хотелось. В Смоленске все устраивало, да и с Любой ведь стал встречаться. Все–таки интерес — попробовать силы в высшей лиге — подтолкнул к переходу в ЦСКА.

Правда, там всего полгода побыл. В основе только однажды вышел — в Ереване, где и получил серьезную травму. Надорвал боковую связку колена. Нынче бы с этим относительно быстро справились. Тогда все закончилось гипсом. В главной армейской команде зародилась дружба с великими — Альбертом Шестерневым, Борисом Копейкиным, Валентином Афониным, Анатолием Масляевым, Юрием Истоминым. Жил в пансионате цээсковском на Песчаной улице. Между прочим, именно тогда фирменные бутсы «Адидас» подарил мне работавший в ту пору администратором ЦСКА Алимжан Тохтахунов. До сих пор вспоминаю это с теплотой, благодарностью…

На базе в Архангельском с огромным интересом наблюдал за тренировками «звезд» хоккея: Фирсова, Мишакова, Харламова, Рагулина, Полупанова, оценил уровень требовательности и строгости того же Анатолия Владимировича Тарасова. Видел занятия и восходящей в то время «звезды» Ирины Родниной под руководством легендарного Станислава Алексеевича Жука. А что оставалось? Травма не позволяла самому играть в футбол.

Самым, пожалуй, запоминающимся было общение с Альбертом Алексеевичем Шестерневым. Он мог прийти и запросто сказать: «Что один лежишь? Пойдем обедать». Чем обеды подчас характерны? Правильно, им сопутствует иногда прием легкой дозы алкоголя…

Видимо, я попал в ЦСКА не в самое подходящее для себя время. У знаменитого игрока и тренера Валентина Александровича Николаева уже была мощная, сыгранная команда, которая на всех парах мчалась к чемпионскому званию. Все отрегулировано, как в классном, надежном часовом механизме. Из новобранцев в этот состав вписался, пожалуй, только Саша Кузнецов. Тем более в середине сезона очень трудно пробиться в основу такого коллектива.

Самые яркие воспоминания как раз не от игры в ЦСКА, — потому что играть, по сути, не довелось, — а именно от общения с легендарными мастерами и замечательными людьми. Ни тени

надменности, зазнайства, высокомерия у великих игроков. Такое не забывается, остается на всю жизнь. Кстати, тот единственный в составе армейцев матч в Ереване, столь печально оборвавшийся, не позволил мне в 78-м взять приз «лучшему дебютанту высшей лиги». Дотошные статистики обнаружили, что в 70-м я уже дебютировал за ЦСКА в классе сильнейших. Все равно горжусь той игрой в знаменитой команде.

«Мама, я женюсь!»

Мне нравился Смоленск. Там жилье, учеба в институте. Кстати, почти год провел с так называемой «сухой грелкой», чтобы хоть как–то привести в порядок колено. А вылечил его мне простой смоленский ординатор, вот так–то. Вопрос очень серьезно стоял: либо буду играть, либо… Дело в том, что никогда не слыл уж очень сильным, накачанным спортсменом. И потому уверенности в том, что непременно заиграю после травмы, конечно, не излучал. Может быть, никогда и не покидал бы Смоленск, если не пертурбации с тренерами. Стали случайные люди приходить. Словом, в «Искре» меня многое перестало устраивать.

«Мама, я женюсь!» — сообщал в письме близкому человеку. Мамочка ответила: приезжай домой, поговорим, все обсудим. Вырвался на пару–тройку деньков в Кострому. Мудрые мои родители не возражали против женитьбы. Более того, отец с мамой, пока я находился с «Искрой» на сборах, подъехали в Смоленск, плановый ремонт сделали в моей однокомнатной квартирке. И к возвращению со сборов будущее семейное гнездышко оборудовали замечательно. Кстати, к некоторым маминым советам прислушивался вплоть до ее глубокой старости, она всегда подсказывала что–то дельное, человеческое, мудрое, доброе. Мои родители, как водится, познакомились с родителями Любы и приняли ее безоговорочно, очень им понравилась.

Люба, к слову, многим маму мою напоминает. Поступками, манерой поведения. И супруга не столько настаивает на чем–то, сколько советует. Правда, в отношении моих сестер та же мама держала себя немножко строже. Видимо, понимала, чувствовала, что девчонки все–таки несколько другой народ.

Между прочим, я весьма непритязателен в плане быта. Достаточно рано начал профессионально играть в футбол, учась еще в медицинском училище. Будучи юношей, мог не вернуться в Никольское, где жила семья. Не потому, что там плохо, напротив. Семья–то многодетная, условия действительно стесненные. Чтобы как–то разгрузить всех, оставался в общежитии. Приезжал домой в основном на выходные — пообщаться с родителями, сестрами. Словом, могу как в президентском номере разместиться, так и в неказистой комнатушке — проблем никаких. Потому обустраивать свою «однушку» в Смоленске, где намеревался жить с Любой, особо не рвался. Но родители сделали все за меня. До сих пор благодарю их за ту заботу.

В 71-м году свадьбу сыграли в ресторане «Смоленск». Любина мама, Нина Дмитриевна, как раз трудилась в этом ресторане, всем нам было по–семейному уютно, тепло. Отец моей жены — Иван Михайлович работал на фабрике начальником цеха. Смоленск стал поистине родным городом, опека Любиных родителей, живших недалеко от нас, — всеобъемлющей, полной. Поздравляли нас с бракосочетанием и друзья детства, юности, их уже, откровенно говоря, мало осталось, уходят люди.

Земляки–костромичи, безусловно, помнят меня, иногда приглашают в родной город с командой ветеранов столичного «Спартака». Руководители Костромы, области неизменно присутствуют на подобных встречах, отмечают мой вклад в победы «Спартака» костромского.

Письма любви

С особой теплотой вспоминаю нашу переписку еще до свадьбы. Томительные часы, дни, даже месяцы до заветных наших встреч казались тогда нескончаемыми. А какими сладостными были эти встречи! Но до них, повторюсь, надо было дожить. Ведь в силу моей профессии футболиста нам приходилось часто разлучаться. Матчи, разъезды, спортивные сборы отнимали, разумеется, кучу времени. И на общение с любимой девушкой оставались подчас какие–то крохи — минуты, часы, редкий случай — деньки.

Поэтому, конечно, эпистолярный жанр, то есть письма, даже телеграммы, имели место. Может быть, юным болельщикам, и не только им, будет небезынтересно почитать некоторые выдержки из тех наших писем. Они проникнуты высоким чувством, непередаваемой теплотой, глубокой привязанностью, неподдельной искренностью. Это ведь культура общения, ее искусству стоит поучиться тем же нынешним молодым людям.

Вот какую, например, коротенькую, но весьма выразительную телеграммку отправила мне однажды Любочка: «Жора, люблю тебя. Жду хоть сто лет. Целую. Твоя Люба». А вот ее письмецо: «Мой милый Ярцев! Мне иногда хочется уйти из мира, никого не видеть, не слышать до 17 апреля. Еще целых 20 дней. Когда я не получаю от тебя писем, у меня всегда плохое настроение. Вот и сегодня писем снова нет. А сегодня чудесная погода. Но она мне не поможет. Только ты можешь приводить меня в такое состояние и в то же время быстро выводить из него… Ты меня еще любишь? А я люблю. Целую. Люба».

Да, я как раз был на сборах со своей командой, дни разлуки с любимой тянулись неоправданно медленно, долго. Кто любил, тот поймет меня. И вот я пишу Любе из Севастополя: «Любушка, я не писал тебе целых два дня. И от тебя тоже не получал писем, хотя, верю, они есть! Это ужас! Целый день думать о тебе, читать старые письма, а новых не получать. Роднуленька, не сердись на меня, ведь я люблю тебя, проклиная эти сборы, этот футбол. Очень тебя люблю! Утешение есть, скоро конец сборам! Вот сейчас решается вопрос о продлении сборов до 17 апреля. Ты расстроилась, да? Я тоже. Но это не главное. Главное, то, что я очень верю и люблю тебя, поверь, ведь я живу тобой, тобой. Милая моя, письмо от мамы получил! У нас все будет хорошо! Любимая, осталось недолго, а там Смоленск, ты и я! Одни! Ты и я! Сколько мне хочется сказать тебе, сколько нужных, нежных слов для тебя! Я просто не могу без тебя, хоть иногда и бываю

ревнив, но не могу представить себя без тебя. Любушка, лапушка моя, я хочу к тебе, хоть часок посмотреть на тебя, поцеловать. Прости, уезжаем сейчас в Симферополь, спешу и потому пишу плохо. Извини. Я очень хочу, чтобы ты ждала меня! Единственную, роднуленьку, нежную, милую, любимую мою целую много–много раз. Твой Ярцев».

И, чтобы совсем уж вас не утомить, приведу текст еще одного письма, очень мне и, надеюсь, Любе тоже дорогого: «Милая моя Любушка, здравствуй! Читаю, перечитываю, смотрю, не насмотрюсь, боже, твое письмо. Радости, счастью нет предела. Я так ждал, так ждал твоего письма, что еще немного бы времени… О, я дурак! Ну, разве так можно? Ведь я бог знает что начал думать. Просто какие–то кошмарные сцены стали моими постоянными спутницами. Но все позади. Позади ужасные дни и часы, минуты полного одиночества. Родная Любушка, как ты нужна мне, знаю только я. Поверь, это непередаваемое чувство. Прилив сил необычайный, а теперь уже и твои письма помогают держаться. Сколько бы я бед натворил, как бы круто мог повернуть свою судьбу, но ты всегда со мной. И, прежде чем сделать, я думаю, а как бы ты на моем месте поступила. Еще раз отказал «Костроме», так как у меня есть ты, и я буду там, где будешь ждать меня ты. Пусть иногда сердясь, ругая, но ждать. Иногда ловлю себя на мысли, а вдруг это тебе покажется высокопарными, слишком красивыми словами? Но потом гоню ее от себя. Ведь мы оба ждем встречи, а, значит, все между нами происходящее это наша с тобой жизнь, это наша чистая и неразлучная дружба. Я верю тебе, верю, как никому, никогда в жизни не верил. Ты знаешь, мне кажется, что я тебя знаю давным–давно. А ведь это и правда. Я просто однажды (помнишь, у меня) понял, что, если я не буду с тобой, свершится нечто ужасное и непоправимое. Просто я понял, что ты для меня это и мои радости, и мои неудачи. С тобой у меня больше удач, ты славный человек, а твое близкое присутствие вселяет в меня веру и силы. Ты прости меня за тот спор, я очень жалею, что не сдержался. А ты, напротив, преподнесла мне урок спокойствия. Сейчас мне очень плохо без тебя, вот где бы пригодилось твое слово, да просто взгляд. Пойми меня и не обижайся за то, что я сейчас далеко. Пиши мне, пожалуйста, больше и чаще. Как идут твои занятия, как живет и учится Алена, что нового у Валеры? Как это ты решилась взять Алену к Валере? Мои мама и Лена передают тебе большой привет. Мама обрадовалась не меньше меня. Это она принесла мне письмо. А вот сейчас украдкой наблюдает за мной, радости скрыть не может. Передавай огромный привет своей маме, Алене, Валере и всем знакомым. Нежную Любушку

мою целую много–много раз. Твой Гоша Ярцев».

Обыграл соперника… алюминиевой ложкой

В 72-м родился наш первенец Саша. В это время в Смоленск приезжает команда «Гомсельмаш» во главе с Леонардом Адамовым, известным в прошлом игроком минского «Динамо», на тот момент работавшим старшим тренером в Гомеле. Мне сообщают: с тобой хотел бы пообщаться Адамов. Еду в гостиницу, где остановились гости. Разговор без обиняков: наставник белорусов уточнил, какова моя зарплата, другие условия. «Переходи в Гомель», — предложил он.

Мы, конечно, долго размышляли. Съездил в Гомель, посмотрел предлагаемую нам новенькую трехкомнатную квартиру. В великолепном районе Гомеля. Красивейший город. Пару лет, там проведенных, вспоминаю с удовольствием. А какие колоритные игроки в «Гомсельмаше»: Арзамасцев, Ремин, Савостиков, Глухотко. Приглашал–то меня в команду Адамов. Стоило мне туда перебраться, как теперь уже бывшего старшего тренера позвали на работу в минское «Динамо». Это внесло, конечно, некоторый диссонанс. Я, кстати, и в «Гомсельмаше» становился лучшим бомбардиром.

Вдруг срочно предлагают выехать в расположение минского «Динамо», главной футбольной дружины всей Белоруссии. Там познакомился с Володей Сахаровым, Сашей Прокопенко, Эдуардом Малофеевым. В составе минчан даже сыграл международный товарищеский матч на тренировочной базе в Стайках, пару мячей забил, зарекомендовал себя очень даже неплохо. Сижу в гостиничном номере с Прокопенко, говорю ему: «Знаешь, ко мне завтра в Гомель должны приехать родители, родная сестра с мужем, жена Люба с маленьким сыном. А встретить их некому. Ключи–то от квартиры у меня». Взял билет и быстренько в Гомель. Между тем руководство «Гомсельмаша» не подозревало о моем фактически самовольном отъезде из Минска. Спокойно сидим в кругу семьи, влетают в квартиру боссы Гомеля. Шум, гам: за это могут дисквалифицировать. Я так подумал: ну и пусть, переживем. Благо мне звонили из Костромы, предлагали: давай–ка, мол, возвращайся в родные пенаты. Отыграл в Гомеле еще сезон, после чего вернулся на малую родину, в Кострому.

Условия предложили даже лучше, чем в Гомеле. «Если бы ты вошел в число «33 лучших игроков» Белоруссии, получил бы мастера спорта», — соблазняли меня в Гомеле. Немножко напрягло: уходить, не уходить… Тут мама звонит: «Гошенька,

возвращайся». Наверное, тот ее звонок стал определяющим в моем решении.

В 75–76-м годах выступаю в костромском «Спартаке». Уходит из жизни отец. По большому счету, остаюсь единственным мужиком–кормильцем семьи, хотя сестры, разумеется, работали. Надо было зарабатывать, помогать маме, девочкам. С одной стороны, тяжело переживал кончину отца, с другой — все родное, семья, друзья детства, юности. С кем–то вместе оканчивал медучилище.

Кончина отца совпала с проведением сборов. Руководство футбольного клуба с пониманием отнеслось к нашему горю, не дергало меня, позволило остаться дома, с родными. Вернулся в Кострому уже не мальчиком, взрослым мужчиной, обремененным семьей, ответственным за нее. У Любы тоже быстро нашлась интересная работа. Вопросы бытовые решались оперативно.

Меня, к слову, никогда не влекли автомобили. По мне, так лучше небольшой катер купить, чтобы с ветерком по Волге прокатиться. Отдыхать я всегда умел. Мог, к примеру, на целый день уехать в лесничество — грибы, ягоды собирать. Вечерком возвращался. Это свое, родное. Спокойно готовился к матчам, никто из руководства лишний раз не беспокоил.

Главными футбольными встречами в Костроме исстари считались дерби с командой из Иванова. К этим матчам особенно тщательно готовились. Дерби — мягко сказано. Иваново и Кострома почитались текстильными гигантами, и на подобные рандеву собирались высокие лица обкомов партии. Они — к нам, мы — к ним.

Накануне дерби получаю тяжелую травму — разрубили мне голеностоп в предыдущей встрече чемпионата в Питере с местным «Динамо». Нога опухла, температура подскочила. Приезжает домой хорошо знакомый мне Скоропекин: как хочешь, мол, а играть надо. Перевязываю ногу. Достали соответствующего размера бутсу, нога–то, как уже сказал, распухла.

Чтобы защитить голеностоп от рецидива, взяли алюминиевую ложку, только столовую. Отпилили черенок, закрутили, вклеили пенопласт. И вот эту штуку закрыли, завязали. До сих пор шрам от той травмы остался. После чего требовалось еще ногу в бутсу засунуть. Подошел только 41-й, при стандартном размере моей ноги 39-м. Затем ремнем затянули всю конструкцию, и — вперед, на футбольное поле. Вот что собой представляли тогда матчи непримиримых соперников. Футболистов готовили порой в экстремальных условиях, невзирая ни на что. Даже на здоровье.

Очевидцы того матча между Костромой и Ивановом до сих пор смеются: «Помнишь, как алюминиевой ложкой мяч забил?!»

Действительно, именно я, именно той ногой отправил в ворота соперников единственный победный мяч. Победа повлекла такие материальные блага, которые, думаю, некоторым клубам высшей лиги не снились. Кому–то из ребят квартиры выделяли, кому–то автомобили.

Помню, Женя Ловчев говорил, что многие футболисты приезжали в «Спартак» московский подзаработать. Остальное новичков клуба, дескать, не очень волновало. Так вот, в той же Костроме за победы в принципиальных матчах премиальные возрастали в геометрической прогрессии. Команда Ловчева, насколько знаю, получала намного меньше. Клубы второй лиги нередко были обласканы городским и областным руководством. Потому что на кону стоял престиж целых регионов.

Дальше я уверенно отыграл в Костроме еще один сезон — 1976 года. Сын Саша немного подрос. Все–таки родина — это Смоленск, Кострома, там дом, мама, сестры. Любу, повторюсь, мои родные приняли очень тепло, как свою дочь и сестру. С моими сестрами у Любы до сих пор очень доверительные, человеческие, проникновенные отношения.

Новый 77-й год встречали у мамы. Все собрались, вплоть до племянников и племянниц. Никто даже предположить не мог, в том числе я, что судьба так резко развернется. И подарит мне радости и одновременно горести выступлений за один из самых именитых клубов Союза — столичный «Спартак». Радостей, слава богу, оказалось куда больше. Однако об этом периоде своей жизни я вам уже достаточно подробно рассказал.

Прощание с любимой тещей

Откровенно говоря, в нашей семейной жизни неким камнем преткновения в какой–то степени иногда оказывался я. Ну, привык в свое время жить в одиночку! Тогда мама своевременно оказалась рядом, подсказала: «Семья у тебя, должен заботиться. Особенно в такой ответственный момент, когда жена беременна». Сказано просто и доходчиво. Меня сразу как бы отрезвило.

Кстати, друзей в тот период имели немало, регулярно ходили в гости, как и ребята к нам. И театральные новинки успевали посещать, на гастроли приезжали, в том числе, актеры столичных трупп. Наслаждались искусством Ларисы Мондрус, Махмуда Эсамбаева, многих других артистов.

Я уже как–то рассказывал, что Люба многое от моей мамы унаследовала, даже, вероятно, не подозревая об этом. Просто психологически, нравственно самые дорогие мне женщины очень схожи. И замечательно! Любовь Ивановна спокойна–спокойна, но это, знаете ли, порой «уснувший на время вулкан». Так на протяжении всей совместной жизни. Если я, предположим, разговариваю на повышенных тонах и уже получаю отпор, значит, стоп. Что–то не так, несколько «перегнул палку». В основном я после каких–то незначительных, мелких ссор и стычек иду на мировую, труда не составляет.

Кстати, потрясающая мама Любы — Нина Дмитриевна, как правило, принимала мою сторону в каких–то конфликтах. «Мам, ты что все время его защищаешь?!» — восклицала порой моя жена. Нина Дмитриевна была очень умной, мудрой русской женщиной. По сути, это вторая мама, я никогда не скрывал.

Заехала к нам в столицу, говорит: «Сынок, что–то неважно себя чувствую». Тогда друзья помогли. Поставили на ноги, Нина Дмитриевна еще пожила. Спустя время звонит: «Я выезжаю в Москву». Встретил ее на вокзале, она — в плохом состоянии. Побыла у нас дома пару дней, затем в больницу ее положили. Очень тяжелый момент переживали… С Любой проведали ее в больнице, Нина Дмитриевна в реанимации находилась, но в сознание приходила. Попросила, никогда не забуду: «Сынок, ты уж меня в ту немецкую землю не клади», — она в последние годы жила в Калининграде. Ее завещание мы, конечно, исполнили. Похоронили дорогого нам человека на Домодевском кладбище…

Непростой ждал семью период, когда ушел я из большого футбола. Трудился в спортшколе «Нефтяник», что в Капотне. В общем–то, после напряженных тренировок, матчей, бесконечных разъездов наслаждался, наконец, чуть ли не абсолютной

свободой. Недовольство супруги, вполне резонное, исходило по причине нарушения мною «спортивного режима». В определенный момент эти «нарушения» стали даже частыми. Контраст особенно бросался в глаза — раньше за мной подобное не водилось. И вдруг — компания за компанией. Кому понравится? Понимал, где–то перебарщиваю. Тогда снова вернулся в любимую игру — футбол. Обрести полноценную жизнь как раз помогли в спартаковской команде ветеранов.

Когда стали часто ездить, проводить много матчей, понял: не выдержу, никакого здоровья не хватит, если не изменю что–то в себе. Возлияния закончились. Дальше все было умеренно. Позволял себе расслабиться только дома, по большим праздникам. Жизнь наладилась. Выручило осознание, что прежде всего — семья, ее интересы, забота о ней.

Заслуженная похвала супруге

Что всегда нравилось и нравится в жене? Не поверите — ее неистребимое желание работать. Ну, почему жена должна сидеть дома, если она очень деятельная натура? Не может и не хочет бесцельно проводить время. Помните, я уже говорил то же самое о своей маме. Они очень схожи — в этом прежде всего.

Уже 40 лет живем вместе. Конечно, очень благодарен Любе. Ведь, мягко говоря, непросто общаться с таким человеком, как я. Характер просто «взрывной», сложно бывает выдержать. Еще спасибо ей за то, что не заставляла и не принуждает до сих пор заниматься тем, что мне не по нраву. Например, копаться в огороде, облагораживать территорию, и так далее. Хочу — делаю, не желаю — отлыниваю. Видимо, в детстве и юности я наработался на ниве «сельского хозяйства». Убирал картофель, лен, фрукты, овощи и прочее. Судя по всему, с годами выработался своего рода иммунитет к подобным вещам. Люба не порицает и не осуждает.

Она всегда, как истинная жена, прикрывала меня от ненужного вторжения случайных людей, брала на себя функции секретаря, если требовалось. Вот, к примеру, после чемпионата Европы 2004 года, ход и результаты которого сильно тогда подействовали на психику, настроение, она чуть ли не силой увезла меня на дачу. Там только отдыхали, общались. По ягоды и грибы ходили. Еще ждали теплый обед, хороший ужин.

Вместе переживали радость рождения детей, решали проблемы их роста — физического, духовного. Занятия в музыкальной школе, различных кружках — буквально все заботы лежали на Любе, она с ними очень хорошо справлялась. Сообща пережили и трагедию с невосполнимой потерей сына, об этом расскажу чуть позже. Горе, кстати, не всегда объединяет. Знаю немало случаев, когда семьи в аналогичных ситуациях разбивались. Мы как были семьей, так и остались ею. Надеюсь, останемся и на все последующие годы.

Непростой момент моего расставания с большим футболом тоже пережили достойно. На самом деле, это совершенно другой образ жизни, весьма порой тяжелый, противоречивый, подчас неоднозначный. Как нередко бывает? Футболист, тренер в разъездах с командой, дома в силу причин — редкий гость. Встречи в подобных случаях после разлуки очень желанны, сладостны. Но вот игрок завершил карьеру. Казалось, появилась возможность каждодневного общения, о котором, так думалось раньше, люди просто мечтали. Ан нет. Выясняется, слишком

разные они, даже образ жизни и мыслей у каждого свой, не совпадают супруги ни в чем. Да это личная трагедия! Мы данный период, опять же благодаря Любе, миновали почти безболезненно. Не помню неразрешимых упреков, укоров. Именно жена, еще раз скажу, помогла мне выйти из состояния стресса по окончании злополучного чемпионата Европы…

Люба великолепная хозяйка. Видимо, это умение она позаимствовала еще у мамы, ведь Нина Дмитриевна — повар высочайшего класса. Обожаю первые блюда, приготовленные женой. Не такой уж я гурман, но все, что жена с дочерью готовят, принимаю на «ура», с удовольствием. Борщи, солянки, лапша с курицей — объеденье! Люба, например, сама отменно лепит пельмени, можно сказать, тают пельмешки во рту. Могу и водочки по случаю принять, никогда, признаться, не любил вино, шампанское.

Капотня, «Богатырь», «Москвич»

Очень коротко о своей работе в первых двух школах я упоминал. Стоит, думаю, чуть подробнее остановиться. Не зря только что рассказал, что мы с женой весьма достойно пережили мое расставание с большим футболом. Во многом этому поспособствовали те замечательные люди, с которыми пересекся в «Нефтянике» из Капотни и «Красном богатыре».

Не знаю, как вам, а мне нравился раньше, скажем, долгий путь на метро. Легковушку, признаться, не люблю водить, ну, не мое. До сих пор не сажусь за руль, личный водитель имеется. Тогда в Капотню добирался сначала до Кузьминок, затем еще садился на маршрутку, она подвозила прямо к воротам стадиона. Дорога не самая короткая, зато сколько литературы прочитал за это время, провел его с пользой! Люба работала в библиотеке до часу дня, мы обедали, и я отправлялся тренировать мальчишек.

Очень добрые, хорошие люди в «Нефтянике» работали, нормально ко мне относились, отношения сложились весьма доброжелательные. Откровенно говоря, мне очень нравилось там. Приятно наблюдать, когда под твоим чутким руководством пацаны росли в мастерстве.

Но тут родилась дочка Ксюша, и я без особого труда подыскал себе место работы поближе к дому, в «Красном богатыре». Здание этой школы, ее футбольное поле видны с балкона нашего дома в Сокольниках. К тому времени окончил Малаховку и на полном основании мог трудиться в клубах и ДЮСШ. Самое главное, близко от дома, успевал помочь Любе по хозяйству, присмотреть за маленькой дочкой.

Трамвай «четверка» завозил в спартаковскую ДЮСШ моих давних знакомых, знаменитых игроков. Они завершили карьеру, стали наставниками — Нетто, Дарвин, Тищенко, Осянин, Паршин, многие другие. И «четверка» шла дальше, до «Красного богатыря», где трудился я. Знаменитости недоумевали: «Да что ты делаешь там, давай к нам, в «Спартак». Э, нет. Отдавал себе отчет в том, что мой «Спартак» — школа олимпийского резерва, там почти железная дисциплина, четкий распорядок дня. А в коллективе физкультуры «Красный богатырь» чувствовал себя раскованнее. Более того, кроме проводимых мною тренировок, успевал еще и за вторую мужскую команду сыграть. Трудился легко, непринужденно. Любопытно, что матчи первенства столицы, участником которого был и «Богатырь», почти неизменно превращались во встречи друзей–спартаковцев. Они работали в аналогичных клубах — Фалин, Доронин, Хусаинов,

Масленкин. Не сравнить же эти баталии со значимостью встреч, скажем, ДЮСШ «Спартака» и ЦСКА. Поэтому чувство свободы на тот момент ценил превыше всего. А тут и ветераны «красно–белых» звали к себе. Относительно вольный график работы на «Богатыре» позволял совмещать поездки со спартаковскими ветеранами по разным регионам.

В моей футбольной творческой биографии значится и клуб «Москвич». Позвал меня туда давний знакомый по Смоленску Илья Иваницкий. Супруга его — Люда тоже наша хорошая знакомая. Мы и на их свадьбе гуляли. С Ильей пересеклись абсолютно случайно. Нырнул я в знакомую лазейку в ограде Сокольников, встретив, таким образом, старинного приятеля, который шел навстречу. Судьба. Заглянули в любимую кофейню «Фиалка». Илья говорит: «Георгий, я сейчас команду принял. Приходи, поддержи». Я как раз свободен был. Почему еще не поиграть? Заканчивать с футболом не хотелось. В Кострому, правда, опять звали, но, поразмыслив, отклонил предложение. Да и мама не советовала приезжать: «Гошенька, по–моему, тебя здесь начнут не только хвалить, но и ругать. Не стоит сюда возвращаться». И все в таком духе.

К тому же Илья видел меня в «Москвиче» не просто футболистом, а играющим тренером. Это, признаться, особенно привлекло, как раз и требовалась практика тренера. Что скрывать, хотел связать свою дальнейшую жизнь все–таки с футболом, деятельностью наставника. Уговорил своего партнера по «Спартаку» Сашу Кокорева: «Пойдем в «Москвич»?» — «Пойдем», — был ответ. Что ж, все как бы началось с нуля: полные предсезонные сборные прошли, закрепились в составе. Чувствовал себя нормально, даже комфортно.

Но… Тот перечень условий, которые мы обговаривали с Ильей до прихода в команду, оказался не выполненным. К сожалению, ушел из жизни многолетний президент клуба «Москвич» Анатолий Магит. И все прекрасные намерения, договоренности, ранее с ним достигнутые, как бы канули в Лету. Оставаться было, в общем–то, бессмысленно.

Илья на тот момент — еще молодой, неопытный, необстрелянный тренер, ему сложно пробивать какие–то вещи. Ну, для виду я немножко еще поиграл и ушел. Мы с Иваницким достаточно тепло расстались, в конце концов, не он виноват, что многое сложилось не по нашему с ним сценарию.

Удалось одно время тренировать и команду музыкантов эстрадных «звезд». Коллектив организовал другой мой замечательный партнер по «Спартаку» Валера Гладилин. В составе, разумеется, не только эстрадные певцы, но и футболисты

прошлого. Этакий коктейль из игроков прошлого и артистов. С нами тренировались, играли Гоша Барыкин, Крис Кельми, Сергей Беликов, многие другие ребята. Очень неплохо взаимодействовал с ними Петрович — Пресняков–старший. Поездки по всей стране с концертно–спортивными программами. Сначала пели, потом играли в футбол.

Конечно, с некоторыми людьми, никогда профессионально не игравшими, сложно приходилось на поле. Скорее, они выходили на газон из популистских соображений, чем всерьез и умело гоняли мяч. Однажды говорю Гладилину: «Знаешь, мы с тобой быстрее запоем, чем научим ребят играть в футбол». Иногда, откровенно говоря, еле ноги волочили, нам с Валеркой приходилось отдаваться на поле полностью. Потому что против нас нередко выходили команды весьма неплохого уровня. Ударить в грязь лицом, конечно, не хотелось.

Сейчас, спустя время, вижу, что многие наши подопечные из той когорты артистов куда профессиональнее стали играть. Всерьез увлеклись футболом, регулярно тренируются. В хорошем смысле «заболели» тем, чему я посвятил всю свою сознательную жизнь. Приятно сознавать, что приобщил кого–то к самой популярной на планете игре. Да к тому же это — здоровье, отличное времяпрепровождение.

И, насколько заметил, немалую пользу наши футбольно–эстрадные вояжи приносили местным футболистам, когда–то защищавшим цвета своих региональных команд. Ведь не секрет, об этих замечательных людях порой напрочь забывают представители тамошних властей. А тут во время, скажем, нашего с Гладилиным приезда погасшие футбольные «звезды» появляются на газоне стадиона, их от души приветствуют болельщики, замечают и начальники–руководители. Какие–то определенные блага сулят…

Работа комментатором

Не случайно хочу вам рассказать об этом, сотрудничество с телевидением предшествовало моему возвращению в большой футбол. Уже в качестве наставника родного «Спартака», а затем и его главного тренера.

Но сначала вот о чем. Немножко вперед забегу. Сотрудники российского телевидения попросили прокомментировать ряд матчей первенства Европы 1996 года в Англии. Я согласился, благо все равно в нашем чемпионате пауза наступила. Какой шум поднялся, какой нездоровый ажиотаж! Дескать, Ярцев бросил «Спартак», улетев в Англию, команда предоставлена самой себе, и все в том же духе. Оставлю эти пассажи на совести недобросовестных, а зачастую и непрофессиональных людей, не разбиравшихся в элементарных вещах.

Еще мне вменяли то, что я, мол, бросив клуб, поехал выручать друга — Романцева. Да, считал и поныне считаю, что именно моя помощь тогда очень требовалась ему. Психологически Олегу приходилось сложно, как никогда. Жил я тогда в Лондоне, он — со сборной в предместьях Манчестера. Мы регулярно созванивались. «Приезжай пораньше, надо пообщаться», — просил Романцев. Конечно, ему хотелось хоть немного отвести душу в столь непростой ситуации. Речь–то, извините, вообще стояла о замене ряда футболистов.

Ведь отказывались выступать. Нужно было как–то пережить это. Очень сложно, повторюсь. Тем более бунт подняли футболисты, в которых Романцев душу вложил, на ноги их поставил, привил высокую культуру игры. Конечно, я посчитал необходимым быть тогда рядом с ним.

И по возвращении в Москву после того ЕВРО нужно было втянуть Олега в тренировочный процесс, отвлечь от мрачных мыслей. Кто это сделает, как не его друг? Романцев взял пару–тройку дней отдыха. Восстановил душевные силы, стал плодотворно, как и раньше, трудиться в клубе.

А предыстория моего прихода на телевидение такова. Познакомился с комментатором Олегом Жолобовым, работавшим в то время ведущим программы «Арена». Он и предложил попробовать свои силы. Понравилось. Сама по себе обстановка новая, необычная для меня. Не футбольный коллектив — журналистский. С различными выездами на всевозможные мероприятия, где предполагалось общение.

Это сейчас включаешь телик и смотришь, к примеру, матчи многих европейских национальных чемпионатов. Тогда,

объективно, такой возможности не было, а располагала материалом именно программа «Арена». Да, наши выпуски часто выходили поздно вечером, возвращаться домой вообще приходилось за полночь. Но сам процесс, подготовка к эфиру, общение с людьми доставляли несомненное удовольствие.

Поэтому не удивился, когда предложили комментировать матчи первенства страны, Европы, мира, встречи нарождавшейся Лиги чемпионов. Приятно, когда получал комплименты от самого мэтра телерадиожурналистики Николая Николаевича Озерова. Разговоры с ним просто окрыляли. Вообще мы с ним очень тепло общались многие годы. Николай Николаевич всегда был желанным гостем нашей команды, с любовью относился к родному для него «Спартаку». По большому счету, именно ему вкупе, конечно, с братьями Старостиными принадлежит ключевая роль в возрождении почитаемого миллионами людей клуба.

Иногда Озеров не стеснялся давать советы: «Вы с Олегом много мяч гоняете». Это означало, что во время репортажа львиную долю времени, на взгляд мэтра, уделяли перечислению фамилий игроков, владеющих мячом. Я старался усваивать ценные уроки, перестраивался. Какую–то информацию дозировал, больше о самих футболистах рассказывал, и так далее. Работа комментатора сама по себе очень любопытна.

Во время чемпионата мира в Америке в 94-м работал в Хьюстоне. Какие–то матчи вел индивидуально. То первенство оставило самое благоприятное впечатление. Прежде всего организация на высочайшем уровне. Чемпионат, показалось, прошел на одном дыхании, даже и не заметил, как 40 дней пролетели с момента нашего прилета в Штаты. А группа наша телевизионная, по понятным причинам, раньше всех объявилась на соревнованиях.

Впервые, кстати, за многие–многие годы увидел, как сборная Кореи буквально трепала немцев, те, по–моему, «поплыли» от жары, стоявшей в Америке. Впечатляюще тогда смотрелись болгары, их лидеры — Стоичков, Лечков, Костадинов. Вот как раз запечатлелась игра Болгария — Германия, в которой Стоичков и компания раздербанили соперников. И, безусловно, финал Бразилия — Италия, когда драматически для итальянцев завершилась серия послематчевых пенальти. Вообще сама атмосфера чемпионата, его незабываемый антураж потрясающи. Такое надолго остается в памяти.

Но не только сам футбол запомнился. По ходу первенства ближе познакомился и подружился с оператором телевидения Романом Романовичем Карменом, сыном знаменитого Романа Кармена. С Карменом–младшим, оказывается, неоднократно

пересекались в столичных Сокольниках, жили практически в соседних домах. Но я-то раньше в лицо его не знал! «Георгий Александрович, часто мы с вами виделись в Сокольниках», — делился Кармен–младший. «И где могли видеться?» — «Да, в магазине, например». С Романом мы в свободное от работы время объездили почти весь Даллас, побывали на знаменитом месте убийства Кеннеди.

Когда только прилетел, меня встретили Фетисовы — Слава с Ладой. Вячеслав тогда еще действующий игрок, слава его в буквальном смысле была в зените. В Нью — Йорке пару дней с ними побыл. Сходили вместе в «Русский самовар», его держал, между прочим, внук той самой знаменитой Каплан.

Российские туристы в Америке расслаблялись вовсю, выпивали очень мощно. Больше всего позабавила история, рассказанная Славой. Вполне реальная байка. Фетисов на самом деле очень добрый по натуре человек, готов помогать чуть ли не всем, нашим соотечественникам тоже.

Приезжают Слава с Ладой ко мне в гостиницу. При входе видят пьяных в дупель россиян. Фетисовых сопровождал еще Сергей Макаров. И Слава предлагает нашему туристу: давай, мол, отведу тебя в номер, скажи только, где живешь. Не бойся, я — Фетисов. Тот, наконец, смог продрать глаза и говорит: «Угу, ты — Фетисов, а тот — Макаров, да. Хватит «лапшу» вешать».

По возвращении в Москву вижусь с Константином Ивановичем и Валерией Николаевной. Она дает весьма лестную оценку моим репортажам. И не только при очной встрече. Где–то на телевидении так сказала, отметив тандем Ярцева — Жолобова. Может, это еще связано с тем, что по ходу некоторых репортажей я нет–нет, да положительно оценивал моменты подготовки футболистов к важным турнирам под руководством ее знаменитого мужа.

Новая жизнь в «Спартаке»

Еще в Америке я общался по телефону с Олегом Романцевым. Кстати, с Олегом пересекались раньше, в аэропорту Ливерпуля, где команда под его руководством проводила очередной официальный матч. Как будто и не бывало нескольких лет разлуки после размолвки в «Красной Пресне». Общались легко, непринужденно. Он даже первым шаги навстречу сделал, очень тепло тогда поговорили. С Олегом сыновья были — Вадька и Валька, жена Наталья.

И вот в 94-м какая–то шумиха вокруг «Спартака» поднялась, якобы масштабные изменения грядут, и не совсем хорошие. Естественно, руководство российского телеканала, от которого я работал на мировом первенстве в США, попросило меня прокомментировать последние события в стане «красно–белых». Набираю номер Романцева, прошу его: не мог бы ты рассказать, что на самом деле происходит в команде? А то вот выхожу сейчас в эфир, хотелось бы сообщить телезрителям последние новости из стана «Спартака». Олег сказал, что клуб усиливается игроками, а вся спровоцированная кем–то шумиха — не более чем пиар с душком. Еще похвалил мой предыдущий репортаж.

Вот тогда–то он поинтересовался: «Когда будешь в Москве? Прилетаешь, жду твоего звонка. Договорились?» — «Договорились».

Прилетел и позвонил. «Я сейчас еду в Тарасовку, — звонил из Сокольников Романцев. — Забираю тебя, ты мне нужен», — подтвердил свои намерения Олег Иванович. В то время Саша Тарханов, помощник Олега, уже покинул команду. Приехали в Тарасовку, расположились в комнате Олега. Выпили кофейку, покурили. «Я хочу, чтобы ты вернулся и работал со мной». — «Спасибо, я согласен». Все формальности уладили моментально, и я начал трудиться в родной команде.

Многие наши знакомые, друзья были искренне довольны, что мы снова вместе. Эту дружбу и в самом деле не разорвать. Опять же, как не благодарить Олега?! Он дал мне возможность вернуться в любимую команду, проявить себя уже в тренерской ипостаси. Одна из сильных сторон Романцева — даже если что–то задумал, казалось бы, решил наверняка, никогда и ничего не делает впопыхах, сгоряча. Берет себе время обдумать, все взвесить. Значит, решение, например, позвать меня, у него созрело. Спешка, спонтанность — не его характерная черта.

Забегая вперед, скажу: мне с ним, как с президентом клуба, работалось легко. Вовсе не потому только, что он мой друг.

Старался приходить к нему с конструктивными предложениями, которые, как правило, находили отклик. Мы называли это «вопросом на одну сигарету». Выкуривали ее, и вопрос решался. «Ты все просчитал?» — «Да». Если дело сложнее, максимум пара сигар уходила на обсуждение. Обычно мало набегало проблем, на решение которых Романцев брал время.

Футбольные болельщики в курсе, что мне позже пришлось общаться с руководителями других команд, в которых работал. Так что есть с чем и с кем сравнивать. Могу сказать: лучше президента клуба, чем Романцев, я на своем тернистом тренерском пути не встречал. Это абсолютно объективно. Я приходил к президенту Романцеву, и все исполнялось. Он словно родился с этой ролью. Когда сел в кресло, увидел практически все болевые точки своего клуба.

Кстати, немало вреда принесли некоторые сотрудники клуба, видимо, мечтавшие одно время, чтобы Ярцев, образно говоря, «спалился». И Романцев поспешил бы ему на помощь. Вот такие планы вынашивались. Но, слава богу, они не сбылись. Дисциплина, порядок с приходом Романцева на высокий пост были восстановлены. Например, по ходу «золотого» 1996 года организационные проблемы у меня попросту отсутствовали. Это ли не показатель стабильности, порядка, уверенности в завтрашнем дне?!

Меня нередко спрашивают: а почему вы не оставили в команде образца 1995–1996 годов опытных игроков? Зачем надо было их продавать? Тем более, после удачного выступления в групповом турнире Лиги чемпионов действительно была возможность их оставить. Ведь имелся риск провалить следующий сезон — внутреннее первенство, Лигу чемпионов. Я, в свою очередь, — не очень хороший приемчик, правда, — отвечу вопросом на вопрос. Ну, представим, мы их, опытных, сохранили. Заиграли бы, в частности, столь ярко те же Тихонов, Титов, Аленичев, Кечинов, Ширко, Джубанов, другие ребята? Думаю, вряд ли. Кого продавать, а кого привлекать — больше мое тогда решение, не скрою.

Мы с Романцевым сошлись во мнении: деньги, заработанные в Лиге, потратим на молодежь, которая уже подрастала. Задача ставилась строить команду будущего, не отдаленного даже, а ближайшего. Подошел такой момент, понимаете? Цымбаларь, Мамедов, Хлестов, Пятницкий, Ананко тоже в принципе готовились к возможному отъезду, но, тем не менее, остались в клубе. За них, к слову, давали приличные деньги. Мы отдали на сторону только мастеров, в какой–то степени представлявших собой некий застой.

Разговор какой? Пестуем молодую команду. Я люблю и молодежь, и ветеранов. Но молодежь образца 1996 года уже на всех парах рвалась в основу. Им как бы закрывали дорогу, несколько искусственно, как раз те, с кем распрощались.

Конечно, с опытными в обойме игроками можно было не опасаться за попадание в тройку призеров. Хотя вот в 95-м лишь третьими стали… Мы, считаю, сэкономили необходимые средства в развитие команды. Молодежь получила очень выгодные контракты, солидные премиальные.

В Польше, по окончании заключительного поединка группового этапа Лиги, Романцев объявляет о своем уходе с поста главного тренера. Поручает мне заняться командой. После достаточно сенсационного заявления нас по возвращении в Москву встретила в аэропорту внушительная группа репортеров, дотошно расспрашивала, как и что теперь будет. Мы на все, подчас каверзные, вопросы с Романцевым ответили. Разумеется, советовались с Николаем Петровичем Старостиным. Наш патриарх одобрил курс на омоложение состава, он всегда отдавал приоритет своим воспитанникам. Когда я представил план работы и тот состав, который мне виделся, Старостин был только «за».

Вспомните, именно в то время появились еще Липко, Мелешин, Нигматуллин с Филимоновым. Между прочим, многие из этих ребят до сих пор играют, Сашка Филимонов даже чемпионом мира стал в пляжном футболе. То есть я не ошибся ни в одном из приглашенных. Другое дело, кое–кто из футболистов неверно воспринял ту победу в 96-м. Видимо, посчитали — стал чемпионом, расти некуда. Можно на лаврах почивать. Жаль. Потому и не реализовали себя в полной мере, полагаю, очень способные Володя Джубанов, Слава Дуюн. Можно сказать, «засохли», не успев расцвести. Вот тот же Костя Головской, невзирая на зигзаги футбольной судьбы, и в «Динамо» у меня прилично выступал. Он лишь относительно недавно завершил карьеру в известном казахстанском клубе «Актобе».

Единственное приобретение из «стариков» — Горлукович. Кое–кто откровенно смеялся: этот Ярцев совсем сбрендил, ничего не соображает, позвал «развалюху». А Серега мне всегда нравился. «Дед» был очень нужен. Никому и ничего он не грубил, глупые байки про него сочиняли по недомыслию. Нормальный парень. Вот сели со «Спартаком» на сборах в Германии, Сергей пришел к нам. Разговор о приглашении в команду состоялся, наверное, самый короткий. Минут пятнадцать занял. Сначала я с ним переговорил, затем к президенту Романцеву зашли. Сказали игроку о зарплате, премиальных. «Готов тренироваться. Где моя

комната?» Все. Следующим утром Сергей вместе со всеми вышел на занятие. Нытики между тем тянули свою волынку: он не наш, зачем взяли и тому прочее. Время показало и доказало: выбор правильный.

Не ошиблись, как я уже сказал, и с остальными. Многие ребята многократными чемпионами страны стали, здорово выступали и в Европе. В 97-м опять же лучше остальных российских клубов в евротурнире смотрелись. Такие мастера, как Тихонов, Аленичев, Титов, завоевали сердца болельщиков, по сути, являлись идолами фанатов. Возможно, эта плеяда игроков не состоялась бы, останься в команде те самые опытные футболисты. Вспомните, как в один не очень прекрасный момент «старики» вернулись, в 98-м. Закончилось сие скандалом. Возрастным пришлось–таки освободить место молодежи, потому что юные на первый взгляд игроки возмужали. Они не захотели терпеть диктат старших коллег по футболу. Дольше и лучше всех, по моим тогдашним прогнозам, должен играть Аленичев. Так, собственно, и получилось.

Как ковалась та победа

Приоткрою вам секреты того успеха в 96-м. Думаю, вам это небезынтересно и небезразлично. Вообще–то начинался сезон, мягко говоря, безрадостно. На первой же тренировке травмируется Цымбаларь, в дебютном мини–футбольном турнире в Германии двойной перелом у Хлестова. Захотел уехать в Корею Шмаров, на мастерство и опыт которого я тоже рассчитывал. Задача стояла такая: наиграть команду, это ведь будущее «Спартака». Настоящее было, и неплохим, однако требовался шажок вперед.

На старте первенства даже и разговоров не велось, что мы куда–то там шагнем, за что–то станем бороться. В финале Кубка проиграли «Локомотиву». Уступили в абсолютно равном матче, шажочка не дотянули. Возможно, то поражение заставило еще четче сконцентрироваться на играх первенства.

Очередной матч чемпионата на «Локомотиве», в подтрибунном помещении встречаю своего бывшего, очень взыскательного наставника Константина Ивановича Бескова. Услышать из уст мэтра похвалу — а он высоко оценил уровень готовности команды, саму игру — дорогого стоит. Ведь Константин Иванович, не стоит забывать, очень любил с молодежью работать. Так что его реверансы — не пустой звук. «А что они за люди, нынешние молодые?» — неожиданно поинтересовался Бесков. «Да такие же, как и мы в свое время, только голодные до побед», — отвечаю. Все–таки команда в далеком уже 79-м вернула болельщиков на трибуны искрометной, вдохновенной, результативной игрой.

Чем–то тогда моя команда 96-го неотразимо напомнила ту великолепную дружину Бескова в 79-м. И спустя годы говорю: не ожидал в дебюте сезона, что побьемся в итоге за «золото». И не просто побьемся, а завоюем его. С трудом верилось. Что будем в зоне еврокубков, почти не сомневался. Однако ход некоторых встреч насторожил, расстроил: немножко мы в какой–то момент дрогнули. Вели, к примеру, по ходу матча в Набережных Челнах, а в результате — ничья. И пошли «ноздря в ноздрю» с «Аланией».

Конечно, ключевыми стали поединки именно с владикавказцами. В Москве мы уступали — 0:1, в итоге крупно победили — 4:1. И почти всю встречу в гостях выигрывали у них, но упустили победу, в итоге ничья — 2:2.

Не скрою, делал поблажки «деду» Горлуковичу. Он просил пару выходных после матчей и получал их. Шел ему навстречу, потому полностью отдавался в матчах. После отдыха в кругу

семьи Сергей возвращался в Тарасовку, и я поручал ему группу молодых футболистов, не занимавшихся в общей группе. Он уходил с ними в лесную чащу, что недалеко от базы. Кросс, интенсивная разминка. Все это делалось. Мне и в голову не приходило проверять, подсматривать. С ним никогда и ни в чем не возникало проблем.

Этот суровый с виду профессионал ни разу никуда не опоздал, никого не подводил. Собственно, тот же Андрей Тихонов, так получилось, жил с семьей непосредственно в Тарасовке. Просился иногда домой. Понимал, семья у человека, лучше отпустить, нежели чинить препятствия. В полдевятого утра Андрей, как штык, появлялся на зарядке. Многое в наших отношениях строилось на доверии. И ребята не подставляли тренера.

Кстати, и с юными дарованиями мы экспериментировали. Скажем, после поражения в финале Кубка я оставил в Москве почти всех опытных игроков, кроме Горлуковича. Улетели на календарную встречу первенства в Екатеринбург. Пожалуй, оттуда пошло крылатое выражение — «пионерский отряд с вожатым Горлуковичем». Матч завершился разгромом «Уралмаша». Легко было работать с командой, игроки которой верят наставнику.

К памятному всем «золотому» матчу с «Аланией» поправился Цымбаларь, очень ценное подспорье накануне решающего поединка за чемпионство. Восстановил былую форму Мамедов, начал тренироваться Хлестов. Все мальчишки — молодые, опытные — психологически устойчивы, их совсем не смущали возможные проблемы по ходу «золотого» матча с Владикавказом. Да и почему должно что–то смущать? Мы «Аланию» дома обыграли, позднее удачно выступили в гостях.

Атмосфера перед решающим матчем оставалась спокойной. Я сам прошел через это, знаю, нервозность в подобных случаях надо постараться убрать. Во всяком случае, не нагнетать дополнительно. И ребята спокойно готовились. Сборы, как обычно, проходили в Тарасовке, правда, на сей раз чуть дольше, чем в преддверии других матчей первенства.

В Питер на самый ключевой для нас в сезоне поединок вылетели не раньше и не позже обычного. В том же режиме, что и весь год. Напряжения внутри команды не ощущалось. И даже не пришлось дилемму решать накануне ответственной встречи: с двумя форвардами выходить или с одним? Конечно, с двумя! С такой мощной полузащитой мы никого не боялись.

Безусловно, если вспомнить, то отнюдь не гладко шли к чемпионству. Проиграли, например, динамовцам, хотя всем

понятно было: команду буквально, что называется, засудили. И здесь у молодости свое неоспоримое преимущество: раны душевные быстрее затягиваются. Плюс ко всему, Олег Иванович дал жесткое указание сотрудникам клуба: помогать даже в мелочах Ярцеву! Некоторые люди подчас с прохладцей относились к своим обязанностям. Могли, к примеру, в канун матча где–то дома остаться. А тут исключительно все на базе жили. Футболисты видели: тот же тренерский штаб трудится в поте лица.

Что скрывать, на язык я не всегда сдержан, колким бываю. Подопечные получали, если требовалось, по полной программе. Но какого–то сверхнегатива не ощущалось, ребята понимали — идет процесс обучения, обид не должно быть. Однако в определенные моменты говорил с ними еще жестче, например: «Вы, что, хотите повторить подвиг того поколения игроков, отправивших «Спартак» в первую лигу? Давайте, занесите свои фамилии в «черный» список». И, по–моему, действие на психику имело неотразимое. Да и непарламентские выражения, случалось, употреблял. Не всегда хватало «норматива», каких–то увещеваний для встряски. А что? Это нелегкая мужская работа, всякое происходило в коллективе.

Другое дело, нельзя палку перегибать. Лучше где–то в юмор, сатиру некоторые ситуации перевести. Иногда по ходу сезона-96 вспоминал, как Бесков меня в свое время ругал. «Неужели больше некого обсудить?» — бывало, огрызался я на какие–то реплики Константина Ивановича. «Вот когда перестану тебя замечать, критиковать, тогда стоит тебе задуматься», — говаривал старший тренер. И мои ребята, думаю, это тоже тогда понимали.

Насколько мы были близки, потрясающе! Интуиция зачастую срабатывала, верные решения подсказывала. Психологическая совместимость выручала. Достаточно вспомнить эпизод с Тихоновым, вставшим в ворота вместо Нигматуллина. С Андреем только переглянулись — честно скажу, не знал в тот момент, кого ставить. Друг друга поняли без слов. Андрей тут же встал в «раму». «Дед» потом в раздевалке во всеуслышание сказал: «Спасибо, Тихон. Эти бы, — кивнул в сторону вратарей, — пропустили».

Конечно, приготовили и некоторые тактические сюрпризы для владикавказцев к «золотому» матчу. Многие ждали, что именно Цымбаларь выйдет играть слева в полузащите. А там появился Андрей Коновалов, и здорово ведь отыграл! Сама же позиция Цымбаларя позволила еще конструктивнее, разнообразнее сыграть в атаке. Так ковалась наша победа. И в том конкретном, сверхважном для нас матче, и в целом в первенстве.

Не могу не отметить любовь преданных болельщиков. Фанаты ни разу не отвернулись от команды, даже в минуты неудач. Никого не бойкотировали, не слышали мы в адрес игроков, тренеров неприличных кричалок. Почему я все–таки люблю болельщиков того времени? Их поддержка оказалась такой весомой, горячей, доброжелательной, всеобъемлющей, что не ответить взаимностью мы, наверное, просто не могли. Совесть не позволила бы. Требовалось отдавать себя в матчах полностью! И ребята не щадили себя, не берегли силы, не убирали ноги. Фанаты по достоинству оценили нашу игру, шумно поддерживая по ходу буквально всех встреч, даже складывавшихся неудачно.

А сейчас? Отказываюсь понимать так называемых «болельщиков», когда вдруг во время матча они спиной разворачиваются к футбольному полю. Демонстрируя, таким образом, свое «фэ» футболистам, тренерам. Представьте, команда в момент акции мяч забила. Спрашивается, зачем такие «фанаты» на стадионы ходят?

Болельщики того времени никогда не бросали нас именно в нелегкие периоды. Что, мы все время выигрывали? Нет. Но поклонники знали, что ребята бьются до конца, изо всех сил, стараются. Да, могло что–то не получаться, но никто не опускал рук. И люди страстно поддерживали команду. Огромное спасибо им.

Поколение чемпионов

С любовью рассказываю о своих подопечных, они мне — как сыновья. В их компании провел замечательные годы. Всегда обожал молодых игроков. Я все матчи дубля посещал. И до работы тренером в «Спартаке» на дубль ходил, то есть регулярно. Леша Мелешин, Вадик Евсеев, Сашка Ширко, Андрюха Коновалов, Костя Головской, Вовка Джубанов созрели тогда для основы, им надо было давать шанс проявить себя. Что касается Тихонова, Аленичева, Титова, они к тому моменту уже находились в команде, органично влившись в коллектив. Прибавьте сюда их любовь к «Спартаку», желание тренироваться, играть и побеждать.

Никогда не любил «молчаливые» тренировки. Ребята моментально все схватывали — ну, просто изначально пребывали в контексте спортивной игры под названием футбол. Что очень важно, понимали игру, ее тонкости, всякие нюансы. Пара–тройка человек этой «золотой» молодежи способны действовать почти на любой позиции, настолько универсальны. Аленичев, Тихонов, Кечинов слева и справа отменно играли в полузащите. И в нападении тоже. Ведь тот же Тихонов в какой–то момент, видимо, морально устал на позиции хава, он первоначально был форвардом.

Выходили они вместе с Цымбаларем, Пятницким, Ананко. Если взрослые ребята ныли бы, долбали молодых, то юные дарования, не исключаю, не заиграли бы. Горлукович, к примеру, никогда никого не «давил» авторитетом, он подстегивал. Получалось знатно.

Самым немногословным, внимательно слушающим указания тренера слыл Сашка Ширко. К сожалению, Андрей Мовсесьян не выдержал конкуренции, а нападающий приличный. Ему характера, терпения не хватило. В этой замечательной компании талантов никто не выпендривался, все были в равную, буквально каждому из них давался шанс проявить себя. То, что ребятки станут расти в мастерстве, даже сомнений не оставалось. Будущее «Спартака»? Безусловно. Потому что люди преданы команде и друг другу. Они, кстати, до сих пор дружат.

На мой взгляд, ярче других смотрелись Тихонов с Ананко, они уже были в составе. Тот же Валера Кечинов личностью был, а не статистом. Егор Титов тяжелее входил, у него своеобразная манера. Тогда в центре поля играл Андрей Пятницкий, безусловный лидер команды. Да и Цымбаларь был. Титову очень непросто пришлось. Мастеру атаки, тем более разыгрывающему, всегда сложнее, чем, к примеру, защитнику. Разрушать, конечно,

проще. Но Егор, сразу было видно, ИГРОК! Просто ему, как и другим молодым ребяткам, требовалось «обрасти мясом», силенок еще не хватало. Опять же только после ухода Никифорова Ананко и Липко в центре обороны появились.

К счастью для меня, здесь все срослось. И желание их, и то, что давал им я. Нередко бывает: тренер предлагает задание, но футболист в силу каких–то причин не в состоянии выполнить. Или то, что желает, демонстрирует игрок, никак не вписывается в контекст общей командной тактики.

Еще раз подчеркну в данной связи роль Олега Романцева как президента клуба. Может, расхожее мнение, но поддержка Олега тогда просто неоценима. Он, как и я, верил в молодых. Именно Аленичев, Тихонов, Титов, Кечинов определяли в 96-м и последующих сезонах игровой рисунок команды. Хитрые, ловкие, уже достаточно мудрые, несмотря на свою молодость, футболисты. Главное, они выполняли практически любую тактическую задачу. Вот насколько талантливы!

Сезон-96 прошел на одном дыхании. В этот год мы много шутили, подкалывали друг друга. Иногда, правда, и неудачи преследовали. В подобных случаях административные меры принимал. «А ну–ка всю свою шикарную аппаратуру сдать в каптерку!» Надо видеть, с каким видом они выполняли «задание». Садились к общему на всю команду телевизору, общались, играли в шахматы. Выправлялась турнирная ситуация, и вещички потихоньку возвращались к игрокам.

Повторюсь, в обыденной жизни относился к ним, как к сыновьям. На тренировках, по ходу матчей спрашивал уже по полной программе. Но был уверен, — не подведут…

Причины падения «Спартака»

Контракт с командой на работу в должности главного тренера у меня был на один год. Романцев ушел из сборной. Понятно, он должен работать. Мы сели с ним обговорить ситуацию: «Жор, я хочу вернуться. Ты как считаешь?» — «Это твое право. Срок моего контракта истекает». К слову, предложения остаться в «Спартаке» представлялись очень заманчивыми. Давались мне функции не хуже и не ниже предыдущих полномочий. Например, Романцев — главный тренер, я — старший. Абсолютно ничего не терял. Ни в статусе, ни в зарплате. И ушел только в 98-м, когда московские динамовцы «полетели» в турнирную пропасть. Все–таки захотелось самостоятельной работы, и не где–нибудь, а в топовом клубе.

Кстати, по ходу сезона-97, особенно после поражения от «Кошице», люди, на мой взгляд, незаслуженно скандировали: «Ярцев, Ярцев! Романцев, заплати налоги!» То есть устроили форменную обструкцию моему товарищу. Олег сказал: «Дай мне отдохнуть». Он оказался морально, психологически под такими «молотками», что не приведи господь. Три кряду матча проводили без него. Мы их выиграли. Затем Романцев приехал в Тарасовку и приступил к тренировкам. Кстати, Романцев был против моего ухода из «Спартака»…

Расстались с Олегом нормально. Продолжали общаться. Во время пауз звал меня в Тарасовку, я с удовольствием приезжал. Даже с «Динамо» наведались туда, провели товарищеский матч. У нас с Олегом не было никаких проблем. Вероятно, со временем сложились настолько уже глубокие отношения, что их и в самом деле невозможно разорвать, да и не нужно.

Когда я в силу причин покинул «Динамо», обратно в «Спартак» Романцев не пригласил. Сам же я не привык напрашиваться, быть навязчивым явно не в моем характере. Просто он уже, очевидно, к тому моменту набрал тренерский штаб и в кадрах не нуждался.

То, что произошло с клубом дальше, полагаю, не столько вина Романцева, сколько его свиты, окружения. Ну, никогда я, например, не верил слухам, что Тихонов с Хлестовым и Кечиновым ведут себя как–то непотребно, вызывающе. Ведь это ж надо ухитриться умного, грамотного Романцева «подтолкнуть» к тому, чтобы он заявил во всеуслышание, будто игроки, еще недавние кумиры болельщиков — «отыгранный материал». Никогда не поверю, и сейчас тоже, что это инициатива самого Олега — так заявить о футболистах, которых он сам безмерно

любил и, думаю, любит до сих пор. Что и говорить, «молодцы», — «влили» такую «сенсационную» информацию в уши тренера! Хоть стой и сразу падай.

Знаете, говорю это не для того, чтобы обелить Романцева. У него к тому времени еще оставались бразды правления — тренерские, организационные атрибуты. В принципе мог в любой момент «включить» упомянутые рычажки. Но, видимо, атмосфера хаоса брала свое, управление клубом передавалось то Заварзину, то Червиченко. Нездоровая обстановка постепенно нагнеталась. Приходилось делиться властными полномочиями с новыми президентами, вице–президентами и так далее. Конечно, все это не могло не «давить» на Олега.

Однако за единоначалие необходимо было бороться. Помню, на старте сезона-96 Олег как–то сказал: «Не буду больше ездить с вами на матчи». Оказывается, ему какой–то «доброхот» нашептал, что, дескать, Ярцева смущает присутствие Романцева на скамейке запасных во время игр. Полная чушь! Видно, такая вот неблагожелательная атмосфера подозрительности воцарилась в команде и после моего ухода. Люди той же категории «шептунов», судя по всему, очень мечтали поссорить нас и во время торжественной церемонии вручения премий «Стрелец» по окончании все того же сезона 1996 года. Грамоты — «лучшим тренерам» — вручили мне и Романцеву. Тогда Олег поднимается и говорит во всеуслышание: «Георгий Александрович, иди на сцену. Сегодня твой праздник!». Вот истинный Романцев. Честный, благородный.

Скорее всего, тогдашние руководители спартаковского клуба где–то панически боялись: не дай бог, Ярцев вернется. Разбить старинный, проверенный годами тандем тренеров Романцев — Ярцев будет им не под силу. И не то чтобы я стал этакой «персоной нон грата», но весьма нежелательным в клубе человеком. Меня просто–напросто не хотели видеть.

Многие вещи я не понимаю, ну, не укладываются в моей голове. Повторюсь, продолжали бы работать вместе, никогда из команды не освободили бы Тихонова с Кечиновым. Равно как и Аленичева. Павленко поменяли на Титова? Хороший игрок — Саша. Но, позвольте, до уровня мастерства Титова, объективно, недотягивал. Вы сначала подтяните до этого уровня, затем убирайте такого мастера, как Егор.

«У нас Аленичев — больной, не может на синтетике играть», — слышал от некоторых деятелей. «Георгий Александрович, они врут», — заверял меня сам Дима. В честности, искренности самого Аленичева сомнений практически нет. И вот он месяц уже не играл. Дима что, не мог устроиться в

сытой, теплой, спокойной Европе и там доиграть свой футбольный век? Запросто. Но он же вернулся в родной клуб, чтобы достойно завершить свою блестящую карьеру, и нате вам. Что это за тренер трудился в команде, не отдающий себе отчета в том, кто такой Аленичев? Или тот же Тихонов, сколько еще выступал в «Крыльях», «Химках» после произнесенной Романцевым сакраментальной фразы? Ошибка — расставание с Тихоновым? Конечно. Еще какая чудовищная.

Падение началось, по–моему, именно с того момента, когда Романцев стал терять свою преданную, грамотную, имеющую свое мнение гвардию. Почему я, например, люблю людей с характером? Потому что, если такого, скажем, упрямца обратить в свою веру, убедить его в каких–то ценностях — человеческих, футбольных, — лучше соратника уже не сыскать. Люди будут преданы самой идее, это очень важно. Я бы еще мог понять некоторые решения клубного руководства, если освобожденные из состава того «Спартака» ребята окончили карьеру. Но они долго затем приносили ощутимую пользу другим клубам, нередко становились там лидерами.

В данной связи роль в команде Грозного крайне негативна. Он несомненно влиял или пытался влиять на мнение Романцева. В том числе в плане селекции. Привез совершенно непонятных белорусских и украинских футболистов, это, так сказать, его протеже. При том, что наши, истинно спартаковские ребята были еще в порядке, в самом соку. И ничем не оправданное желание Грозного проявить себя на рынке селекции приносило команде только немалый вред.

Меня и сейчас раздражает: посмотрите, сколько наших способных футболистов разбрелось по разным клубам, не счесть! Почему они у нас–то не приживаются?! Может, здесь какой–то меркантильный вопрос доминирует, давайте разбираться. Вот, например, Дзюба уходит в «Томь». Играет на загляденье, и вы его возвращаете. Тот же Прудников прилично смотрится в «Анжи», забивает, но почему–то опять в составе иной команды, а не «Спартака». Яковлев снова отдан «Крыльям», и снова там здорово выступает, заметен, забивает.

Леонид Федун в своих интервью неоднократно нахваливал юного Сашу Козлова, и было за что. А почему он не играет–то? Нынешнее руководство дождется: способные мальчишки могут просто уйти, им надоест сидеть на лавке. Иностранные тренеры? Но вы уж попробовали варягов в лице Скалы, Старкова, Лаудрупа.

Терпеть не могу диктата в своей творческой работе. Сам никогда не вторгаюсь в дела организационные, но и в мою кухню тоже лезть не стоит. Президент клуба платит мне деньги,

заказывает музыку. Но, простите, самому–то президенту эту музыку сочинять не надо — моя забота.

Дальнейшая судьба того же Романцева ярко показала, что он до мозга костей спартаковец. Когда Олег пошел сначала в Раменское, позднее в «Динамо». Отчетливо осознал, что не он хозяин в клубе, а кто–то другой… Это ему не «Спартак», где все близкое, родное и где он в состоянии решать едва ли не любые вопросы. Любопытно, только Давыдова на какое время вернули в «Зенит» в качестве главного, и почти сразу появились Быстров, Кержаков, то есть свои. Объявился Спаллетти, и — зазвучали фамилии Луковича, Лазовича, Кришито.

А то, что вкус у футбольных управленцев отсутствует, мы видим. Пожалуй, лишь приглашения в тот же «Спартак» Макгиди, Эменике действительно интересные. Остальные легионеры ничуть не лучше, порой хуже россиян. С ними, россиянами, необходимо работать, их, возможно, требуется учить, но им надо давать шанс. Где–то рисковать. Увы, не всякий рискнет своим насиженным местом — нет результата, тебя выгонят.

Я в свое время получил карт–бланш от президента клуба на омоложение команды. Было желание общее. И нынче, возможно, как никогда требуется волевое решение того же Леонида Федуна: играй со своими воспитанниками год, может быть, два, мы тебя не тронем. Доводи команду до ума, чтобы фундамент заложить для дальнейшего прогресса, успехов. Через некоторое время молодые, уверен, «выстрелят». Но никому не дают такой возможности. Потому тренеры исходят от сегодняшних суровых реалий.

Снова вернусь к временам, когда в «Спартаке» правил Романцев. Нет, уже не правил. Потому что внутри команды происходили странные ротации тренерского состава. Не он диктовал кому–то условия, а ему кто–то. Вот и все. В каких отношениях был Олег с Червиченко, кто фактически руководил клубом, брал футболистов, мы, видимо, никогда досконально не узнаем. Сложно очень. Раньше Романцев мог вызвать игрока, сказать: «Здорово выступаешь, перспективен, давай–ка мы пересмотрим условия контракта». В последние годы пребывания в «Спартаке» Романцева так вопросы наверняка не решались. А если и решались, то, скорее всего, совсем другими людьми — теми, кто непосредственно платил мастерам деньги.

Конечно, когда в «Спартаке», словно в калейдоскопе, менялись генеральные директора, президенты клубов, сами тренеры, многое пошло наперекосяк. Что сейчас говорить… Если клубом продолжал бы руководить Романцев, мы не ушли бы с правильного пути однозначно. И ротация наставников, если

требовалось, происходила бы по уму, а не с бухты–барахты. Просто непостижимо, откуда только взялись в этой роли Скала, Чернышов, Юран, потом еще Старков.

Бесспорно, 90-е стали крайне сложной эпохой в футболе, в том числе отразилось это и на судьбе моей родной команды. Убийство гендиректора Ларисы Нечаевой, налоговый скандал… Честно признаюсь: не могу оценивать многие моменты. Я полностью ушел от организационных дел, концентрировался исключительно на работе тренера. Абсолютно не кривлю душой, вообще не вмешивался в разборки, конфликты. Да, какие–то слухи витали вокруг команды. Но подробности, клянусь, не знаю. Чтобы знать, нужно располагать фактами, а документальной базы у меня нет и быть не могло. Это объективно.

Мы говорили с Олегом Ивановичем только о нюансах учебно–тренировочного процесса. Об игроках, которых приглашали или собирались приглашать. Я даже не участвовал напрямую в обсуждении вопросов селекции, мне это было ни к чему. Потому что практически все талантливые ребята оказались фактически под рукой, с ними подписывались контракты. Что касается кончины Ларисы Нечаевой… До сих пор здесь, насколько слышал, ничего до конца не ясно.

Безусловно, Романцев потерял свою империю, это ведь его клуб. А все мы после «великих потрясений», всякого рода пертурбаций потеряли, может быть, великого, даже в чем–то гениального тренера. Потеря, считаю, не только для «Спартака», отечественного футбола в целом. Видимо, ситуация до такой степени удручала Олега Ивановича, что он просто не хотел работать. Хотя знает и любит свою профессию.

Не исключаю, есть и вина, возможно, самого Романцева. Но вот в чем она, в какой степени, доли? Может, он слишком доверился окружению? Захотел заниматься чистым творчеством, только тренировать, а каждодневную, рутинную работу передоверил кому–то из тогдашних помощников? Давление даже самого влиятельного президента клуба на Романцева, как говорят, не «ложится». Как и на меня, кстати. Я такой же. Об этом я вам расскажу дальше, буквально в следующей главе.

Коллизии в «Динамо» и «Роторе»

Любопытно, когда я не работал еще с Николаем Александровичем Толстых, отношения с ним были едва ли не приятельскими, очень хорошими. Он в принципе умный, талантливый руководитель. Но, как только начали непосредственно, бок о бок с ним трудиться, сотрудничество превратилось в какой–то непостижимый диктат. А я, как вы уже давно поняли, всегда противник такой манеры общения между президентом клуба и тренером. Он запросто мог мне сказать: надо вот такой состав ставить. А почему я так или этак делаю?

«Динамо», к слову, на тот период времени представляло собой грозную силу. Я даже не сомневался, что мы благополучно выберемся из той ямы, в которой команда оказалась. Вернул из Испании Радимова, Писарев был в обойме, Головской, Гришин, Терехин, Ромащенко. Сразу скажу: нас буквально «разбомбила» неуступчивость, диктат Толстых. Его противостояние с Колосковым не позволило также выиграть Кубок страны. Нас просто «душили» административными мерами, судейским произволом.

В преддверии финала Кубка с «Зенитом» в Новороссийске «Динамо» вообще оставили без защитников, затерзали карточками. Удивительная закономерность прослеживалась: как только надвигались ответственные поединки, я оставался без ключевых игроков обороны.

И вот накануне финала, судя по всему, трения между Колосковым и Толстых достигли апогея. Вместо трех арбитров, ранее назначенных на решающую кубковую встречу — Ибрагимова, Хусаинова и Куличенкова, — назначают совсем другую бригаду. Случай почти из ряда вон, беспрецедентный. Понятно, зачем это делалось. Просто вместе с Толстых очень хотели буквально «затоптать» всю команду. Я не готов был терпеть всепоглощающее превосходство работодателя над тренером. Напротив, молодые наставники готовы подстраиваться, понимают: сегодня выгонят, дальше — куда?

Задачу — оставить «Динамо» в высшей лиге я решил. Однако по возвращении команды из Владикавказа в салоне самолета говорю Толстых: «Все, Коль, закончили. Больше не могу». И ушел.

И потом ко всем спартаковцам в стане извечных соперников относятся, откровенно говоря, с предубеждением. Что бы мы ни говорили и ни делали. «Он — не наш», и все тут. Подождите: оцените сначала профессиональные, человеческие качества. Посмотрите, как к этому тренеру относятся в самой команде. И

тогда делайте выводы. Кстати, с некоторыми игроками того «Динамо» я до сих пор встречаюсь, с удовольствием беседуем, делимся воспоминаниями. А Толстых в отношениях со мной явно не хватило гибкости, терпения.

О «Роторе» особая песня. Есть такая поговорка: «Когда не кормишь свою армию, будешь кормить чужую». Там я не видел ни зарплаты, ни премиальных. Тем не менее три–четыре месяца не покидал Волгоград. Хотелось показать ребятам: я с вами, не брошу, и никакой я не варяг. Готов работать на полную катушку. Там очень талантливая молодежь. В Волгограде, кроме «Ротора», функционировала еще очень неплохая школа «Олимпия», где играли в свое время Колодин, Середа, Адамов.

Разумеется, хотелось этих способных футболистов пригласить в главную команду города. Оказалось, невозможно! Представители данных клубов на таких «ножах»! В общем, там одна команда представляла интересы губернатора, другая — мэра. Конкуренция весьма нездоровая и достаточно жесткая, местного розлива. Горюнов даже и не заикался о переговорах по поводу возможного перехода игроков «Олимпии» в «Ротор». Я попал, можно сказать, между Сциллой и Харибдой. Понять сложно, что они хотели–то.

У вас наверняка вертится вопрос: зачем я туда отправился, если с зарплатой и премиальными напряженка, да еще настоящая война идет между местными клубами за сферы влияния? Но картину–то президент «Ротора» Горюнов обрисовал самую радужную! Что бюджет у клуба есть, зарплата, разумеется, предусмотрена. Поставил в известность, что уходят и приходят такие–то футболисты. Шмарко начал тренироваться, но вскоре зачем–то покинул команду. Нидергауса, Веретенникова тоже не стало в составе, а ведь это ведущие игроки, я на них очень рассчитывал. Ведь какие–то кирпичики в основании фундамента должны быть, иначе здание рухнет. Да и молодым всегда необходимы рядом в хорошем смысле «дядьки» — для оживляжа. Чтобы не скукожились. Словом, пребывал я почти в шоке от подобных «перемен».

Нечто странное происходило и на спортивной базе «Ротора». Я ее редко покидал. Как правило, поздно ложился: на ночь много читал. Вдруг слышу шум, гам. Не пойму, что и откуда. Дежурного спрашиваю: что случилось? «Это ребята приехали», — отвечает. Смотрю на часы: почти ночь глубокая. Ребятки резвились в столовой. Сидело человек пять. Едят, громко смеются, слава богу, не распивали алкоголь. Утром интересуюсь у Владимира Дмитриевича Горюнова: «Что у тебя здесь за порядки? Это спортивная база или нет?» Собираю команду, ставлю вопрос

ребром: если до одиннадцати вечера не успеваете вернуться на базу, разрешаю ночевать дома, в гостинице, где угодно. Но в одиннадцать никто сюда не войдет. «Георгий Александрович, у нас так не принято, — попенял мне Горюнов. — Ребята проголодались». Однако не в час же ночи на кухню спортбазы идти.

Потом не будем забывать, некоторые «странные» матчи проводились. Извините, я никогда в этих делах не участвовал. Если вижу, как народ «играет» и мой ведущий полузащитник из десяти навесов в штрафную девять бьет за ворота, что–то мне не очень нравится это. Видел, как, например, команда, забившая нам мяч, перестает играть, да и мы не очень сопротивляемся. Увы, ничего не могу доказать! Но противно. В то же время и превращать себя в дурака не позволю. Объяснения порой смешные: «не попал в игру». Честно скажу: даже и разговоров не затевал, никогда не вступал в перепалки, не участвовал в дрязгах. «То, что было в прошлом году, это не при мне, почему я должен хлебать», — говорил им. «Разбирайся сам», — бросил на прощание Горюнову. Забавно, именно Толстых с Горюновым дали мне самую лестную оценку, когда глава РФС Колосков позвал работать в национальную сборную. Но это еще не вся история о жизни в «Роторе»…

Уже рассказывал о, мягко говоря, недовыплатах. «Давайте хоть премиальные платить игрокам», — резонно замечаю Горюнову. «Ты, Георгий Александрович, работай, они мне верят», — отвечает. А яичко–то дорого в пасхальный день, так на Руси говорят. Должен с людей спрашивать за самоотдачу. Конечно, не мог бросить коллектив, начал же работать. Пружина имеет особенность сжиматься, затем стрелять. Похоже, Горюнов не совсем четко себе представлял опасность.

Ну, ладно я три месяца сидел без зарплаты. Семья не бедствовала. Жена Люба говорит: «Если и на мой день рождения не приедешь, тогда живи там». Вообще невольно сравнивал условия работы в родном мне «Спартаке», где все отрегулировано до мелочей, и теперь в «Роторе». Бывало, свет на базе по нескольку раз отключали. А воду доставляли, знаете, в таких военных бачках. Разве похоже сие на профессиональную команду?

Меня предупреждали, Прокопенко ушел, значит, в клубе ничего нет. Но мне–то совершенно иную картину обрисовали. Конечно, хороши ложки, тарелки с символикой футбольного клуба. Но для игрока куда важнее подчас, что в самой тарелке, а не ее антураж. В «Роторе» был футболист молодежной сборной. Три месяца болеет и болеет. Что с ним делать–то? Ходит, питается. «Играть–то будешь?» Молчок. «Или тренируешься, или

ищи другую команду, иного выбора нет. Врачи говорят — ты здоров».

Между прочим, в самом тренерском штабе трудились очень хорошие, порядочные люди, за исключением, пожалуй, одного–двух «гнилых». Всегда знал, что Володя Файззулин станет приличным тренером. Честный, трудолюбивый, способный парень. Мог положиться еще раньше на Колю Гонтаря, Серегу Никулина в «Динамо». В «Роторе» не сомневался в человеческих и профессиональных качествах Рохуса Шоха. Этим людям доверял, никогда не слышал от них негатива.

Кстати, «Ротор» тогда удачно стартовал в первенстве. Но потом выплаты вообще прекратились. Отчего, почему? Кто–то из футболистов, откровенно говоря, закис. И совсем уж непонятно мне, когда на фоне хронической задолженности приобретается за почти сумасшедшие деньги роскошный автомобиль одному из ведущих игроков. А команда при этом не получает зарплаты. Посыл руководителя клуба следующий: «Кто предан мне, тот и удостоится денег». Как подобные заявления расценивать?

Вопросов много возникало. Например, почему легионерам платили валютой, а российским игрокам рублями? Они живут, выступают в одной команде. Разве позволительно разбивать таким образом коллектив? Одним, можно сказать, нелепым, необдуманным движением, поступком. Ты этот состав собираешь, готовишь, — конечно, люди за разъяснениями шли ко мне, как к главному тренеру, своему наставнику. Тогда наступает период отрезвления: зачем мне это нужно? Я хочу создать интересный, конкурентоспособный коллектив, они, руководители, — не очень–то хотят. Почему больше всех, острее должен переживать Ярцев, а не кто–то еще?

Ко мне футболист обращается за помощью, иду к руководству, пытаясь решить вопросы. Оттуда — ни ответа, ни привета. Игрок это видит, чувствует. Ход мыслей прост: «Н-да, мной ты руководишь, а сам что можешь? Ничего». К великому сожалению, в нашем футболе не редкость, когда тренер вынужден вникать в организационные вопросы. Игрок же в обход наставника не пойдет к президенту. Если все–таки футболисты отважились на такой поступок, значит, тренер в их представлении уже ничто.

Помню, как Горюнов дважды в год продавал за границу Веретенникова. Олег звонил мне, просил: «Георгий Александрович, хочу вернуться…» Он — сугубо домашний человек, лидер клуба. Очень был нужен команде, молодым ребятам, остро нуждавшимся в совете таких игроков, как Олег. Куда там… А какие неплохие мастера со мной были: Виталий

Гришин, он до сих пор играет, Сергей Крамаренко стоял, Шемберас начал раскрываться, а с ним и Головской с Гусевым. Алдонин и Павлюченко тоже яркими личностями становились.

Безусловно, переживаю за молодых специалистов. Слежу за работой, например, Кобелева, нелегкий труд на себя взвалил, приняв «Крылья». Считаю самым перспективным из восходящих тренерских звездочек Игоря Колыванова. Успешно ведь трудился с юношеской, молодежной сборными. Но стоило ему в чем–то потерпеть неудачу, как остался без работы. И где он сейчас? Те же Ромащенко с Кечиновым, достаточно успешно начинавшие свой путь в «Томи». Однако стоило им «возникнуть» по каким–то неотложным вопросам, как все — идите, отдыхайте. Простите, но конъюнктурщикам, убежден я, нельзя в нашей профессии трудиться. А их, этих самых конъюнктурщиков, на самом деле полно.

В общем, поработал я в «Роторе» где–то полгода. Психологически давит на тренера ситуация, при которой ты не в состоянии решить многие безотлагательные вещи. Оставаться дальше — бессмысленно. Покинув Волгоград, вернулся в спартаковскую команду ветеранов, родную свою стихию. Бегал кроссы, тренировался. Пару лет ездил со спартаковцами по городам и весям с матчами, общался с простыми людьми, болельщиками. Пока не пригласили возглавить сборную.

Уход из «Ротора» не стал, конечно, трагедией, но и совсем уж бесследно не прошел. Переживал я. Во всяком случае, продолжал следить за ростом тех ребят, с которыми довелось там готовиться к баталиям. Никогда не сомневался, что игроками ведущих клубов станут Женя Алдонин, Рома Павлюченко. У Саши Беркетова тоже талант необыкновенный. Есипова я еще и в сборную приглашал, очень здорово выглядел. Помню, Олегу Романцеву сильно нравился Мишка Мысин, он у меня в шести турах первенства пятерку мячей «отгрузил» соперникам. Беззаветной храбрости парень, мощный, пробивной, сильный. Словом, приятные воспоминания о пребывании в городе на Волге, спору нет, остались.

Приглашение в сборную

В 2003 году, перед началом одного из матчей с участием «Спартака», у входа в вип–ложу встречаю президента РФС Вячеслава Ивановича Колоскова. Разговор сначала зашел о молодежной сборной. Поговорили и о перспективах нашей главной команды. Которая к тому времени, проиграв грузинам, почти утратила шансы пробиться в финальную стадию европейского первенства. Вдруг Колосков говорит: «А что, собственно, «молодежка»? Может, поработаешь с основной сборной?» Отвечаю: «Возможно, это подходящее предложение».

Признаюсь, было неожиданно. Потому что я после расставания с «Ротором» в командах мастеров не трудился и даже на тот момент не планировал возобновлять профессиональную работу. Вообще в составе ветеранского клуба числился, я вам уже рассказывал. Пребывал в свободном полете. «Если мы все вместе возьмемся, то шанс есть», — ответил я Колоскову. И все. На этом разговор тогда завершился. Судя по всему, Колосков взял короткую паузу, с кем–то советовался, чтобы окончательно решить. Не обошлось здесь и без поддержки моих друзей, среди них люди государственного значения, при должностях. Так, неоценимую помощь оказал тогдашний руководитель Госдумы России Борис Грызлов. Он дал понять, что сборная без внимания государства не останется.

«Есть ли все–таки шанс и возьмешься ли?» — переспрашивал, в свою очередь, шеф Российского футбольного союза. «Шанс имеется, но при одном условии: если дадите карт–бланш на приглашение тех игроков, которых посчитаю нужным позвать в команду», — говорю открытым текстом. То была не бравада, а суровые реалии.

Колосков, в чем я лично убедился, высокого европейского уровня чиновник. Что бы там о нем ни говорили. Ведь разное сообщалось о нем в прессе: что–то, видимо, на правду похоже, а что–то не очень. Но когда мне довелось пообщаться с рядом людей в европейском и мировом футболе, бросилось в глаза: авторитет Колоскова высок, его уважают.

Во время первых сборов назвал состав, в него вошли и многие, казалось, уже списанные предыдущими наставниками игроки. Некоторых даже, если помните, проводили на «заслуженный отдых». Среди них — Онопко, Мостовой, Аленичев, Гусев, Радимов, Есипов… Из новобранцев Булыкина позвал, Алдонина.

До сих пор иногда спрашивают: зачем Булыкина пригласил?

Потому что Димка проводил тогда очень хороший сезон в «Динамо». Всегда ведь в футболе ценились могучие, таранного типа форварды. Сейчас тоже такие нападающие востребованы. Пример? Вот Ибрагимовича брали в «Барселону», чтобы оказать мощное давление на оборону соперников. И получалось зачастую классно! Так что кандидатура Булыкина у меня сразу возникла.

Собственно, состав определился, куда важнее, чтобы они все приехали. Общался, к примеру, с Карпиным. Это был один из последних сезонов Валеры в Испании. Он хотел в клубе поиграть, и все. Карпин честно сказал: «Георгий Александрович, мне будет тяжеловато». И никаких между нами обид по сей день. Мостовой сразу откликнулся.

Форсаж пошел, впереди маячила Ирландия. Если ей проигрывали, все, шансов не оставалось. Хотя бы ничья позволяла дальше бороться. Ведь потом — матчи со Швейцарией и Грузией в Москве.

От начала подготовки к матчу с ирландцами и до ответного «стыкового» поединка в Уэльсе все работали в едином ритме. Могу только благодарить за подобную помощь руководство РФС во главе с Колосковым и Тукмановым. Весь штаб, а в его состав вошли еще Дасаев, Бородюк, Чугайнов, Васильков, Вотоловский, Зинченко, представители вспомогательных служб трудились как часы. Надо было только встретить игроков, проводить, объяснить. Абсолютно никаких накладок.

Для кого–то из мастеров приглашение в сборную явилось приятной неожиданностью. Сама по себе обстановка в преддверии встречи с ирландцами несколько напряженная царила. Это и понятно: слишком велика ответственность за результат. В то же время, что отрадно, в команде находились люди, с которыми работал прежде.

Если помните, все три матча начинались с пропущенных в наши ворота мячей. Но то, что это был коллектив, заряженный на победу, сомнений не вызывало. Чтобы лишний раз не отвлекаться на дела организационные, предложил кандидатуру Никиты Павловича Симоняна на должность начальника команды. С ним тоже полный контакт. Каждый член тренерского штаба — правильно или нет — высказывался по поводу конкретного занятия. И никого не ограничивал во мнениях и полномочиях, оценках происходящего. Потому и рад, что удалось собрать столь мощный кулак.

Думаю, здесь не последняя роль принадлежала Колоскову с Тукмановым. Не было с их стороны диктата на приглашение мною конкретных игроков. Не вмешивались они и в тактические нюансы той или иной предстоящей игры. В определение состава

на матчи тоже никто не вторгался. Словом, каждый из нас занимался своим делом.

Национальная сборная на тот момент, образно говоря, лежала в «гробу». Казалось, последний гвоздь забей, и все. Рисковал я? Конечно. Если бы не удалось осуществить задуманное, очередной тренер полетел бы из национальной команды. Все–таки пару–тройку дней я размышлял, прежде чем возглавить коллектив. И Колосков думал, он тоже рисковал.

Разумеется, кого–то из футболистов предыдущего созыва я не вызвал. И когда только пришел в сборную, сразу сказал: «Давайте не будем говорить о предыдущих ошибках. Только о позитиве. Сколько очков тот состав взял у соперников, столько и взял. И на этом завершим обсуждение».

Нужно было менять состав, больше ориентируясь на тех, кто хорошо знал меня. Сейчас приоткрою секрет: кто–то, может, поначалу и не очень рвался играть в сборной. Затаив предыдущие обиды, скажем, на Колоскова еще со времен, когда команду возглавлял Олег Романцев. Но одно точно знаю: все вызванные мною футболисты были очень целенаправлены на достижение положительного результата. Вот что важно: никто ни разу не опоздал на сборы, никаких организационных проблем не возникало и близко. Ну, многие знали мой характер, здесь шутки в сторону. И сам сознавал: в случае неудачи рискую всей своей репутацией, дальнейшей тренерской карьерой.

О друзьях и завистниках

Кстати, все так называемые «разборки» по сборной начались после домашней «стыковой» встречи с Уэльсом. Поле в Бору, на котором мы занимались прежде, осенью стало очень тяжелым. Наполовину водой заливалось. Дренаж, представьте, не работал. Стелили пенопласт, в него впитывались потоки влаги. И корытом выносили воду. Но все равно была потрясающая заряженность, такой нерв!

Признаться, никогда не слыл мягким человеком. В процессе тренировок, наверное, мог кого–то задеть, даже обидеть. «Напихать» уж сто процентов. Однако поймал себя на мысли: не имею претензий к игрокам. Как они здорово трудились, было заметно невооруженным глазом. Тренеры, врачи, обслуживающий персонал делали, повторюсь, все возможное для успеха в отборочном турнире.

Да, кто–то уже после первой игры под моим руководством лишился места в составе. Например, волнение не позволило тому же Есипову сыграть в полную силу, раскрыть свой богатый потенциал. Аленичев травмировался в матче с ирландцами. В целом все шло, до поры до времени, очень хорошо.

Это позднее стали делить славу. Зависть почему–то более явно стала проявляться после памятной многим встречи и беседы с Владимиром Владимировичем Путиным. Никогда, между прочим, одеяло на себя не тянул. Любому тренерскому успеху от души радовался, когда наши, к примеру, на первенство Европы или мира отправлялись. Мне, в свою очередь, приятно, что некоторые футболисты, дебютировавшие в той, моей еще сборной, продолжают до сих пор выступать. И в команде Хиддинка, завоевавшей «бронзу», целых семь мастеров сыграли образца 2004 года. А в общей сложности, человек пятнадцать тогда начинали восхождение в составе национальной команды.

Странно, но после успеха в матчах с Уэльсом отдельные личности — среди них мои давнишние знакомые, даже воспитанники — переходили на другую сторону улицы, завидев меня. Чтобы только не здороваться. На меня, правда, не сильно действовала подобная «демонстрация». Не то чтобы я толстокожий… Просто спокойно реагирую на подобные вещи. Правильно, друзья познаются не только в беде, но и даже в моменты славы, триумфа. В когорту друзей, по идее, должны входить и те, кто просто искренне радуется за тебя, умеет разделить успех.

Между прочим, по завершении отборочного цикла

премиальные поделили на всех игроков, которые, так или иначе, были причастны к выходу сборной в финальную стадию европейского первенства. И штаб Валерия Газзаева получил денег, и футболисты, сыгравшие под его руководством. Никто не был забыт. Составили ведомость, и все всем выплатили.

Подобные моменты не спонтанно родились, а обговаривались сразу по окончании ответной встречи с Уэльсом. Условия обсуждались мной, Колосковым и Тукмановым. Ведь без тех турнирных очков, завоеванных Газзаевым и его подопечными, понятно, мы вообще никуда не попали бы. Это представлялось утопией.

Единственное, пожалуй, недоразумение — многочисленные обиды представителей СМИ на мой отказ общаться с ними. Ну, с кем–то я уже встретился по окончании отборочного цикла, поговорил. Просто к тому времени устал. Например, звонят и говорят: «Георгий Александрович, приглашаем вас на «Огонек». — «Простите, на «Голубой огонек» меня уже пригласили». — «У нас — не голубой». — «Так вы определитесь, — говорю, — с огоньками». Я пошел тогда в программы на федеральных каналах, спортивные передачи. Должны и тренера понять. Не с утра до позднего вечера в СМИ выступать! Силы не беспредельны. Необходима пауза для отдыха. Да и не могу импровизировать в рамках одних и тех же событий, не клоун я! Повторяться же не хотелось.

Тяжелый момент — бромантан

Да, самым непростым, давившим на психику эпизодом стала история с этим треклятым бромантаном. К слову, почти на всех сборах, мною проводимых, никогда не царила «тишь, гладь и божья благодать». Неизменно вмешивались привходящие обстоятельства — травмы, применение какой–то фармакологии и так далее. Откровенно говоря, мне в какой–то период просто надоело прикрывать своей отнюдь не самой широкой грудью, скажу, так — ошибки клубов, из которых игроки призывались в сборную, их тренеров, врачей. Ничего, до конца выдержал сей пресс. До сих пор не могу назвать фамилии всех игроков, докторов, тренеров, подчас грешивших. Они ведь еще работают в футболе.

Вот «Спартак». Егор Титов, по–моему, и сегодня где–то и в чем–то обижается на доктора Василькова. Нет, дорогой мой, обижаться ты должен прежде всего на себя! И на своих докторов в команде. Звонил Андрей Червиченко из–за границы, интересовался, как дела. «У меня — неважно, у вас в клубе еще хуже, — отвечаю. — Ты, давай–ка, Андрей, возвращайся, будем разбираться».

Титов травмировался тогда, ноготь на пальце сходил. Требовалось просто небольшую операцию провести накануне матча с Ирландией. Когда мне объявили о результате допинг–контроля, я чуть со стула не упал. Даже предположить не мог. Оперативно приняли меры, чтобы Егора восстановить. Ведь все не просто так случилось! У нашего полузащитника не чистый бромантан обнаружили — остаточные явления. То, что его «зарядили» доктора команды, сто процентов. Титову не нужно было этого совсем. Он — игрок основного состава, стимуляторы не требовались. История–то грандиозная в «Спартаке», с удалением из клуба докторов, тренеров…

По большому счету мы могли силами федерации на полгода Титова дисквалифицировать. Если объявить об этом во всеуслышание. И если бы действительно объявили, то Егора «убрали» бы всего на полгода. Но кто понял бы нас? Тогда с Колосковым на эту тему подробно разговаривал. Я сказал: «Да мне болельщики «Спартака» никогда не простят такого». Сидят спартаковцы — Ярцев, Дасаев, Симонян, и что, «рубим» Титова?! Кто действительно понял бы, давайте отсюда исходить.

К слову, англичане того же Леса Фердинанда как бы сами сдали. Он–то всего полгода пропустил. Мы пошли по другому пути. Все–таки «вычистить» Титова, и мы его таки «вычистили».

Остаточные явления выскочили, когда фактически сборная решила задачу выхода на ЕВРО. Жеребьевка состоялась.

Не то слово — рассчитывал на Титова. Конечно, и на других ребят рассчитывал, но Егор–то являлся основным игроком, вопрос по нему не вставал. Какой замечательный сезон 1996 года провел, загляденье! Здесь бросили все силы, помощь всесторонняя была. И мы выдержали.

В начале 2004 года началась эта бодяга с бромантаном, Уэльс начал судиться с нами. Целый месяц пребывали в подвешенном состоянии. То ли едем в Португалию, то ли нет. Здесь, безусловно, неоценимую роль Колосков сыграл. Все–таки его вес, авторитет в УЕФА и ФИФА сказались. Да любые разговоры, когда он ездил в эти организации, могли сказаться. Вячеслав Иванович во весь рост встал на защиту сборной. В полной мере использовал рычаги влияния. Чтобы национальная команда отправилась в Португалию.

«Крутой» разговор в Тарасовке

Все–таки после нулевой ничьей с Уэльсом в Москве не все так радужно было. «Всегда и всюду ждут несовершенства, заранее заряженных хулой», — помню, слова эти принадлежат Александру Розенбауму. Вот и у нас так же. Никто после 0:0 в раздевалку сборной не заглянул. То после побед буквально не протолкнешься, то — никого. Один Александр Тукманов зашел, и то, видимо, для того, чтобы меня успокоить.

Вернулись в Тарасовку. Отдохнули. Вышли на тренировку. Почти все неправильно делаем. Не то что вальяжность, а некая опустошенность сквозила и витала. Настроения нет, огонька, задора. Терпеть не могу выражения «с горящими глазами». Ассоциируется у меня скорее с пациентами сумасшедшего дома, чем с нормальными людьми. В общем, чувствую, вижу, народ «сдутый».

Тогда даю свисток, собираю всех игроков в центре поля. Беседа нелицеприятная. Сказал буквально следующее: «Сейчас начинается тренировка. Тем, кто не верит в победу над Уэльсом, советую собрать сумки. И вместо футбольных ворот, куда мячи должны залетать после ваших ударов, — на выход, вон в те ворота, и — домой. Пусть я останусь с двенадцатью, даже одиннадцатью игроками. Но те, кто поедет, будут биться за победу. Все».

Когда мы уже прилетели на ответную «стыковую» встречу, многие заметили разительные перемены в наших футболистах, хотя бы чисто внешние. Улыбающиеся, готовые к суровой мужской игре люди. Я и рассчитывал, что тот разговор в Тарасовке как–то всколыхнет подопечных. Похоже, не ошибся.

Уже на предматчевой разминке почувствовал: футболисты готовы к испытаниям. Совсем не те люди, что были в Тарасовке: поникшие, опустошенные. Да все мои игроки в курсе: Ярцев «заводится» не просто так, а по делу. И, когда одержали победу над Уэльсом, радость ощущалась огромной.

Хотя обстановка перед ответной игрой, сама подготовка, как вы поняли, были очень даже непростыми. Когда живешь внутри команды, то чувствуешь многие моменты. Нельзя, к примеру, «перегнуть палку» в отношениях, нерв подготовки, по–моему, и так оказался запредельно высоким. Тот же Онопко по ходу игры на откровенную грубость футболиста хозяев лишь улыбнулся. То была реакция спокойного, уверенного в себе человека. Да, потеря двух таких классных защитников, как молодой тогда Игнашевич и опытный Онопко, накануне финальной стадии чемпионата

Европы оказалась невосполнимой…

Линия обороны, отправившаяся в Португалию, была практически новой. От прежнего защитного «бетона» остался разве что Вадик Евсеев. В последний момент вместо травмированных включены Шаронов, Бугаев, Анюков. Между прочим, тот же Рехаггель, считаю, выиграл чемпионат защитой. Многие наставники, подчас лучшие сборные мира от «печки» танцуют. И это правильно. Когда у тебя хорошее нападение, сыгранная полузащита, но проблемы в обороне, тоже много не сделаешь. Аксиома, мало кем опровергаемая.

Возвращаясь к отборочному турниру, могу сказать, что весь путь, как до встреч с Уэльсом, так и после, мы прошли без каких–либо эксцессов, битв, взаимных раздражений. Все вопросы решались, всем и все уплачено, все довольны. Для меня подобная атмосфера являлась главным моментом.

Первый матч сборной в 2004-м в Болгарии. К сожалению, мы все игры проводили в гостях. Очень просил, чтобы пару матчей сыграли дома. Это совсем другая подготовка. Вот на этом этапе, думаю, мы все несколько расслабились. Задачу выхода решили и как бы плыли по течению. Если товарищеские поединки играли бы дома, то удавалось бы собраться на более продолжительный срок. Очень важно. Сейчас слышу: Хиддинку, мол, дали слишком мало дней на подготовку. Подождите, ребята, а Романцеву с Ярцевым вы давали больше, что ли? Времени катастрофически не хватало.

Нервы, признаюсь, были на пределе. То едем в Швейцарию на сборы, то не едем. Выгнали нас или оставили из–за истории с бромантаном? Спокойствием не пахло. А требовалось уже посматривать за конкурентами по группе финальной стадии, готовиться. Следить за кандидатами. Может, кто–то новый появился бы, скажем, Измайлов. Он мне всегда нравился. Тем более когда у меня такие потери в защите, невольно задумаешься. Некоторые эксперты тогда сокрушались: и что это Ярцев никак не определится с составом, хотя тренеры других команд давно определились? Ребята, если была бы уверенность, как перед ответным матчем с Уэльсом, то и проблем не возникло бы, понимаете?

Итак, Болгария, жду, в частности, Мостового. Естественно, за тренерскую карьеру случались размолвки с игроками. Иногда расставались. Но договаривались: ты не льешь, и я молчу. Видите ли, всякая информация порой сродни лекарству для той же футбольной команды. Одно годится для внутреннего употребления, другое — для наружного, так ведь.

И вот Мостовой прилетает в Болгарию из Испании. Сразу

оговорюсь: Саша Мостовой — очень хороший, даже великолепный футболист. Никогда и не думал, что он способен, образно говоря, нож в спину воткнуть. Я, может быть, никогда не затронул бы эту тему, но коль скоро он открыл рот… Тогда получи и свою долю. По справедливости.

Сидим в холле гостиницы. Приходит Мостовой. Хромает. «Чего хромаешь–то?» — спрашиваю. «Травму получил, укольчик мне сделали», — молвил Саша. Откровенно говоря, меня в пот холодный бросило. Бромантановое дело на тот момент еще не разрешилось, и нате вам, не дай бог, возможное повторение истории.

Он, разумеется, сидит в теплой, сытой, спокойной Европе, далекой от потрясений. И, видимо, не в курсе, под какие «молотки» мы угодили. Фактически на грани: едем — не едем. «Подожди, а укол–то какой делали? Ты должен был записать». Если его берут на допинг–контроль и выясняется, элементы допинга есть… Тогда встает Дасаев, доктора сборной, начинают названивать в эту «Севилью». Кто там может быть в клубе после игрового дня? Конечно, никого нет.

А вдруг укол из списка запрещенных? В подобных случаях доктора вносят свою информацию в соответствующий протокол, и мы могли бы оповестить инстанции. При такой–то ситуации, если честно, хотел отправить его снова в Испанию, только кучу проблем нам привез. Но уже раньше обещал — он летит в Москву. «Саш, пожалуйста, аккуратнее, очень тебя прошу», — призывал я ведущего хавбека.

Интервью «Версии»

Теперь ненадолго прерву рассказ о моих взаимоотношениях с Мостовым, продолжение непременно последует. Хотел предложить вашему вниманию текст интервью, которое я дал журналисту популярного издания «Версия» как раз накануне финальной стадии европейского первенства в Португалии. Почти не сомневаюсь, оно вас заинтересует.

«— Что вас больше всего волнует в преддверии европейского первенства? Все ли проблемы сборной решены?

— Видимо, я не первый из тренеров национальной команды, который столкнется с проблемой разной физической формы игроков на завершающей стадии подготовки к чемпионату Европы. Скажем, футболисты «Локомотива» уже давно в тонусе: они раньше всех начали сезон, сыграв в Лиге чемпионов. Армейские сборники схлестнулись со «Спартаком» за Суперкубок, да и вообще сезон в России постепенно набирает ритм. А вот легионеры Мостовой, Аленичев, Смертин… Пока неясно, в каком состоянии они будут находиться. Хотя в их профессионализме у меня нет сомнений. Вызывает опасение и весьма ограниченный выбор защитников. К сожалению, в нашем первенстве засилье легионеров этого амплуа. В принципе, те футболисты, которые привлекаются в сборную, достаточно квалифицированны, но их выбор, повторяю, очень невелик.

— Действительно, в команде по–прежнему остается великовозрастный Виктор Онопко. А ведь он не всегда блистал еще при ваших предшественниках. Так ли необходим он сборной?

— Знаете, Онопко есть Онопко. Первые же матчи внутреннего первенства показали, что Виктор в порядке. И вообще я никогда не заглядываю в паспорт игрока, ориентируясь исключительно на его сегодняшнюю форму. Пока к капитану команды у меня претензий нет.

— Вернемся к прошедшему отборочному турниру. У многих складывается впечатление, что наша сборная, в отличие от сильнейших команд Старого Света, не столько играет, сколько мучается на поле. Реально ли нам с таким багажом претендовать на что–то серьезное?

— Но почему же мы так уничижительно относимся к своим игрокам, к нашему футболу?! Я именно на это болезненно реагирую. Мы еще не успели ввязаться в борьбу, а уже говорим по инерции, что угодили в «группу смерти». Конечно, у нас сильная, «играющая» группа: Португалия, Испания. Греция. Серьезные соперники. Но, может, хватит истерики, господа? Давайте,

наконец, порадуемся самому факту выхода в Европу.

— Восторги уже были. Быть может, пора спокойно осмыслить игру сборной? Ведь, объективно говоря, она была не слишком яркой даже в конце отборочного цикла, хотя определенные подвижки к лучшему, безусловно, произошли. Вот вы согласны, например, что оба матча с Уэльсом не впечатлили?

— Вы вспомните, какие удары нанесли Булыкин с Лоськовым в первой игре! Забей ребята — и та встреча по–другому бы сложилась, это всем ясно. Мы весь матч доминировали, с этим тоже трудно спорить. Рисунок был полновесным, а не «лоскутным», что очень важно для нас. Конечно, я недоволен результатом, но не игрой. Мы прилично играли, любой непредвзятый человек вам скажет.

— Хорошо, тогда как вам удалось радикально перестроить игру сборной за короткий срок руководства национальной командой?

— Не секрет, что на первые же матчи с Ирландией и Швейцарией я вызвал футболистов, хорошо и быстро меня понимавших, например, Алдонина, Игнашевича. Мостовой сразу, без запинки, откликнулся. Вернулись в команду Титов с Радимовым, Есипов, Аленичев. Евсеев стал регулярно играть. Булыкин перестал сидеть на скамейке запасных. При этом вряд ли кто упрекнет меня в ангажированности, какой–либо клубной привязанности. Так ведь? Кстати, я совсем не нуждаюсь в дифирамбах, но ведь наша сборная перед выездом в Ирландию, извините, была уже почти списанной.

Так что я снова призываю: давайте порадуемся выходу в финальную часть первенства Европы. Между тем сейчас многие «доброжелатели» говорят и пишут: дескать, у Ярцева нет абсолютно никакого опыта матчей на подобном уровне, он никогда не возил сборную на чемпионаты Европы, мира. Но кто, простите, возил, за исключением Олега Романцева? Да никто! А еще твердят на каждом углу: Ярцев, мол, все равно ничего не терял, потому у него и получилось. Такое могут утверждать люди недалекие: я действительно два года не работал в качестве тренера, а, значит, потерпи сборная фиаско, на моей репутации был бы поставлен жирный крест. Ясно, как божий день.

— А вы не считаете, что многие скептически оценивают шансы вашей команды из–за того, что в финальных стадиях крупных турниров Россию доселе поджидали исключительно провалы?

— Причины прежних провалов российской сборной, на мой взгляд, абсолютно не футбольные. Тогдашние команды были хорошо тренированны, в составах хватало техничных,

квалифицированных мастеров. Они разваливались из–за внутренних дрязг на финансовой почве — одна забастовка следовала за другой… Но теперь так получилось, что складывавшаяся провальная ситуация в недавнем отборочном турнире консолидировала всех: футболистов, тренеров, руководителей нашей федерации. Она заставила посмотреть на проблемы с разных позиций. И быстро принимать оптимальные решения.

По моему стойкому убеждению, в сборной не должно быть альтруистов, но на первом же собрании я попросил ребят определиться, как говорят, на берегу. Если кто–то приехал к нам с давнишней обидой, с одним лишь желанием заработать, пусть сразу заявит о своих намерениях, распахнет душу. Мы готовы были выслушать всех. Ну, а финансовую сторону дела я обсуждал с главой Российского футбольного союза Вячеславом Колосковым и генеральным директором Александром Тукмановым. Все вопросы мы проработали досконально. Премиальные получили, в том числе, и прежние тренеры — Газзаев, Шевчук, их подопечные. Разумеется, и мои ребята в этом смысле не забыты.

Вообще денежный вопрос не муссировался ни внутри коллектива, ни в печати — это не может не радовать. А все потому, что основные аспекты заранее обговаривались. Команда оказалась единой, как никогда, вот мы и «выстрелили». Кстати, никаких астрономических сумм за выход в финальную часть чемпионата Европы заплачено не было. Те, кто знает меня достаточно хорошо, убедились: я никогда не ставил деньги во главу угла. И хватит об этом!

— Тогда вернемся к чистому футболу. Многим не совсем ясно, за счет чего вы собираетесь обыгрывать именитые сборные Испании, Португалии? Под вашим руководством сборная неизменно выступала с одним форвардом, что сегодня почти анахронизм…

— Хотел бы вам напомнить, что в гостевом матче против Уэльса мы действительно вышли с одним нападающим, а забил у нас защитник Евсеев. Так что ничего криминального в игре с одним форвардом я не вижу. К тому же, извините, как, например, расценивать действия Титова, если под ним располагаются Смертин, Гусев, Аленичев? В данном случае Егора вряд ли можно назвать нападающим. Но в том–то и дело, что многие из нас никак не могут избавиться от стереотипов.

— И все–таки, довольно сложно представить себе Титова форвардом…

— Знаете, что самое трудное для любого современного тренера? Уметь предвидеть, откуда нанесут укол. Группа атаки в

нынешнем футболе может состоять из игроков различных амплуа. Посмотрите на «Реал»: что, Роналдо и Рауль — чистые нападающие?

— Роналдо безусловно.

— На мой взгляд, не совсем так, если внимательно наблюдать за его расположением и перемещениями во время матча. А Рауль так и вовсе начинает многие комбинации из глубины поля. При этом он так же результативен, как и его бразильский партнер. Часто слышу: у тебя есть два реактивных форварда — Кержаков и Сычев, почему, мол, не используешь их вместе? Конечно, «внизу» они способны опередить и обыграть кого угодно, вот только «наверху» в борьбе с высоченными защитниками не так убедительны, как хотелось.

Вот если нам удастся вытянуть соперников на себя, только тогда дуэт будет эффективен. О Мостовом мне, кстати, нелестные отзывы приходилось слышать: он–де не играл против Уэльса, и кому–то из журналистов, некоторых специалистов это показалось благом. Говорят, командные скорости без Александра резко возросли. Но ведь и суеты стало куда больше! С нашим опытным полузащитником удается поддерживать ту самую аритмию, которая необходима в матчах высокого уровня. Саша умеет воплотить любые тренерские задумки — за счет мастерства, опыта, непререкаемого авторитета. Ну, вот, я вам почти все тактические хитрости раскрыл…

— Но, согласитесь, одной лишь тактикой тех же испанцев не удивишь: они сами по этой части мастера. А в технике и артистизме, без которых успехи на таком уровне немыслимы, они выше россиян на голову. Какое здесь может быть противоядие?

— Вы опять за свое… Ну, почему мы изначально должны быть хуже? Россия тоже вышла в финальную стадию. Так что как минимум мои ребята не слабее. Вот скажите, разве кто–то сомневался в уровне мастерства титулованной французской сборной? Вряд ли. А она возьми да проиграй вчистую первенство мира, не забив при этом ни одного мяча! Мое тренерское кредо — настраиваться на конкретную игру. Вот стартовый поединок у нас с испанцами, и я сейчас тщательно изучаю только их.

А вообще я очень хочу, чтобы ярко проявили себя в Португалии наши молодые футболисты. Нужно, чтобы они поварились в этой европейской каше: поверьте, они к этому уже готовы — едут в Португалию не только на грандов посмотреть, но и себя показать. Обсуждать сейчас, какая из команд техничнее и так далее, по–моему, просто несерьезно.

— Ладно, давайте о другом. Чем вы, например, можете объяснить феномен капитана «Динамо» Дмитрия Булыкина? В

клубе он минувший чемпионат провел ни шатко ни валко, а в сборной раскрылся весьма ярко. Нет ли опасений, что при таком отношении к самой игре во внутреннем первенстве Булыкин утратит кондиции? К тому же очень не вовремя случилась его дисквалификация в чемпионате…

— Если Дима утратит форму, то сразу лишится места в национальной команде. Аналогичные требования у меня ко всем, без исключения, игрокам. А вообще не совсем этично вмешиваться во внутренние дела клуба, в котором выступает Булыкин. Но, возможно, те функции, которые ему там предлагают, не всегда подходят этому нападающему. Я, например, с недоумением наблюдал в прошлом сезоне, как Дима зачем–то постоянно отходил назад, помогая защитникам. Хотя ясно было, что соперник не мог переиграть динамовцев «наверху». Так что силы форвард тратил, по сути, впустую.

А разве не сказались на состоянии Булыкина безвольные матчи его команды — «Динамо» — то, по большому счету, не играло на финише прошлого чемпионата! В сборной же Булыкин использовался по–разному, исходя из тактических соображений и возможностей соперников. Скажем, в гостевом матче против ирландцев Дима часто прибегал в оборону, помогая команде отражать навесы соперников со стандартных положений, в исполнении которых хозяева поля особенно сильны. А вот во встрече с Грузией его помощь защитникам уже не требовалась, равно как и в обоих поединках с Уэльсом.

— Говорят, вы весьма болезненно восприняли годичную дисквалификацию Егора Титова. Однако специалисты сходятся во мнении, что она скорее ударила по клубу, нежели сборной. Вы с этим согласны?

— Интересно, кто и где установил эти самые весы? Меньше, больше… Имея в распоряжении Титова, мы могли бы в центре поля любую комбинацию закрутить. Любую, понимаете?! И вообще я не скрываю, что Егор — один из любимых моих игроков. Умный, техничный, тонкий, способный воспринимать то, что я хотел бы увидеть. Лично для меня его дисквалификация — очень чувствительный удар.

— Многие болельщики не понимают, почему в сборной не находится места капитану ЦСКА Сергею Семаку. В Португалию, судя по всему, сборная улетит без него.

— Отвечу откровенно: на мой взгляд, молодые игроки, как, например, Сычев, Аршавин, Кержаков, смотрятся интереснее Семака — и по движению на поле, и в плане технической оснащенности. Поэтому перечисленным ребятам отдается предпочтение.

— А готовы ли морально к тотальной критике в том случае, если команда потерпит в Португалии фиаско?

— Знаете, к этому невозможно специально готовиться. Я могу назвать вам с десяток журналистов, которые до начала чемпионата мира чуть ли не целовались с Романцевым, а позже с упоением его «топтали» в печати, на телевидении, радио.

Надо просто осознавать, что в случае поражения тебя заклюют. Вот и все… Но, в конце концов, я знал, на что шел. Посмотрим, окажемся ли мы на чемпионате Европы состоятельными. Или по его окончании нам будут плевать вслед».

Была в том интервью и пара–тройка вопросов о любимом «Спартаке». Ведь к рассказу о клубе я еще неоднократно вернусь. Вот о чем тогда поспрашивал меня журналист.

«— В преддверии нового сезона (2004 года. — *Прим. ред.*) витали слухи о возможном приглашении Ярцева в «Спартак». Вас звали туда?

— Речь шла о том, чтобы помочь молодому тренеру — Андрею Чернышову. При этом у меня были бы весьма специфические и во многом ограниченные возможности. Я дал понять: это неприемлемо. К тому же во время переговоров я стоял на том, чтобы вернуть в команду спартаковцев, выступающих в других клубах. Почему такие мастера, как Андрей Тихонов, Валерий Кечинов, Максим Бузникин, Эдуард Мор, Александр Ширко, Вадим Евсеев, Александр Филимонов, Руслан Нигматуллин, должны играть не в «Спартаке», а в других командах?

В «Спартак», по моему глубокому убеждению, и приходить надо со спартаковцами. Еще — с тренерским штабом единомышленников, понимающих и любящих спартаковский стиль игры.

— А какие доводы «против» озвучили нынешние руководители «красно–белых»?

— Вы же видите, они выбрали иной путь. В итоге «Спартак», по–моему, катастрофически теряет свое лицо. Нынче по манере игры команду не отличить от других. Это самое страшное. Наш клуб нельзя обезличивать!

— Значит, вы не очень верите, что в ближайшее время команда возродится и станет демонстрировать убедительный, красивый футбол? Как прежде…

— Был бы только рад увидеть новое симпатичное лицо «Спартака». Но старое не дает покоя. Ни мне, ни болельщикам, которые дотошно расспрашивают при встрече, что же происходит с их любимой командой? Им тоже кажется, что они безвозвратно ее теряют».

Правда о том, почему разошлись с Мостовым

А теперь вернемся непосредственно к чемпионату Европы, к нашей сборной, в составе которой был, разумеется, и Мостовой. Опять же замечу, проблем с ним вообще не было, что касается, например, тренировок. Его уровень мастерства позволял выполнять любое упражнение, причем легко, непринужденно.

И вот по окончании стартового поединка с Испанией узнаю, что какое–то интервью Мостового вышло. Он жил в соседнем со мной номере вместе с Димой Аленичевым. Дима, разумеется, хорошо знал футбол португальский, Мостовой, соответственно, испанский. Я непосредственно с ними и общался.

Каково было мое удивление, когда принесли текст этого интервью. Подоплека следующая: мол, нас, игроков, загоняли, и то не так, и это. Мне сразу вспомнился чемпионат Европы в Англии; конечно, насторожил подобный выпад. Такой же чемпионат мира провел Мостовой в Японии и Корее, подставив Романцева. Приехал, не сыграв ни одного матча. Между прочим, Александр получил премиальные, которых удостоились ведущие игроки сборной, хотя в победной «стыковой» встрече с Уэльсом опять же не выступал. Спрашивается, почему ты идешь человеку навстречу, а он садится на шею? Я сказал буквально следующее: «Олег Иванович тебя терпел, а я не стану».

Но я сказал эту фразу не сразу, не сгоряча, а спустя пару дней. Он утром выходит — есть свидетели — Дасаев, Аленичев, — говорю ему: «Саш, ты там какое–то интервью дал. Читай его внимательно, я уже вот прочитал». Думаю, Мостовому в определенный момент требовалось лишь встать перед командой, сказать, типа: ребят, погорячился, наверное, не прав. А ведь многие читали, просто не хотели волну поднимать. Понимая, что, может, я где–то начну защищать этого игрока. Чего отнюдь не было и не могло быть.

Затем один разбор игры, другой. Вечерняя тренировка. Кстати, игру с Испанией он провел до такой степени безобразно… Ему, напротив, как раз нужно было провести игру против испанцев нормально, замечательно продолжил бы свою карьеру. Из России тоже приезжали к нему представители сразу трех отечественных клубов, вели предметные переговоры.

Забегая вперед, скажу: когда люди увидели, что даже Ярцев не выдержал его выходок, отказался от услуг полузащитника, то никто никуда не позвал Мостового. Ни динамовцы, ни те же

спартаковцы, насколько знаю.

Когда пришел пообщаться, не ругался с ним, честно говорю. Положил перед ним то интервью. «Если недоволен тренировками и команда наша — «мальчики для битья», собирайся, поезжай–ка домой. Хочешь, автобусом в Испанию отправим, хочешь — в Москву добирайся». Вот здесь–то его жадность, крохоборство и проявились. «Я у вас тут на сборах десять дней нахожусь, — сказал он. — Мне суточные положены?» Это заявил человек, отнюдь, как вы понимаете, не самый бедный из россиян. Которого РФС брал на полное обеспечение — с питанием, проживанием, одеванием, извините. Еще — перелеты с переездами. На некоторые товарищеские матчи приезжал — да лучше бы не приезжал в таком–то состоянии. Человек до невероятной степени расслабленный и посчитавший себя при этом незаменимым…

Я тогда не постеснялся ответить ему: «Деньги твои лежали, образно говоря, на футбольном поле. Там, в матче с Испанией. И тот клуб, представители которого готовы были заключить с тобой контракт, повернулись и ушли. Потому, что ты не играл, а ползал по газону. А здесь пришел суточные выбивать. На поле же не захотел за большие деньги биться. Все, поезжай, пока».

Вот читаю у Колоскова: Ярцев задергался. Ничего я не задергался. Решение принял не спонтанно. Мало того, руководителем делегации на чемпионате Европы был Колосков. И что, я с ним разве не советовался? Советовался. Решали коллегиально. Простите, я что, на свои средства Мостового должен был отправлять? И билет — опять же не за его деньги купили. Конечно, лучше всю ответственность переложить на меня. Хотя, да, это, прежде всего, я решал. «Но это твой поступок», — заявил тогда Колосков.

Ничуть не жалею о том поступке. Может быть, с позиции времени и засомневался бы, но нет. Когда вижу, что друзья Мостового занимают определенные посты в футболе, а его почему–то в свою компанию не берут, это говорит о многом. Кстати, копнул лишь малую часть айсберга. Как–то мы через некоторое время встретились: «Привет, писатель!» — кричу Мостовому. Он на тот момент выпустил свою книгу. Я уже рассказывал, как Романцев в свое время позвал меня в «Красную Пресню», позднее вернул и в «Спартак». Но как же так, думаю, вот твой товарищ руководит нынче юношеским футболом, а в соратники тебя, Мостового, не приглашает.

Так, ездит по разным шоу, иногда экспертом выступает. Подчас прорывается у Саши: «Я поработал бы». Но никто, однако, не берет. Важны не только сугубо футбольные качества, но и человеческие. Он же сдал, к примеру, своих друзей, когда кто–то

из них отказывался лететь на мировое первенство в Америку. Сам отправился, хотя тогда пребывал в компании «отказников».

Иногда встречаемся, общаемся, какие–то углы, безусловно, уже сгладились. Но, коль скоро ты открыл рот, теперь прочисти уши. Слушай, читай, что о тебе говорит представитель другой стороны. Вот и все. Компромисс? Тогда это было невозможно. К слову, я раньше не обратил внимания еще на одно интервью Мостового, подтекст такой: нервные все какие–то. Вразумительной игры в преддверии ЕВРО Александр, между прочим, не демонстрировал. Но, отдавая себе отчет, какой у Мостового опыт, какого уровня он игрок, не трогал его. А может, с самого начала стоило резко «рубить»? Глядишь, избежали бы эксцесса по ходу непосредственно европейского первенства. Когда к тебе все время лояльно относятся, то, видимо, невольно проникаешься ощущением собственного величия, «неприкасаемости». Я считал, что в той ситуации нельзя «закручивать гайки», видимо, ошибался.

Компромисс, повторюсь, был невозможен. В тот момент стоял стеной, и никто бы меня не свернул. Оставить его в команде, не ставить на игру? Ко мне тогда подошел Леша Смертин, очень порядочный, честный парень: «Георгий Александрович, может, не стоило так? Ведь сколько на вас сейчас выльется». — «Ничего, Лешенька, я выдержу». Когда решение об отчислении Мостового приняли, уезжали играть против португальцев в другой город.

Что могло изменить то мое решение по Мостовому? Реакция коллектива. Никто не пришел просить за него. Никто. Знаете пословицу: «Не делай добра, не получишь зла». Когда ты делаешь человеку добро, то, разумеется, ждешь от него аналогичных действий. Мостовой в своем «знаменитом» интервью еще и команду полил. Типа «зря мы сюда приехали, нам ничего не светит», и так далее. Подожди, дружок, две игры впереди, могло многое перемениться.

Ведь на сторону Мостового встают люди, не читавшие этого интервью. А вы его сначала прочитайте, затем оцените. Ладно бы до чемпионата Европы еще месяц, предположим, оставался. Можно было попытаться нивелировать, сгладить. Найти точки соприкосновения. Но это же чемпионат Европы, сроки крайне сжатые, нервы на пределе. Еще в какой тяжелой ситуации нахожусь, потеряв практически всех защитников. И вот этот удар! Извините, я не толстовец, чтоб вторую щеку подставлять. Конечно, мог бы задуматься: столько, как сказал Леша Смертин, дерьма выльют. Сидел бы себе на лавке Мостовой, он, наверное, не очень мешал бы. Но надо было показать ему, что так себя не ведут!

У Валерия Газзаева как–то спросили по поводу ситуации вокруг Мостового. «Со мной бы такое не произошло», — прокомментировал тогда Валера. «А почему?» — «Потому, что Мостового просто не было бы в сборной». Ответ очень простой. Видите ли, в подобных вещах нужно научиться «резать по живому». Чтобы здоровый коллектив оставался и ты не переживал за тылы. Мостовой мог на меня плохо действовать, я, возможно, неверные решения принимал бы по ходу матчей…

Прекрасно я понимал, что не дадут нам выиграть у португальцев. Ни при каких обстоятельствах. Ведь там, напомню, следующая ситуация была. Греки выиграли в стартовом матче у хозяев. И фактически остальные три команды бились теперь за одно только место, это ясно. Дальнейшие события лишь подтвердили ход моих мыслей: русских буквально валили. Удаление Сергея Овчинникова вообще не по делу.

Потерянное поколение?

И были ребята, ни в чем не уступавшие Мостовому. Радимов, Аленичев, Лоськов — умелые, мастеровитые футболисты. Что скрывать, лидерам почти всегда делаются поблажки. Потому что ни один тренер не станет рубить под собой сук. Но, когда у тебя есть такая связка, как Аленичев — Радимов, а матч против греков это показал, — бояться абсолютно нечего. Так что потеря Мостового, ну, никак не сказалась на потенциале сборной. На этой позиции и Титов рассматривался, он вообще котировался вне конкуренции. Скорее всего, связка Титов — Аленичев действовала бы, но вы знаете, какие события вмешались…

Тот же Радимов вернулся из Испании ко мне в «Динамо», мы с ним прекрасно ладили. Почему–то некоторые журналисты сделали из него высокомерного, вальяжного, едва ли не скандального игрока. На самом деле Владислав совсем другой человек — легко ранимый, например, хотя прятался от многих за этакой броней. Он очень переживал за товарищей, за свою игру. Мне с ним очень интересно было общаться, работать. Говорил уже, мне ближе по духу люди характерные. Правда, с некоторой оговоркой: если проявление характера не подчеркивает и не выпячивает излишнего себялюбия, нездорового самолюбия. Не возвышает тебя искусственно над другими ребятами. В Радимове никогда этого не наблюдал. Можно и даже нужно показывать мне свой характер. Я, в свою очередь, если требуется, должен убедить игрока в своей правоте, в том или ином видении футбола.

На память в данной связи приходит ярчайший пример с Вагизом Хидиятуллиным. Он же хотел, нет, даже рвался на позицию центрального полузащитника. И не без оснований — Вагиза влекла атака, у него там многое получалось. Однако Константин Иванович Бесков ставил его центральным защитником. Долго Вагиз упирался. Но, в конце–то концов, Хидиятуллин, на мой взгляд, стал одним из сильнейших игроков своего амплуа за всю историю отечественного футбола. Вот так. С этим не поспоришь. Сумел же Константин Иванович убедить тогда Вагиза, рассказать, объяснить, в хорошем смысле, заразить идеей.

И Валерий Васильевич Лобановский неизменно звал нашего спартаковца во все варианты своей сборной. О многом говорит столь убедительный пример профессионализма самого футболиста, тренеров.

Если вернуться к событиям в Португалии… «Физика» непосредственно там, конечно, присутствовала, но не была столь

высокой, как ее пытался представлять журналистам и болельщикам Мостовой. Моя манера подготовки всегда базировалась, прежде всего, на работе с мячом. Игроки–то умные, техничные, с комбинационной жилкой. Команда легкая, мобильная, «терки» никакой не требовалось. Увы, не удалось скомпоновать полноценную линию обороны по причинам, о которых я упоминал. Она, собственно, была, но из мастеров, объективно не нюхавших пороха крупнейших соревнований. Если бы не эти потери, почти не сомневаюсь, вполне могли выйти тогда из группы. Те же испанцы, к примеру, ничем особенным не впечатлили. Это отнюдь не та команда, блеснувшая четырьмя годами позже, представшая во всем блеске. Против них в Португалии имели опять же неплохие моменты. Выход один на один Аленичева, Измайлов мог забить. Мы же пропустили мяч из–за череды мелких ошибок, но пропустили–таки!

Самое главное, катастрофически не хватило тренировочного времени, специалисты легко меня поймут. Все время на нервах, будто в каком–то чертополохе пребываешь, товарищеские матчи неизменно на выезде. И, когда уже прилетели в Португалию, поздно, как говорят, пить боржоми. Целенаправленной подготовки к чемпионату Европы, надо признать, не получилось.

Конфликты игроков сборной с тренерами, увы, стали в какой–то период чуть ли не обязательным атрибутом в жизни национальной команды. Со знаком минус, конечно. Я вот как вижу ситуацию. В свое время за границу отправилась первая волна наших игроков, должен заметить, очень классных, среди них Дасаев, Хидиятуллин, например. А вот представители второй волны легионеров привезли «оттуда» неприемлемую, на мой взгляд, манеру поведения. Меня что коробило, настораживало? Их отношение к тренировочному процессу, режиму, которые им предлагали тот или иной наставник сборной. Им почти все не нравилось! Майки, бутсы, сборы, сами тренеры. В конце концов, это и привело к сбою в период подготовки к чемпионату мира 1994 года в Америке.

Будут они обижаться или нет, но игроки, не поехавшие тогда на мировое первенство, нанесли нашему футболу ощутимый вред. Потому что там вполне могли выступить достойно. И следующее поколение мастеров воспитывалось бы на их положительном примере, впитывало их опыт, ведь Россия только вступала в планетарную футбольную семью. Наверное, по–своему «отказники» были в чем–то правы. Но правота, извините, должна проявляться все–таки не в таких поступках…

Когда такое случалось, чтобы игроки поднимались против тренера, который и вывел–то их на чемпионат мира? Мало того,

за их спинами стояли люди, которые и подзуживали на бунт. Знаю наверняка, что среди этих людей не было Романцева. В какой–то степени понял бы этих «бунтарей», если бы они, предположим, выдвигали бы на пост «главного» именно Романцева. Почему? Да потому, что костяк той сборной составляли спартаковцы. Бывшие, нынешние, которые все–таки прошли школу Романцева.

Кстати, в советском футболе был прецедент, когда Лобановский сменил на посту Малофеева. В основу национальной команды входили киевляне. И то решение, возможно, было несправедливым по отношению лично к Эдуарду Васильевичу. Но верным посылом в сугубо футбольном смысле.

Применительно к ситуации 1994 года фамилия Романцева нигде и никогда не фигурировала. О таком варианте, насколько знаю, и не думал никто! Потому письмо «четырнадцати», или как его там, отдает, по–моему, этаким налетом грязи.

Знаете, еще в начале 90-х «Спартак» выезжал на гостевые матчи со своим питанием вплоть до хлеба и соли. В окаймленных железом ящиках везли едва ли не все: колбасу, масло, кефиры, другую всячину. Быт–то абсолютно неустроенный царил на периферии. Это сейчас некоторые города стали краше, сытнее, а тогда не до жиру.

Помню, приезжаем в Самару, в гостинице жили. Обедали мы в общем зале, ужинали в отдельных апартаментах. И вот идем на очередной ужин, а чуть впереди маячит внушительная фигура баскетболиста. Видимо, по инерции заглядывает в наш кабинет. Надо было видеть выражение лица бедного малого. Стол, заваленный деликатесами, привезенными опять же с собой, из столицы. Ему вежливо объяснили: «Вам, извините, не сюда». Да, и через это прошли футболисты, выступавшие на родине, в своем внутреннем чемпионате.

Так вот, легионеры благополучно миновали «терку» 90-х, становление футбола новейшего российского периода оказалось ведь очень непростым. И они же еще приезжали сюда с диктатом! Не понимал я и не намерен понимать такого отношения к своему футболу, сборной в том числе.

Кто–то мне однажды сказал: «Георгий Александрович, а стоит ли критиковать этих ребят? Ведь они, не исключено, займут ключевые, даже руководящие посты в футболе. И тогда вам припомнят словесные пассажи. И никуда вас, предположим, не возьмут». Признаться, никогда не опасался за свое будущее. Более того, моя жизнь ни в коем случае не будет зависеть от их мнений, желаний и прочего. Лучше я вообще отойду от дел футбольных, но от них зависеть не стану ни при каких обстоятельствах,

понятно?

Занимаюсь тем, чем нравится. К слову, иногда меня лучше не трогать. Не злопамятлив, но память хорошая. До сих пор. Как на добро, так и на поступки, не совместимые с моралью, честностью, справедливостью, благородством, наконец. Многих из тех, о ком идет речь, я выручал не просто от неприятностей — от бед великих. Так что «не буди лихо, пока оно тихо».

Меня это поколение чем неприятно удивляет? Своим неоправданным популизмом, более, чем странной рекламщиной. Люди буквально рвутся во всех программах поучаствовать, и там, и сям. А за душой–то часто никаких заслуг, хотя бы мало–мальских достижений. Ни опыта, ни знаний той же тренерской работы. Вот Валерий Карпин бросил фразу: да, не пойду, мол, в Высшую школу тренеров, я и так все знаю, не нужна она мне. Затем изменил свое мнение и через месяц после громкого заявления идет учиться. Это к тому, что прежде, чем что–то сказать, думать надо.

Смотрю, приехал человек, проигравший практически все, ну, никому не нужный. И вдруг — то в одной он передаче, то в другой. И все они эксперты, аналитики. Тогда я лучше в сторонку отойду от этих «аналитиков». Лучше стану говорить о том времени, когда школу футбольной и общечеловеческой педагогики возглавляли Николай Петрович Старостин, Константин Иванович Бесков, Сан Саныч Севидов, Валерий Васильевич Лобановский, Никита Павлович Симонян, другие великие специалисты и люди. Когда действительно великолепные тренеры были.

Неужели все это ушло? Нет, осталось! В какой–то необходимый, скажем, для меня момент словно из глубины души приходит. Читаю, например, давнишние отчеты, мнения уважаемых мной людей, их комментарии. И время будто оживает.

Меня что подвигло? Уже отчасти рассказывал: по окончании карьеры игрока в большом футболе мне посчастливилось не просто общаться, а выступать в легендарной команде ветеранов. Вместе с великими Нетто, Стрельцовым, Бубукиным, Ворониным, Шестерневым, Пшеничниковым, Батановым, другими футбольными легендами. И в той компании действительно выдающихся мастеров ни разу не довелось услышать от них обидных, неконструктивных, тем паче гневных реплик и мнений по поводу игры той или иной команды, конкретных футболистов. Всегда это было по–доброму, без налета злорадства, хотя эти люди, наверное, имели моральное право кого–то из действующих мастеров «полить» — по делу. И даже порой в крайне неудачных действиях клубов великие игроки прошлого умели находить

позитив, определенные плюсы.

Конечно, совсем уж без критики не обходилось, но, повторюсь, конструктив, доброжелательность в оценках, прежде всего, исходили от них. И работа тренеров обсуждалась разве что с позиции времени, опыта. Особая дружба связывала меня, не секрет, с Эдуардом Анатольевичем Стрельцовым, Альбертом Алексеевичем Шестерневым. Люди немногословные, но, бог мой, какое испытывал наслаждение даже помолчать рядом с ними!

Для меня то был своего рода огромный подарок судьбы — общаться с ними. Ведь втягиваться в повседневную жизнь после баталий большого футбола ох как непросто. Поведение, ненавязчивые оценки, душевность, сердечность, потрясающая человечность моих старших товарищей, конечно, откладывались во мне. Помогли тогда, отогрели. И я не то чтобы сглаживаю острые углы в рассуждениях о жизни футбольной. Просто стараюсь находить положительные моменты. Это самому приносит удовлетворение. Скорее веришь в какого–то человека. Согласитесь, посредственных игроков вряд ли народ обсуждает. Интерес–то представляют незаурядные, или, во всяком случае, способные футболисты, тренеры. У них в каких–то эпизодах может что–то не получаться. Но это же не повод огульно их хаять.

Пытались купить даже… водителя

Безусловно, после ЕВРО 2004 года критиков пришло видимо–невидимо. Чуть ли не каждый норовит уколоть. Тогда я сказал: за это место не держусь. Если считаете нужным поменять тренера — меняйте. Позднее, уже при Мутко, наставника, то есть меня, можно сказать, убрали на переправе. Говорю нынче обдуманно, не в сердцах, не потому, что это я. А потому, что так не делается… Умейте смотреть в будущее, господа управленцы! Ведь команда создавалась.

Был, как всегда, отчет федерации о проделанной работе, тренеры тоже отчитывались. Еще раз скажу, совсем не боялся за свое освобождение. Колосков занял тогда твердую позицию: Ярцев должен остаться и создавать новую национальную команду. Кстати, до предметного обсуждения на исполкоме РФС беседовал с Колосковым. Если меня оставляют в сборной, создаю коллектив, работаю. «Готов?» — поинтересовался Вячеслав Иванович. «Готов».

Когда проигрываешь, всегда есть почва для раздумий. Где, например, упущения были? В чем, может быть, кроется глобальная ошибка? Странные разговоры пришлось услышать. Говорят: третья игра тем же грекам не нужна была. Видите ли, ребята, так и хочется ответить, вы немножко не соображаете. Между прочим, по ходу поединка с греками, кроме двух забитых нами мячей, три–четыре стопроцентных момента было. И забей мы еще мячишко, герои Эллады отправились бы домой вместе с нами.

Но это так, к слову. А вообще, повторюсь, когда не добиваешься результата, необходимо причины искать прежде всего в себе. Любой проигранный матч, тем более турнир заставляет копаться в собственной голове, думать, искать ответы на поставленные футбольной жизнью вопросы. Если нормально, адекватно воспринимаешь ситуацию, должен начать с себя. Значит, не нашел верных решений. Одно дело, когда соперник сильнее твоей команды, в мастерстве превосходит. Тут уж ничего не сделаешь. А бывает всего одна ошибка, единственный пропущенный мяч, и ты проиграл.

Глубинные причины неудачи, я об этом уже упоминал, потеря ключевых игроков обороны. Однозначно. Опытных, сыгранных. Ведь пара Онопко — Игнашевич доказала свою состоятельность. Позднее я вернулся к сочетанию с братьями Березуцкими. Молодые, умелые, в составе ЦСКА закрепились, в Европе блеснули. Вывод напрашивался сам собой: сборной необходимо

омоложение. Как глоток свежего воздуха, требовались умелые, честолюбивые мастера. Собственно, пошел на данные эксперименты, особо даже не задумываясь, сознавая, что без назревших новаций не обойтись. К сожалению, начатую работу по модернизации команды не дали осуществить…

Между тем стартовали матчи отборочного турнира к чемпионату мира 2006 года. У нас не играл растерявший форму Булыкин, динамовцы Гусев, Радимов почему–то без практики оставались. Первый же матч в том отборочном цикле со словаками проводили на «Динамо». А там, в отличие от того же «Локомотива», покрытие не очень качественное.

Дело еще в том, что сменилось само руководство РФС. Виталий Мутко посчитал, что сборной должен руководить другой специалист. Мы с ним достаточно спокойно общались в его служебном кабинете.

Мною озвучивалась задача — привезти из турне Люксембург — Эстония шесть очков. Привезли только четыре. Тогда в РФС решили менять тренера. Ну, дали бы доработать до конца контракта, он же рассчитывался на весь отборочный цикл к мировому первенству. Правильно говорят, «цыплят по осени считают», как и турнирные очки. К сожалению, отставка моя ни к чему не привела, никуда ведь не попали.

Кстати, абсолютно ничего страшного тогда не случилось. Из пяти матчей четыре провели в гостях. Почти все остальные поединки игрались в Москве. И ничего еще не теряли, шансы поехать в Германию на мировое первенство реальные. Но в кабинете Мутко уже говорили о моей отставке. «Результата нет, из шести очков только четыре», — констатировали в РФС.

Не скажу, что наступило облегчение. Но этот каждодневный груз ответственности, который постоянно на меня давил, вдруг ушел. С одной стороны, разочарование, с другой — облегчение. Наконец–то все отстали, и я могу пожить своей жизнью. Некоторые люди, по–моему, не понимают или не хотят понять многих вещей, подчас элементарных. Считают, например, вот эти мои слова чуть ли не кокетством. Мол, люди его–де утомили.

Но, простите, когда тебя ловят у подъезда дома, на выходе из машины… Дошло до того, что моего водителя пытались подкупить. Дескать, готовы тебе платить, только информацию о Ярцеве нам сливай. Как это?! А мало ли куда я пойду? Хорошо еще, что со мной работали исключительно порядочные ребята, никогда не подводили, тем паче не продавали меня. «Георгий Александрович, с трудом отбиваюсь, деньги уже предлагают», — как–то ошарашил тирадой водитель. «Хорошие деньги?» — «Хорошие». — «Так сливай «левую» информацию и получай свой

гонорар, все тебя учить надо», — отшучивался я. На самом деле не до шуток было в столь очевидной охоте за тренером сборной. Окажись на месте моего честного, замечательного водителя совсем другой человек, такую бы чушь опубликовали, что «мама, не горюй». Вот такие истории случались. Так что совсем мне не до кокетства, рисовки и тому подобного.

Это смахивало на предательство

Но, прежде чем мне уйти из сборной, еще немало любопытных событий произошло. Те, что остались за кадром для миллионов поклонников футбола. Конечно, о некоторых вещах могу говорить лишь с изрядной долей осторожности, предположений. Скажем, матч с эстонской командой складывался так, что проиграть вроде мы не должны, но и не очень–то, сложилось впечатление, победить стремились. Между прочим, та ничейная в итоговом исполнении встреча и повлекла смену главного тренера.

Об этом «впечатлении» говорили не то чтобы за спиной, а почти открыто. Что футболисты таким образом хотели меня сплавить. И говорили–то уже после матча, когда определенное время прошло. Тогда подходили весьма серьезные люди: «Мы смотрели тот матч…»

Я даже, откровенно говоря, не обиделся совсем, и чувство раздражения не посетило. Почему? Да потому, что в тренерском штабе — уверен в этом — не оказалось ни одного «подозрительного» специалиста, который засомневался бы в составе. В противном случае и в подобной ситуации могли запросто влить в уши главному тренеру: «А не хотят ли они нас утопить?» Чтобы пришел другой наставник, с которым игрокам проще, может быть, комфортнее работать. Никто в моем штабе такого и близко не произносил, да и не мог, наверное, произнести. Видимо, предпосылок не было. Однако часть игроков, получается, могла все же предать…

Случались по ходу той встречи с Эстонией эпизоды, вызывавшие, мягко говоря, чувство удивления, что ли. Мы договаривались с футболистами об одном сценарии, а выходило совсем иначе. Даже при исполнении стандартов мяч почти неизменно летел в другую сторону. После слов тех самых серьезных своих знакомых я позднее этот матч, естественно, пересматривал.

Корю себя за одно. На встречу с Эстонией состав мною был определен заранее. В основном из молодых, честолюбивых ребят, готовых себя ярко проявить. Ветераны, к слову, не очень убедительно провели предыдущий матч с Люксембургом, хотя мы там и победили. Искренне захотелось дать им еще шанс. Разумеется, если я предполагал бы такой расклад, состав выставил бы иной. Отказывался я понимать, почему, например, Вадик Евсеев по ходу матча с Люксембургом упорно напрашивался на вторую желтую карточку. Зачем, почему он так

действовал? Прекрасно же знал, что второй «горчичник» автоматически повлечет за собой дисквалификацию на следующий поединок против эстонцев. Можно по–разному расценить его поведение, манеру действий. Предупреждение схлопотал и Женя Алдонин, на которого я тоже очень рассчитывал. Тут можно делать много предположений…

Сами футболисты могут следующим образом отреагировать: да ну, тренер неправильно состав поставил. Он свои же ошибки на нас перекладывает. И, вероятно, в чем–то они окажутся правы. Меня всегда забавляли и даже раздражали разговоры типа: у него не было игровой практики, предположим. Скажем, неделю пропустил из–за травмы. Что, профессиональный футболист лет так двадцати семи за неделю разучился играть?

Безусловно, случается, тренер проигрывает ту или иную встречу. Не угадал, например, с «физикой» или психологией футболиста в конкретный момент. Неправильно произвел замены, подобное тоже бывает. Рассчитывал как раз заменой усилить состав, а получилось с точностью до наоборот.

Мне понравилось, когда те же журналисты, специалисты, чиновники времен сборной Хиддинка стали предъявлять претензии именно футболистам, а не только тренеру. Почему вы–то так действовали в ряде эпизодов невнятно? Это стало своего рода добрым предзнаменованием. Ну, ты же был поставлен на привычную позицию, никто тебя и не думал куда–то переставлять. С другой стороны, подобные вещи тоже вызвали у меня, по меньшей мере, недоумение: почему вы иностранного тренера, таким образом, поднимаете, а своих, отечественных, наставников неизменно топтали? Унижали, даже уничтожали — морально, психологически, естественно.

Упрек адресую, конечно, нашим журналистам, специалистам, чиновникам. Ты–то, наставник, ответишь репортеру как бы один на один, а он может отозваться миллионным тиражом своей газеты. И тоже надо было все это выдержать.

Злосчастные 1:7

Что произошло, на мой взгляд? Возьмем статистику. Девять ударов в створ ворот, семь пропущенных мячей. Одна штанга, один удар Слава Малафеев отразил. Еще раньше я прямым текстом сказал ребятам перед матчем: больше не стану терпеть тех нарушений, с которыми футболисты приезжают в сборную страны. Имелась в виду, прежде всего, фармакологическая зависимость. «Доброжелатели» стали говорить: игроки, мол, не хотят ехать в команду Ярцева. Да, может, кто–то и не хотел, так как, видимо, рисковали «спалить» своих клубных врачей, тренеров в том числе. Замечу, никто из мастеров не отказался выступать в сборной, даже намека не было.

Но все–таки в ту поездку не отправились сразу шесть человек. А почему, спрашивается? Просто потому, что никто не хотел думать и волну лишний раз поднимать. Над нами ведь продолжало висеть то проклятие в виде бромантановского дела. Оно долго не давало покоя, довлело постоянно. Может, только со временем, с приходом Хиддинка, это проклятие стало постепенно уходить…

Не собираюсь оправдываться, но первый мяч нам забили из «вне игры». Это очевидно. И здесь наши защитники попятились назад. Таким мастерам, как Деку, Роналду, давать бить из убойных позиций смерти подобно. Они даже имели возможность посмотреть, оценить позицию, мячишко остановить, подработать его. И точно, неотразимо удары нанести.

Еще во время жеребьевки финальной части первенства Европы наставник португальцев Сколари очень тепло ко мне отнесся, мы тогда с удовольствием познакомились, пообщались. Долго беседовали. И уже непосредственно на послематчевой пресс–конференции он откровенно признал, что 7:1 — просто чудо. Привел, кстати, почти аналогичный пример с бразильской сборной, которую возглавлял. Ведомые им кудесники мяча проиграли то ли Венесуэле, то ли Колумбии 0:5. Сколари честно сказал: всего ожидал, но никак не результата 7:1. Случаются такие матчи; я вот, Сколари, тоже через это прошел.

То, что ушел с лавки, до сих пор считаю своим верным решением. Мне до такой степени стало плохо, тошно… Васильков следом вышел, укол мне сделал. Привел в чувство. Ведь нужно было пресс–конференцию посетить, что–то говорить там, общаться с журналистами. Состояние такое: пропади все пропадом! Все, больше не хочу. Следующий матч у Эстонии дома мы выиграли относительно легко, спокойно. Многие ребята, в

частности, Андрей Каряка, сказали тогда, что они играли «за тренера Ярцева». Приятно. Душу как–то согрело. Вот опять же, может, вырываю из контекста рассказа. Хороший был защитник — Бугаев. Потеряли его из–за тех самых фармакологических нарушений. И где он сейчас?

Если вернуться к матчу с португальцами, абсолютно ничто не предвещало разгрома. Обычно вторую игру отборочного цикла мы всегда проводим уверенно. Спокойно, ровно. Состав, отправившийся в Португалию, не сильно менялся, в основном опытные мастера вышли. Дебютантов в команде не было. Тем более располагали записями матчей с участием португальцев, их состав со времен европейского чемпионата тоже почти без изменений. И от своей манеры действий на поле соперники не собирались отказываться. Ну, что случилось, то случилось. Я говорил: девять ударов, семь голов. Может, один мячик Слава мог бы зацепить, остальные из разряда не берущихся. Просто сумасшедшие по силе и точности удары.

Кстати, накануне самого матча ходили упорные разговоры о том, что с качеством тамошней воды не все в порядке. Уж больно все–таки команда наша выглядела на редкость разобранной, вялой, какой–то даже аморфной.

Мне как–то коротенький анекдот рассказали в связи с этим поражением. «После Португалии забирается Ярцев в горы. Голову обхватил, сидит в пещере, думает. И как бы про себя говорит: совсем один, совсем один. Эхо вторит: семь один, семь один».

А дальше нам сорвали подготовку к матчу с эстонцами на выезде. Руководство Российского футбольного союза решило лететь одним чартером вместе с молодежной сборной. И вылет неоправданно задержался: кому–то из молодежки захотелось, видите ли, шоколадку или мороженого в дорогу купить. Пока за этими шоколадками ходили, рейс–то задержали. Прямо–таки детский сад. Прилетели на место с трехчасовым опозданием.

Стадион, на котором планировалось провести тренировку, оказался к тому времени попросту закрыт. С грехом пополам арену открыли, но… Не то чтобы дальше центра поля не пустили — выделили метров пятнадцать клочка газона. Откровенное издевательство! Как–то размялись. Если бы руководство РФС поехало с нами, то арену в полном объеме сборной России, скорее всего, выделили бы. Но мы же с опозданием прилетели.

Колосков с Тукмановым в первую очередь отправились на обязательное в подобных случаях совещание. С участием принимающей стороны, арбитрами, комиссаром матча и так далее. А нас на стадион, повторюсь, отказывались пускать! Говорю кому–то из своих: ломай замок, тогда войдем. Что

оставалось делать?! В общем, после той накладки в аэропорту многое пошло наперекосяк.

Скомкано было занятие наших сборников, но тем не менее хоть как–то размялись. Освободили от пенопласта маленькую часть газона, на ней и тренировались, если это можно назвать тренировкой. Ворота футбольные при этом отсутствовали, не в курсе даже, как вратари под руководством Дасаева занимались. Откровенно говоря, Колоскову на тот момент несколько безразлично многое было, наверное, он понимал, что ему уже не быть президентом РФС, другая кандидатура озвучивалась. Отсюда и некоторая апатия читалась. Хотя бы дали спокойно доиграть отборочный цикл — футболистам, тренерам, руководству федерации в том числе.

Выходим с тренировки, я интересуюсь у пресс–атташе сборной: предматчевая пресс–конференция будет? Тут буквально подбегает какой–то работник и сообщает: пресс–конференция отменяется. И доктор Васильков говорит: вся команда уже в автобусе, на стадионе не оказалось горячей воды. Футболисты — взмокшие от тренировки, уставшие, душ принять негде. Необходимо срочно ехать в отель, где имелись, слава богу, более или менее приемлемые условия. Что оставалось делать? Сажусь вместе со всеми в автобус, уезжаю. Даже не знаю, кто мне такую «свинью» подложил. Дело в том, что ожидаемая пресс–конференция, конечно, состоялась, но прошла в противоположном крыле арены. Мне–то откуда знать? Что я потом слышу и читаю? Ярцев–де наплевал на журналистов, уехав в гостиницу…

Помню, как тренера команды Уэльса Хьюза, проигравшего, между прочим, отбор на чемпионат Европы, звали к себе работать сразу три–четыре клуба английской премьер–лиги. Причем то были команды не средней руки, а весьма именитые. Вот вам ярчайшая иллюстрация отношения к наставникам там и здесь. После ухода из национальной команды у меня поинтересовались, чем займусь дальше. «Непременно куплю очень качественный шампунь, может быть, замечательного мыла и отмоюсь для начала, уж простите, от вашего дерьма, — отвечал я журналистам. — Это первоочередная моя задача. Мыться планирую дня три. Мочалкой и специальными шкрабами».

Добавлю, и португальцы не без изъяна выступали в том отборочном цикле. Можно и нужно было с ними конкурировать. Мы отыграли у них пару очков в Люксембурге, когда соперник ничейку сделал. Дальше они бились по календарю в гостях со словаками. Очень, конечно, требовалась победа в Эстонии. У португальцев со словаками равное количество баллов, лишь одно

очко мы им могли уступать. И пять матчей кряду у нас дома. Нетрудно шансы оценить.

Пошел бы я, скажем, теперь работать в сборную? Наверняка размышлял бы над подобным предложением не пару–тройку дней, как в 2003-м, а минимум месяц. Может, согласился бы, но родственники, близкие люди, друзья и знакомые точно отговорили бы. Под таким напряжением все время жить — врагу не пожелаешь. Ведь работа в сборной действительно форсажная, времени на раскачку совсем нет, его никто не даст. Она, эта работа, откладывает затем отпечаток на всю твою жизнь и на жизнь твоих близких, друзей. Когда под постоянным общим прицелом находишься, никуда не возможно свободно пойти, — например, где–то посидеть в компании, отдохнуть, пообщаться. Нет, в состоянии тотального стресса нельзя и не нужно жить!

Признаться, мне противно слышать, когда применительно к нашим тренерам, например, говорят: извините, мы — общественная организация и больше такой–то суммы платить вам не можем. Вдруг появляется иностранный специалист, и сразу — миллионные контракты. Здорово, братцы! Значит, для своих вы общественная организация, а для заезжих тренеров буквально на глазах преображаетесь в коммерческое предприятие. Блеск! Только к чему подобное уничижение?

К примеру, что–то, возможно, у того же Газзаева в сборной не получилось. Но зачем его топтать надо было? Впрочем, такого, как Валерий, особо и не потопчешь. Как, к слову, и Романцева тоже. Они оба умели и умеют держать удар. Я всегда таких людей уважал. Они, неизменно молча, не ссылаясь на кого–то и что–то, на всякие там привходящие обстоятельства, мужественно переносили удары судьбы. Смею надеяться, что и я отношусь к данной категории людей.

После ухода из сборной начался процесс привыкания к нормальной, обыденной жизни. Меня всегда в подобных случаях очень выручала спартаковская команда ветеранов. Здесь я в кругу своих давних друзей, никто тебя не критикует, тем более не поносит. Они все, представьте, поддерживали. Если критиковали, то в основном футболистов сборной. Вместе со мной покинул национальную команду и Ринат Дасаев. Так что мы снова были вместе, только в несколько иной, куда более доброжелательной обстановке. Вообще тему выступления сборной, ее уровня игры мои спартаковские друзья старались тогда обходить, чтобы не нанести мне душевных ран. Народ у нас в таких делах тонкий, деликатный. Тепло встретили и в семье, очень даже обрадовавшись моему возвращению в тихую, любимую гавань. Словом, жизнь налаживалась.

Распродажа игроков в «Торпедо»

Однако я недолго оставался без работы. Позвали в богатый традициями клуб «Торпедо», лишившийся прописки в высшей лиге. Задача озвучена недвусмысленно: вернуться в класс сильнейших.

С бывшим президентом торпедовского клуба Владимиром Алешиным знаком давно. Поддерживали всегда добрые, даже очень теплые, товарищеские отношения. И не только на ниве футбола, вообще по жизни. Александр Тукманов, тоже хорошо знакомый мне, стал генеральным директором «Торпедо». Я, в свою очередь, в качестве помощника пригласил Рината Дасаева.

Вот спрашивают меня: неужели еще в самом начале не чувствовал подвоха во всем этом? Нет, конечно! С какой стати должен сомневаться? Передо мной опытные, солидные, взрослые люди, пожившие, потершиеся в большом футболе. Кому, как не им, верить–то?

Идут первые сборы команды, вторые, третьи. Вдруг приходит хороший мой приятель, говорит: «Саныч, у тебя этих игроков не будет — ни Зырянова, ни Будылина, ни Мамаева. Алешин всю линию полузащиты продает». А я верю этому человеку, он информированный специалист. Как же так?!

Вроде чисто внешне поползновений к подобному повороту событий нет. Как тренировались эти ребята, так и тренируются у меня. Хотя разговоры об их уходе набирают обороты. Этот в ЦСКА, тот в «Зенит», третий — в Казань собирается. Да подождите, не может быть. Прихожу к руководству, открытым текстом спрашиваю: что, этих футболистов не будет в команде? «Саныч, все в порядке, не волнуйся», — заверяют меня. Упомянутым ведущим игрокам выдают какие–то премиальные, они продолжают готовиться к сезону в составе «Торпедо». То, что решу задачу выхода в высшую лигу с таким составом, и не сомневался. Повторюсь, мастера весьма приличные подобрались, добротная игра тоже обнадеживала.

Вот пример. На предсезонных сборах провели, например, прекрасный матч с одним из ведущих наших клубов, казанским «Рубином». Они только в конце встречи сравняли счет, и то с пенальти. А так, мы почти всю игру доминировали. Отметил осмысленные, комбинационные действия торпедовцев и наставник Казани Курбан Бердыев, по–моему, он был не прочь кого–то из наших ребят приобрести. «Рубин» же — фирма, там просто так словами не бросаются.

Вернулись в Москву, через неделю — старт в чемпионате

страны. Идет общее собрание команды, все игроки еще на месте. Было примерно полшестого вечера. Сам Алешин присутствует, выступает, дает на сезон определенные гарантии. Объявляет во всеуслышание о некоторых условиях, в каких объемах, например, предусмотрены премиальные и прочие индульгенции. Вроде бы все четко.

Собираюсь, уезжаю домой, поводов для беспокойства президент клуба, слава богу, не дал. Так называемое трансферное окно закрывалось аккурат в девять вечера. Они, игроки, опять же акцентирую ваше внимание, все здесь, в «Торпедо». А в одиннадцать утра из новостей узнаю, что один мой, теперь уже бывший, футболист там–то, другой тоже ушел, третий… Средней линии, как и пророчил мой знакомый, просто нет.

Ну, как такое расценить? В подобных ситуациях люди обычно сразу уходят. Однако не стоит забывать, что были футболисты, пришедшие именно ко мне. Как их бросишь–то?! Игроки со мной все сборы готовились. Это буквально удар ножом в спину! Да еще и повернули ножичек с особым цинизмом, чтоб, видимо, побольнее Ярцеву стало. Извините, что за нервы надо иметь? Да безразличие иногда посещает в таких безнадежных ситуациях. Выть хочется.

Костю Зырянова однажды спросили, а он все–таки мудрый игрок и человек: как это он без проблем вписался в состав, игру «Зенита?». «А вы пройдите подготовку с Ярцевым, тогда многое поймете», — ответил футболист.

О нравах, царивших в первой лиге, можно, наверное, трактаты писать. Если открутить пленку событий немного назад, то вот что вспоминается. Лечу с «Торпедо» на сборы. В салоне самолета вместе с нами группа футбольных арбитров. И кто–то из них противненьким голоском верещит: «Ничего, Георгий Александрович, вы еще узнаете о нас».

Я был со «Спартаком» в первой лиге, видел, кому и как помогали. Но когда снова посмотрел эту первую лигу — просто тихий ужас. Раньше в парках культуры и отдыха аттракцион любопытный устраивали: бег в мешках. Там побеждал не тот, кто просто быстрее бегает, а именно умелец, суетившийся в мешке. По ходу матчей в упомянутой лиге подходили люди и говорили: вам бы надо соединиться с той или этой командой, чтобы проще, легче проблемы решать… Простите, но в подобные игры я никогда не играл и практиковаться в подобном не собираюсь.

После все–таки внезапной для себя потери той плеяды игроков, на которых очень надеялся и рассчитывал, прихожу к Тукманову. «Как же так, Вячеславович?!» Сначала, правда, пытался с Алешиным объясниться. Он, однако, в Бразилию

улетел, деньков на пятнадцать. Молодец. Хорошо, но деньги–то за этих игроков получили? Получили. Тукманову говорю: «Не вижу смысла дальше работать». — «А ты не со мной контракт заключал, с Алешиным». — «Хорошо, тогда я просто уйду, и все».

Поднимаюсь наверх, они следом за мной. Разговор следующий: хорошо, уйдешь, а как быть с теми ребятами, которые к тебе пришли, они–то в чем виноваты? Евсеев, Ромащенко, Сосновский, Соломатин, Карнаухов, Мор, Бородин, которого, кстати, в «Динамо» звали. Это все не мальчики, опытные уже люди. Футболисты действительно пришли не столько в «Торпедо», сколько именно ко мне. Как их бросишь–то? И в высшую лигу им путь заказан, потому что трансферное окно к тому моменту закрылось.

Значит, нужно работать. С другой стороны, как продолжать полноценно трудиться, если президент клуба подвел хуже некуда? Получил деньги за проданных мастеров, так дай их на покупку других. Алешин ответил: средств на трансферы нет.

В домашнем матче с «Шинником» команду просто «прибили». И вместо того, чтобы защитить ребят от судейского произвола, Алешин, как ни в чем не бывало, заявляет: нас правильно судили. Ну, это петля, конец. Собрал я, как говорят, вещички, и пошел. Ни о какой компенсации даже не заикался. Известно, чем закончилось. На том багаже, который еще был, немного подержались. А потом — первая лига…

Трагедия с сыном

Находился как раз на сборах с «Торпедо» в Турции. Утром входит в мой номер Дасаев, по его виду догадался: что–то случилось. Ринат говорит: срочно позвони домой. Поначалу я даже не осознал до конца произошедшее. Буквально накануне, за день до этого, сын провожал меня на эти сборы, мы с ним тепло пообщались. Уже из Турции разговаривал с ним по телефону. Ничто, казалось, не предвещало беды. И ведь до сих пор ничего не известно…

Поднялось много народу в розыск негодяев. К сожалению, пока никого не нашли, нет концов, которые привели бы к убийцам нашего сына. Кто бы ни брался за расследование, результатов никаких. Только, может, время укажет на убийц. Трагедия — опять невольно к этому возвращаюсь — могла бы нас с Любой, может быть, развести по разные стороны. Предположим, упреки в адрес друг друга, еще что–то, нередко сопутствующие подобным вещам. Но ничего подобного.

Сашу всегда окружали любовью. Сын воспитывался в дисциплине, не в палочной, конечно. Его, к примеру, легко можно было в чем–то убедить. Дочка — Ксения в этом смысле более раскованна, независима, что ли, она, к слову, мой главный оппонент в семье. Впрочем, тому же Саше мы с Любой никогда не навязывали свое мнение и взгляды на его отношения с женой, как и Ксении с мужем. Бесспорно, дети могли какие–то важные для себя моменты обсуждать с нами, но — никакого давления, диктата они и близко не испытывали.

Сын был очень домашним человеком. Насколько знаю, любим своими воспитанниками из спартаковской ДЮСШ, где работал тренером. Вот Артем Дзюба — его игрок. Признаться, и не думал раньше, не представлял, что профессия тренера станет для сына идеальным занятием в жизни, любимой профессией. Он буквально жил футболом, много делал рабочих записей, трудился, можно сказать, в поте лица. Говорю это не потому, что Сашка — мой сын. Все действительно так.

Откровенно говоря, со стороны мне казалось, что я, как профессиональный футбольный наставник со стажем, работал даже меньше сына. Вот таким был сынок фанатом своего дела. Конечно, Саша советовался со мной по определенным эпизодам, отношения неизменно доверительные. В жизни на редкость спокойный, выдержанный человек. У него с мамой тоже имелись маленькие секреты, что вполне естественно… Мне нравилось посещать тренировки, которые Саша вел. Искренне удивлялся его

ангельскому терпению, вот кто прирожденный педагог!

В свое время сын, маленьким еще, стал ходить на тренировки в нашу спартаковскую ДЮСШ. Заметил, однако, особого желания стать профессиональным футболистом он не проявляет. И однажды вполне откровенно говорю ему: «Знаешь, сынок, давай бросай это. Ведь чье–то место занимаешь. Лучше играй с пацанами во дворе». Он без всяких обид все понял. Действительно, продолжал там гонять мяч. Я брал его с собой и в Капотню, в тамошнюю ДЮСШ, об этом периоде своей жизни я вам уже рассказывал. Так вот, там Саша с ровесниками поигрывал. В школу «Красного богатыря» со мной ездил, когда мальчишки 1971 года рождения занимались. Футбол все больше и глубже сына завлекал, ему очень нравилась эта игра. И, повзрослев, он вполне осознанно выбрал профессию тренера. Самостоятельно, без всякой протекции поступил в институт физкультуры.

Кстати, сын потрясающе умел готовить. В связи с этим я всегда говорил: Саша точно в бабушку Нину пошел, маму моей супруги Любы. О кулинарных способностях его бабушки, вообще об этой замечательной женщине я тоже вам поведал раньше. Так вот, мы с Любой могли куда–то отъехать, и нас ждал к возвращению прекрасный обед или ужин. Салаты замечательные делал, первые блюда, вторые. В общем, отменный домашний повар.

Следователи многих людей прокручивали. Под подозрением находились и некоторые друзья сына. Увы, повторюсь, ничего не прояснилось. Что, к чему, куда концы ведут — непонятно. Саша, к примеру, хотел какой–то автомобиль купить, взяв под это дело ссуду. Но авто вроде бы ему не то дали, начали разбираться. Там — ничего, эти — тоже ни при чем, и так далее. Он сам открыл дверь убийцам. Говорят, был какой–то шум, гам, но никто, как выяснилось, ничего не слышал. Даже отпечатков пальцев нет, ничего не украдено. Все произошло прямо в его квартире, где–то в четыре утра…

Нашли всего один отпечаток за батареей отопления, а так, в самой квартире ничегошеньки. Ничего опять же не взяли. Двадцать четыре удара тупым предметом нанесли сыну. Жена Саши с нашей внучкой в это время у родителей отдыхала. Откровенно говоря, отношения с супругой Саша уже исчерпал, на грани развода они находились. Что оставалось, мы относительно спокойно воспринимали возможное последующее расставание сына с его женой, жизнь есть жизнь, в ней всякое случается. Ее–то тоже основательно «крутили», «трясли» по поводу кончины нашего Саши.

Сашу очень любили еще и потому, что это первый племянник

был, первый внук. У всех родных сестер–то одни дочки. Нынче только у младшего моего брата в родном поселке Никольском сын Гошка растет, Георгий Александрович, вот так–то.

Нашему сыну тридцать пять было. Мы до сих пор в неведении относительно истинных причин его смерти и тех подонков, которые это сотворили. Говорят, время лечит. Да ничего оно не лечит! Это лишь расхожее выражение, не более того. Время лечит, может быть, какие–то совсем мелкие болячки. Но когда теряешь взрослого сына… Тем более горячо любимого. Пусть он иногда некоторые, ничтожные разочарования приносил, как, наверное, и все дети, но несопоставимо куда больше радости давало общение с ним.

Эту утрату каждый из нас переживает как бы в себе. Может, кого–то удивит, но мы редко вместе с женой посещаем могилу сына. Да, снова скажу, каждый несет в себе огромную боль. Как бы то ни было, причину все равно ищешь в себе. Может, пропади пропадом эта работа! Не уехал бы тогда, глядишь, беды не случилось бы. Но сын–то взрослый человек, никогда не напрягал меня своими возможными проблемами. Ну, осталась Надя, Сашина дочка. Внук, Георгий, сынок дочки Ксении подрастает. Это наши любимцы. Наша забота, тревога, счастье. Внука пока на футбольные матчи не брал. Хочу как–нибудь привести его в наш спартаковский манеж, пусть посмотрит, потихоньку приобщается. По телевизору, когда камеры на меня наводят, деда узнает, но еще, естественно, не понимает, что к чему. Иногда в замечательном парке Сокольники с ним гуляю, как и с внучкой. Если Гошка очень подвижный, веселый, общительный парнишка, то Надя пока несколько замкнута, излучает некое олимпийское спокойствие.

Признаться, куда больше других своих наград горжусь серебряной медалью дочери по окончании школы и ее красным университетским дипломом. Она с блеском окончила Российский государственный гуманитарный университет, факультет госуправления. Трудится в международном отделе Министерства по чрезвычайным ситуациям. Меня связывают годы дружбы с Сергеем Шойгу, я вообще очень люблю людей этой профессии. Они чуть ли не всегда первыми выручают всех нас, разве не так? Доверительные отношения сложились у меня и с Борисом Грызловым, он давний поклонник и ценитель футбола.

Как–то я уже говорил, что дочка, в хорошем смысле, — главный мой оппонент в семье. Если кто–то делает мне замечания, спорит о чем–то, так это Ксюша. Ее успехами действительно горжусь. Училась легко, даже, сказал бы, непринужденно. Никогда в этом смысле не доставляла нам с

Любой неудовольствия. Иностранными языками владеет в совершенстве, много читает, мне это в ней очень импонирует.

С одной стороны, с дочерью очень интересно общаться, с другой, — мягко говоря, непросто. В чем оппонент? Да хотя бы во многих жизненных вопросах, каких–то духовных интересах. Скажем, расхожусь я с ней — но это же нормально — в вопросах музыки, просмотра фильмов. У меня одни любимые авторы, у нее другие. Люблю бардов, Высоцкого, Розенбаума. Дочь предпочитает современные ритмы и мелодии, которые мною, может быть, не воспринимаются. Все–таки основой основ считаю слова в песнях. Одно лишь бессмысленное ля–ля, тру–ля–ля ну никак не впечатляет.

Что особенно нравится в дочери — ее душевная чуткость, человечность. Она такого склада человек, что не может, например, пропустить даты рождений своих родных, моих сестер. Всегда им позвонит, поздравит, по возможности, что–то подарит. И они ей отвечают взаимностью — разве останешься здесь равнодушным?

Дружба на все времена

Коли речь зашла о человеческих ценностях, в орбиту которых непременно, по моему разумению, входит и верная дружба, то наверняка стоит рассказать о тех замечательных людях, с которыми общался раньше, да и сейчас поддерживаю отношения. Почти с первых же дней нашей жизни в столичных Сокольниках сформировался этакий круг не футбольных знакомых, но, тем не менее, обожающих эту игру как зрелище. Живем–то в одном доме. И вот соседи зовут в гости, мы с удовольствием откликаемся, ближе знакомимся. В основном, конечно, это болельщики «Спартака», которые знают Ярцева как футболиста.

Так подружились в свое время с замечательным доктором, ныне профессором Георгием Михайловичем Бурдули. Он практически у всех наших спартаковских жен роды принимал. И до сих пор, кстати, к нему обращаются, только теперь уже наши дети. Трое Александров — Фатюшин, Абдулов, Буйнов почти на всех спартаковских торжествах были, выступали с концертами, поздравляли. Мы, игроки, в свою очередь, с немалым наслаждением посещали спектакли с участием театральных кумиров, они в компании с Александром Калягиным на матчи «Спартака» ходили. Это ведь тоже спектакли в то время что надо!

Иосифа Кобзона очень уважаю, неизменно бываю на осенних концертах Александра Розенбаума. Люблю песни Юрия Антонова. Мы как–то пересеклись с ним на отдыхе в Турции, много тогда разговаривали. Тесная дружба завязалась и по сей день продолжается с Леонидом Трушкиным, Геннадием Хазановым. Импонирует творчество Михаила Жванецкого, Вячеслава Добрынина, Валентина Гафта, Олега Табакова. Ведь многое, особенно в годы моей активной карьеры футболиста, затем тренера, зависело, конечно, от настроения. Если, например, проиграл матч, то идти, в общем–то, никуда не хотелось. Стоило посидеть дома, отдохнуть, перевести дух, набраться сил душевных.

Продолжительное время общались с замечательными людьми из «Арбата», это там, где казино и ресторан. Своего рода футбольный клуб по интересам, где спартаковцы всегда были желанными гостями. Ахмед Камалетдинов, как и его друзья, помощники, — страстный поклонник нашей команды. Они даже организовали мини–футбольную команду одноименного названия, выступавшую в российском чемпионате. Как не уважать людей, неоднократно помогавших Дасаеву, Черенкову, Хидиятуллину, Хусаинову, Атаулину, другим нашим игрокам.

Ода партнерам

В продолжение этой теплой темы — о своих замечательных партнерах по команде, с которыми переживал и радость побед, и горечь поражений. Да, я о них уже немало рассказал, но о подобных отношениях можно и нужно говорить много, если не бесконечно. Ведь за кромкой футбольного поля мы тоже дружили и дружим, не бросая друг друга в самых непростых житейских ситуациях.

С Вагизом Хидиятуллиным, как уже говорилось, я жил в одной комнате в Тарасовке. С Хидей и споры, и ссоры случались, такой характерный парень! По ходу каких–то матчей могли даже «напихать» друг другу. Мог он вспылить, но никогда не подличал. И всегда мне уважение ненавязчиво выказывал, это у Вагиза в крови. Романцев, помню, любил селиться с Сашей Кокоревым, Дасаев с Лешей Прудниковым, а мы с Вагизом все время жили.

Здесь стоит учесть, что Хидя в интернате вырос, человек с определенным воспитанием, в нем гены дружбы с молоком матери заложены. Он, к примеру, очень тепло, радостно общается с воспитанниками ростовского спортинтерната, из стен которого сам вышел. Оттуда, к слову, пришли в большой футбол многие наши известные мастера, в их числе и Хидиятуллин.

Приезжаем как–то в Ростов–на–Дону, Хидя говорит: «Пойдем, посмотрим, как там наши пацаны тренируются и живут». Это человек с очень тонкой организацией души, весьма неравнодушный. Я был свидетелем, как Вагиз даже в лице менялся, если видел элементы запустения в родной ему футбольной школе. Всегда в подобных случаях пытался чем–то помочь. Вот уезжал в свое время Вагиз во Францию. Вернулся — общались с ним, будто и не расставались. Никакой «звездности», самомнения, тем паче пренебрежения к товарищам. Так же и с Дасаевым. Ринат в Испании выступал. Мы его здесь ждали с огромным нетерпением, пережив, наверное, целую эпопею по его возвращении на родину. Дождались–таки. И с другими ребятами так же. Вот Сергей Шавло отправлялся в Австрию, вернулся, и между нами снова теплые, товарищеские отношения.

Кстати… Давал себе слово еще в бытность игроком: как вернемся со «Спартаком» из–за границы, непременно сяду за учебники в Тарасовке, начну досконально учить немецкий. Еще в школе этот язык любил, неплохо его знал, но навыков все равно катастрофически не хватало. Надоело быть своего рода глухонемым, очень хотелось с немцами свободно общаться. Ведь восхищался их футболом, мастерами, чемпионами мира они по

праву становились. И голландцев тоже всегда ценил, уважал, любил.

Но по приезде в Тарасовку вечно что–то или кто–то отвлекал. Звали, например, сыграть в карты, бильярд или шахматы, еще чем–то приятным заняться. Усидчивости тогда явно мне недоставало.

Не случайно эту историю рассказал. В отличие от меня тот же Шавло самостоятельно и блестяще штудировал английский, будто знал, что предстоит ему служебная поездка за рубеж. Пусть и не в Англию, в Австрию. Английский все равно пригодился бы. И никто Сереге, насколько знаю, не помогал, никаких репетиторов он не нанимал. Да и откуда им взяться в той же Тарасовке? Шавло все сам делал. Нынче свободно пишет, читает, переводит. Таким человеком остается лишь восхищаться.

Дасаев, к слову, появился в «Спартаке» в конце 1977 года. А сезон-78 начали, как я уже говорил, неудачно. Поменялась линия защиты, «батя» Прохоров не всегда уверенно стоял. И тогда еще в Луганске против «Зари» впервые вышел Ринат. Как он занял место в воротах, лет так где–то на двенадцать, образно говоря, всех конкурентов вытолкнул из «рамки». В следующем матче с «Локомотивом» вытащил пару «мертвых» мячей, показав себя во всей красе. После чего его безоговорочно приняли болельщики, сама команда. Всем стало предельно ясно, что это вратарь высочайшего уровня на долгие–долгие годы.

Да, иногда бурчал на защитников, но Ринат — на редкость добрый, коммуникабельный человек. Он совсем не загордился, когда стал лучшим вратарем страны, его, можно сказать, буквально рвали на части национальная команда, клуб, везде он был востребован.

Когда я, например, закончил играть, всегда, если требовалось, мог обратиться за помощью к Ринату. Знал, мой друг и партнер никогда не откажет, даже в самой малости. Уж сколько раз выручал! Доставлял, скажем, моих родственников на вокзал или встречал их, и так далее.

Забавно, но по возвращении из Испании Дасаев примерно около года ходил… в спортивном костюме. Дело в том, что Рината часто звали телевизионщики на всякие вечера, где по сценарию ему приходилось отражать пенальти. Как правило, Дасаев никогда и никому не отказывал в этих просьбах. Ну, и какой смысл было переодеваться, шутил вратарь, если завтра, предположим, снова отправляться на запись очередной передачи. Наш голкипер и до сих пор желанный гость на телевидении.

Дасаев абсолютно нормальный парень в плане общения с друзьями, коллегами. Есть у него замечательная черта: и сам не

прочь пошутить, и над собой позволяет подтрунивать. Вот и ржем все время при встрече. Скучать с ним не приходится.

Конечно, частенько ходили на квартиру именно к Дасаеву, он–то один из неженатиков в команде был. Достаточно просторная двухкомнатная квартира, жил он один. Музыка приятная, сама обстановка притягивала, относительный комфорт. Как–то Ринат позвонил незадолго до чемпионата мира 1982 года, говорит: «Приходи, братья мои приехали из Астрахани».

До сих пор вспоминаем те посиделки. Братишки Рината привезли астраханской рыбки, икры, селедочки. Дасаев участвовал в застолье, но ничего не пил. Времени уже пол–одиннадцатого вечера. «Вы здесь сидите, а я пошел спать». Пообщались мы славно, часов до трех–четырех ночи.

Утром звонок мне, и первый же вопрос: «Жор, кто всю рыбу с икрой сожрал?!» — «Братьев своих буди, — отвечаю. — За тебя тосты звучали, за твое здоровье, чтобы удачно отстоял на чемпионате мира». Ну, конечно, Ринат без претензий, в шутливой форме выговаривал мне за икру с рыбой.

Между прочим, дочка Дасаева — чемпионка мира по аэробике, достижение, как видите, весомое. Сын Мигель у него есть. Ринату хотелось еще одного сына иметь, и как по заказу его супруга — испанка Мария — родила ему Салима. Сейчас подшучиваю над своим другом: «Раньше тебя из компании домой не проводишь, а теперь, напротив, из дома не вытащишь». Очень заботливый семьянин.

Неудивительно, что прямо–таки отеческую заботу о голкипере, его здоровье проявлял в свое время внешне суровый, очень требовательный к футболистам Константин Иванович Бесков. К примеру, общеизвестно, что такие наши игроки, как Хидиятуллин, Гесс, Мирзоян, обладали очень сильными ударами. Так Бесков во время занятий в Тарасовке говорил этим ребятам: «Вы идите, Лешу Прудникова потренируйте, нечего Дасаеву руки выкручивать». А на виду у Рината оставались Ярцев, Сидоров, Черенков, люди, как говорится, с не очень мощными, зато техничными ударами.

Почему еще Дасаев так долго играл? Потому, что ощущалась поддержка на протяжении всей его карьеры. Тот же Бесков был просто влюблен в Дасаева, и Ринат отвечал тренеру взаимностью, безукоризненно выполнял указания, требования наставника. Среди любимчиков — Черенков с Гавриловым. Николай Петрович Старостин не скрывал своего теплого отношения к Шавло. Уважал Олега Романцева, и не зря. Хидя слыл всеобщим любимцем. Правда, он немножко выпадал из этой когорты, иногда резковат был…

Разумеется, вы помните, что тот же Дасаев работал со мной в национальной сборной образца 2003–2004 годов. И должен заметить, Ринат был не только тренером вратарей, он в данном смысле весьма разносторонний специалист. Ему поручались занятия и с полевыми игроками, он способен любые необходимые упражнения с ними делать. Легкий на подъем, безотказный в работе, считаю, просто незаменимый человек. Главное, на редкость трудолюбив.

Федор Черенков — хрупкий, тонкий, но сразу видно было — это игрок! Именно спартаковский. Почему его так сильно полюбили и ребята в команде, и наши болельщики? Он, как и Дасаев, вызывал чувство тепла. И вызывает, кстати, до сих пор. Немало ведь случаев, когда люди очень быстро голову задирали, сыграв прилично сезон–два. На таких, как говорят в народе, что ни плюнь, то шипит. Это совсем не про Федора. Любопытно, но Бесков разрешал только любимой девушке Черенкова встречать его, скажем, в аэропорту, провожать. Для других футболистов — строжайшее табу.

Федор, например, приезжает в спартаковский манеж на Оленьих прудах, заходит в комнату команды ветеранов и застенчиво так спрашивает: «А можно мне кофейку попить?» Порой думаешь про себя: он что, издевается, манерничает? Нет же, он на самом деле очень скромный парень. По сей день. Для Черенкова, думаю, краткосрочная поездка во Францию в начале 90-х, по сути своей, зряшная. Он — исключительно домашний человек, совершенно не приспособленный по душевному устройству быть далеко от родины.

Его футбольные подвиги перед моими глазами. Ведь другой игрок от каких–то вещей отказался бы, только не Федор. Был период, когда наш замечательный полузащитник выступал в составах сразу трех сборных! Бесков однажды вымолвил, размышляя: «Н-да, вы заботу о своих семьях ставите выше футбола. Значит, футбол не очень любите». На что Черенков даже не возразил, а как бы мягко вслух заметил: «А я вот и семью люблю, и футбол». Хрупкий с виду, но боец на поле неустрашимый.

Юра Гаврилов очень близок мне по манере игры. Иногда немножко расхлябанный его вид создавал и создает обманчивое впечатление. На самом деле это собранный, всегда готовый к матчам человек. Может быть, Юра не очень преуспел затем в тренерской работе. Но, кстати, какую бы команду он ни тренировал, почерк ее всегда был узнаваем. И то, что он в большом футболе почти до сорока лет играл, о многом говорит. После тех операций, что Гаврилов перенес, иные мастера,

возможно, и сломались бы — морально, психологически. Но только не Юрий Васильевич. Требуется тайм отыграть — играет, всю встречу — тоже нет вопросов. Именно играет, а не отбывает номер.

Определенный, и не маленький, период времени связан у меня с Валерой Гладилиным. Это очень талантливый человек. И в футбольном плане он хорош, и организаторская жилка у него имеется. Например, если тот же Бесков с кем–то из футболистов расставался, то вряд ли в будущем такой мастер появлялся у него в составе. Гладилин как раз в данном смысле исключение, потому что игрок незаурядный. И вклад Валерки в победную поступь «Спартака», когда мы отчаянно стремились вернуться в высшую лигу, и вышли–таки, достаточно значим.

Появление Саши Мирзояна привнесло ощутимую уверенность и стабильность защите «Спартака». Пара Хидиятуллин — Мирзоян вообще считалась одной из лучших в Союзе. Мне, разумеется, довелось играть с Мирзояном, от его действий на поле всегда исходила этакая надежность — профессиональная, человеческая. Жаль, этот пресловутый, не забитый пенальти в финале Кубка с ростовским СКА преследует Сашу чуть ли не всю жизнь. Мирзоян, я бы сказал, даже в чем–то монументален, нынче руководит всеми футбольными ветеранами России. И знаете, здорово у него получается!

С некоторыми ребятами не так просто сходился, что тоже, наверное, естественно. Женя Ловчев все–таки слыл «звездой» не только нашего клуба — национальной сборной. Он держал себя в команде, может быть, иначе, чем вне ее. Мог, например, приехать в Тарасовку, сказать: «Ребята, садитесь, поехали». И вез партнеров в какой–нибудь ресторанчик. Домой к себе привозил ребят. Доставал на всех дефицитные билеты в театр, у Евгения Серафимовича хватало знакомых в театральной среде…

О своем товарище Олеге Романцеве я уже много что вам рассказал. Небольшие еще штришки к портрету. У кого–то наверняка складывается или уже сложилось впечатление, что Олег Иванович несколько замкнут, даже угрюм. Неправда! На самом деле это весьма остроумный, очень начитанный человек. Тот в свое время груз ответственности, подчас слишком необъективная, иногда предвзятая критика, конечно, сыграли свою негативную роль. Тут поневоле можно стать каким–то отшельником. Но, повторюсь, Олег в жизни совсем другой человек.

Помню, в институт физкультуры мы никогда не ездили с ним неподготовленными. Да, случалось, помогали нам, проводились индивидуальные занятия. Но в стенах вуза просто так, «на

дурачка» не появлялись. Ну, не хотелось выглядеть идиотами, недорослями. Поверхностно, глубоко ли, но всегда готовились. Думаю, преподаватели Малаховки это подтвердили бы.

Немножко еще о дружбе с заклятыми соперниками из киевского «Динамо». Мы очень уважали и уважаем друг друга. До сих пор. Поддерживаем отношения с Олегом Блохиным, Владимиром Бессоновым, Игорем Белановым, Евгением Рудаковым, другими друзьями–соперниками. Вот Анатолий Коньков одно время тренировал симферопольскую «Таврию». Приехал к нему, душевно посидели, пообщались.

А залогом подобной дружбы как раз и являлось наше непримиримое соперничество на футбольном поле. Мы под них, что называется, никогда «не ложились», они тоже ни в одном из матчей не сдавались.

Олег Блохин, когда работал в клубе «Москва», всегда звонил нам с Хидей: приезжайте, мол, на игры, поддержите меня и Андрея Баля. Мы с удовольствием отправлялись на футбол, чтобы повидать наших киевских друзей. Им в Москве немного одиноко было, выходные мы часто вместе проводили…

Страсти на банкете

С легендарными братьями Старостиными, тем же Бесковым, конечно, связано немало любопытного, поучительного, забавного. Эти люди, без громких слов, воплощали собой эпоху, и не только сугубо футбольную. С ними было очень интересно общаться, да просто послушать их доставляло удовольствие.

Николай Петрович и Андрей Петрович прежде всего великими педагогами были. Педагогика эта исходила как бы из богатейшего внутреннего мира обеих потрясающих личностей. Видите ли, когда на сборах в той же Тарасовке проводишь уйму времени, то случиться могло всякое. Иногда вспыхивала искра недопонимания, какие–то мелкие ссоры и стычки. Мы–то, игроки, между собой практически не ругались. Конфликт подчас на ровном месте вызывал, к примеру, Константин Иванович.

Вот тут ненавязчиво, достаточно мудро «разруливали» ситуацию великие братья, основатели «Спартака». Они «тушили», нивелировали любую вспышку. И футболисты продолжали общаться как ни в чем не бывало. Это, поверьте, особое искусство. При одном только появлении Старостиных в Тарасовке мы улыбались, хандру, если таковая случалась, как рукой снимало.

Но, когда Старостины и Бесков работали в унисон, — а это, разумеется, было почти всегда, — такое пробивное трио смотрелось всем на зависть! Спартаковцы, например, в советское время вообще без проблем летали самолетами «Аэрофлота». Потому, что над нами взял тогда шефство сам министр гражданской авиации Бугаев. Чья заслуга? Конечно, Старостиных. Мы в ту пору стали первыми пассажирами так называемых чартеров, которые как раз специально выделялись именно московским спартаковцам, их руководителям. Вот так.

А какие замечательные, запоминающиеся политзанятия проводил с нами Николай Петрович! Да–да, в те годы политзанятия в футбольных командах, как, наверное, и везде по стране, были еще в ходу. Думаю, мало кто из вас знает, как Николай Петрович встречался с самим вождем пролетарской революции. По заранее разработанному плану Ленин входил с парадного подъезда. А в итоге подъехал совсем к другому крыльцу. И как раз Ильич попадает на Николая Петровича. Протягивает руку будущему патриарху «Спартака»: «День добрый, Ульянов». Тот отвечает: «Приветствую вас, бухгалтер Старостин». И наш Николай Петрович повел Владимира Ильича на экскурсию по мануфактурной фабрике, где в ту пору трудился.

Мало того что Старостины создали «Спартак». Они еще и

огромный вклад внесли в развитие родного детища. Почему, например, долгие годы в новейшее российское время «Спартак» был недосягаем для соперников, практически непобедим? Да потому, что Николай Петрович оканчивал еще царское коммерческое училище, он–то, как никто другой из нас, прекрасно помнил и прошел университеты НЭПа. Взять хотя бы тех же игроков, которые появились в команде в начале 90-х при распаде бывшего Союза. Коммерциализация состава любой футбольной команды стала фактически основой основ. И здесь заслуга Старостина неоценима. Когда все только готовились приобретать футболистов, скажем, с той же Украины, Николай Петрович вкупе с Олегом Ивановичем Романцевым уже делали это. «Спартак» быстрее всех решал многие вопросы. Отсюда и сногсшибательный для кого–то результат. Для нас–то он явился закономерностью. Да, спартачи, как нас нередко величают оппоненты и друзья–соперники, оказались сильны знаниями, извините, исторического момента, что было крайне важно в новых условиях.

Когда многие пребывали в относительном неведении, как и что делать, спартаковцы, к примеру, первыми перешли на выплату зарплаты, представьте, в валюте. Это многие в футбольном мире знают, не секрет. И ездила команда за рубеж именно на коммерческие турниры, что тоже стало приносить немалый доход в клубную кассу.

Вот, скажем, в то время, когда все российские клубы «парились» на каких–то сборах, «Спартак» отправлялся на весьма престижные и, откровенно говоря, неплохо оплачиваемые соревнования. В основном в Германию, Швейцарию летали. Там, в частности, ковалось и укреплялось материальное положение спартаковцев.

Ведь не секрет, за границу ездили, чтобы что–то ценное приобрести для дома, для семьи. Старостин в этих вопросах как рыба в воде. За что ему мы всегда благодарны — он исходил из интересов своих футболистов. Николай Петрович полушутя–полусерьезно замечал в подобных случаях, что «пусть игроки лучше сходят в тамошние магазины, купят, что им нужно, и успокоятся. Чем будут сидеть в гостинице и переживать». Знал человеческую природу, психологию.

В данной связи вспоминается поездка в Марокко. Константин Иванович тогда не смог отправиться с нами, и груз ответственности за пребывание команды в этой стране лег исключительно на плечи Старостина. Нечто непредвиденное произошло уже на банкете, устроенном в честь визита советских спортсменов. На вечере ждали, однако, не только нас, но и тех же

баскетболистов. Они почему–то задерживались, и начало банкета все откладывалось и откладывалось.

И, видимо, кому–то из наших игроков уже надоело ждать, он встал, за ним потянулись остальные. Да к тому же проголодались мы, что скрывать. А тут нет и нет обещанного ужина. В общем, мы вслед за тем «лидером» покинули банкет. Чуть позже баскетболисты и руководство марокканское общались. Разумеется, наше отсутствие заметили. Конечно, срочно провели собрание, стали разбираться. Как же так, почему покинули мероприятие, и так далее. Дескать, некрасиво поступили, и все такое. Представители принимающей стороны затаили обиду. Все мы понимали, что в подобной ситуации выезд в замечательные магазины Касабланки, скорее всего, накрылся.

А пропесочивал нас руководитель делегации. Николай Петрович смотрел–смотрел на этого руководителя. Он оказался своего рода оригиналом: надел пиджак, нацепил шляпу, представ перед нами в спортивных штанах. Вот Николай Петрович и говорит: «Да, руководитель у нас хороший. Без портков, но в шляпе». Народ оживился, кто–то прыснул от смеха. И уже очень серьезным, на первый взгляд, тоном начальник «Спартака» добавил: «Поступили вы, ребята, неправильно, слова верные сказаны, все четко обозначено». Футболисты после этих фраз Николая Петровича расстроились еще больше. А мы–то с Хидей уже костюм присмотрели, даже успели заказать. Требовалось срочно идти за изысканной вещью. «И в заключение, — произносит Старостин. — Выезд в город через пятнадцать минут». Чем поверг буквально в шок руководителя делегации и несказанно обрадовал нас. Ну, а кто мог хоть что–то возразить легендарному начальнику «Спартака»? Сказано — в город, значит, так тому и быть. Народ сразу ринулся к отъезжающему в торговые ряды Касабланки автобусу. Никто не остался без покупок: брали классные тогда вещи из кожи, джинсы, много чего еще. Сам этот фактик лишний раз характеризует Старостина: он умел найти нужные для всех слова.

Не могу не рассказать еще одну простенькую и в то же время забавную историю наших похождений по магазинам Касабланки. Отправился я с Сашей Кокоревым, нашим замечательным игроком, болельщики со стажем наверняка помнят этого мастера. Заходим в маленький, почти совсем неприметный магазинчик. Должен сказать, что по ходу пребывания команды в Марокко травму спины получил Олег Романцев, из–за чего досрочно покинул расположение клуба. И перед вылетом в Москву Олег просит купить жене плащ.

Говорю своему приятелю и партнеру Кокореву: «Сань, вон там

какой–то неплохой коричневый плащ висит. Не мог бы ты дотянуться, снять». Я-то не такой рослый, как Сашка, ну, никак не достаю рукой нужную покупку. Плащ на крючке свисает, вроде рядом все, а не дается в руки. Кокорев дергал–дергал… «Да дерни ты, наконец, как следует!» — призвал я от нетерпения Сашу. Продавец, даже по марокканским меркам, совсем малюсенький ростом, почти лилипут, молча наблюдал за нашими потугами. Как будто предчувствовал: что–то сейчас произойдет. Тут еще продавец под ногами крутился, раздражал тем самым.

Кокорев рванул на славу! Вся конструкция, на которой располагалась куча вещей, в том числе и тот самый плащ, в момент рухнула навзничь. Продавца завалило, так что он издавал едва различимые звуки под этой армадой шмоток. Я-то успел вовремя отскочить. Наконец, из–под завалов показывается голова марокканца: «Брать будете?» — истошно прокричал он. «Не будем!» — сказал, как отрезал, Кокорев.

Вернусь к рассказу о Старостиных. Вот черта характера того же Николая Петровича. Когда выезжали за границу, патриарх неизменно составлял себе список всех сотрудников базы в Тарасовке. Не было случая, чтобы «Спартак» и Старостин не привезли обещанных подарков — поварам, водителям, работникам арены, ухаживавшим за состоянием газона. Думаю, только в «Спартаке» в те годы стали выезжать на зарубежные матчи сотрудники клуба, нашей базы в Тарасовке. Незабываемая, я бы даже сказал, потрясающая атмосфера в той же Тарасовке формировалась во многом самим Николаем Петровичем. Почему говорили, что база — наш второй родной дом? Да потому, что там жили порой целыми семьями — с женами, детьми. Покидая на время Тарасовку, футболисты не опасались за своих близких в том смысле, что они всегда будут под опекой — накормлены, обласканы. Такую, по–настоящему семейную ауру, повторюсь, создавали Николай Петрович, Константин Иванович; продолжил, считаю, славные традиции Олег Иванович.

…79-й год, незадолго до матча с ростовским СКА. В гостинице, где мы расположились, футболисты, тренеры, руководители перемещались по–разному. Кто–то на лифте любил сновать, а кто–то и пешочком по этажам прогуливался. Проходим этаж и видим, что тренер Иван Варламов пытается удержать дверь лифта. Что–то там заело. Минуя пролет пешком, Андрей Петрович Старостин замечает голову брата. «Николай, — обращается своим привычным баском к брату Андрей Петрович. — Где ключ от номера?» — «Уже целых десять минут в этом лифте нахожусь», — сетует Николай Петрович. «Я десять лет в лагерях сидел, и ничего», — завершает диалог Андрей

Петрович. Ребята, конечно, прыснули от смеха, разве здесь удержишься? «Андрей, ты слышал?» — «Я-то видел» — и такие случались коротенькие, но весьма выразительные словесные дебаты.

Вот еще примечательная вещь. Время от времени каждый из спартаковцев ездил на Красносельскую, там, можно сказать, располагалась штаб–квартира нашего клуба. Все мы знали, что, если Николай Петрович, отвернувшись к окну, начинал напевать, — а слуха музыкального у него абсолютно никакого, — значит, тот или иной вопрос, с которым приехал футболист, не решался. Примета такая. Не стоит забывать, что Старостины все–таки в солидном уже возрасте. «Вы не забыли?» — бывало, обращался к нему кто–то из нас. Николай Петрович моментально доставал из кармана свой знаменитый блокнот, говорил: «Все нормально. Процесс идет, не волнуйся». Он никогда и ничего не забывал для игрока сделать, так был устроен.

«В какой майке играешь?! — обращался к кому–то из нас Старостин. — Это вот Татушин в ней выступал, а в тех — Симонян, Сальников». Нотки гордости при этом отчетливо звучали в его голосе. Буквально вся спартаковская школа, в стенах которой пестовались юные таланты, была наполнена замечательными, да что там, выдающимися игроками прошлого. Старостин лично пристально следил за процессом.

Пути развития «Спартака»

Теперь, думаю, вполне логично поговорить о нынешнем состоянии моей родной команды, в составе которой я когда–то выступал, а затем и тренировал молодых спартаковцев. Нужно начать с фундамента применительно к современному «Спартаку». Ведь в спартаковскую школу мальчишки приходят по желанию, их никто не принуждает надевать майки нашего клуба. И наставники воспитывают юную поросль в спартаковских традициях. Сам факт того, что нынче построен интернат со школой, говорит о том, что руководители команды заботятся о будущих поколениях, преемственности.

По–моему, очень важен процесс перехода воспитанников из ДЮСШ в дубль. Почему? Потому что именно в это время теряем игроков. Полагаю, те переходы юных футболистов, что состоялись в минувшие годы, нанесли, может быть, трудно поправимый урон клубу в целом. Посмотрите, Самедов, Торбинский, Ребко, Тарасов — еще не полный перечень потерь очень неплохой плеяды игроков. Куда это годится? Видимо, в данный период сделали акцент на приглашение легионеров.

Безусловно, каждый тренер стремится к максимальному результату. Польза от твоей работы как наставника, — во всяком случае, на это ориентируют клубные боссы, — только «счет на табло». В подобных условиях, подчас крайне жестких, ты не будешь воспитывать игроков, своих, молодых. Требуется, повторюсь, сиюминутный результат.

А должен быть у тренера, по идее, надежный тыл в лице, скажем, президента клуба, акционеров. Я за то, чтобы наставник выходил с молодыми в составе игроками. И, возможно, такой тренер не сразу достигнет нужного результата. Но его не уволят. Понимая перспективу.

«Спартак» ежегодно выпускает семнадцать–восемнадцать юных футболистов, многие из которых, кстати, выступают за различные сборные, к примеру, Москвы, России. Попадая в дубль, ребята осознают, что перспективы приглашения в главную команду у них нет. Общаются с ровесниками, те рассказывают, что уже играют там–то и там–то. Еще и родители юношей зачастую давят на психику — какой смысл оставаться в «Спартаке»? Позднее, как говорится, начинаем «репу чесать», а мальчишек–то уже не вернуть.

То Дзюбу отдают, он там забивает, снова возвращают. То Яковлева… А когда потеряли Самедова, Торбинского, Тарасова, Ребко — спрашивается, какие еще приобретения нужны? Надо

дифференцированно подойти. Ведь практически все упомянутые мною ребята уходили при тренерах, которые, ну, даже с большой натяжкой к «Спартаку» отношения не имели, не так ли? Если и относились, то — тьфу, плево. При том же Старкове ушел Аленичев, Титов — при Черчесове. Кстати, и Ковтун вполне мог пользу принести, рано, считаю, с ним расстались. То у нас престарелый итальянец работал, то относительно молодой датчанин, то Старков, то бромантовские тренеры «трудились»… И все время «Спартак» с этими «наставниками», простите, «колбасило».

На мой взгляд, был очень неплохой период, когда Владимир Федотов работал. Он все–таки воспитанник Бескова, направление его идей в чем–то созвучно заветам великого учителя. Он мог с молодыми работать, и работал, по–моему, очень неплохо. Почему, спрашивается, Прудников забивает, Яковлев тоже заметен, хотя играют они отнюдь не в топовых клубах?

Сейчас слышны разговоры о создании лиги для выпускников спортивных школ, только–только покинувших родные пенаты. С другой стороны, нельзя им идти в чемпионат КФК, там все–таки непрофессиональный футбол, значит, невольно шаг назад сделают в развитии, своем футбольном образовании. Этого ни в коем случае нельзя допустить. Надо обязательно собрать команду перед дублем, чтобы по возможности не терять воспитанников.

Бесспорно, нашим болельщикам очень хочется видеть любимую команду во всем блеске, демонстрирующей вдохновенную, техничную, комбинационную, тонкую игру. Ведь любовь поклонников заслужить ох как непросто. В данной связи интересно, будут ли фанаты любить, помнить футболистов нынешнего поколения, как, может быть, обожали тех же Тихонова, Титова, Аленичева, других игроков той плеяды? Вопрос пока открыт. А глас народа — глас божий. И народ здесь не обманешь.

Считаю, на данном этапе команде уже не требуется какое–либо усиление, в этом плане все необходимое сделано. Нужно лишь желание и умение самих футболистов. Разумеется, и мастерство тренера пора «включить». Опять же при желании и классе, который еще предстоит обрести на тренировках и в календарных матчах, можно составить конкуренцию любому клубу.

Десятилетиями «Спартак» приучал своих болельщиков к умной, даже, сказал бы, ажурной игре. Нынче почему фанаты повернулись лицом к команде? Пришел Карпин, старающийся вернуть любимому клубу привлекательный стиль. Но… Опять обращаю ваше внимание вот на что. Яковлеву не находится места,

часто в аналогичном положении талантливый Козлов. А как трудно привыкает после возвращения Дзюба!

Здесь надо власть употребить. Я все время напоминаю своим коллегам, более молодым тренерам: волнообразно идут поколения талантливых мальчишек. Вам необходимо уловить хотя бы одну такую светлую волну. Пусть мы пока, предположим, отступим. Зато накопим силенок. О власти я говорил применительно к нынешнему руководству клуба. Давайте дадим возможность наставнику работать в подобном ключе сейчас, а не в отдаленном будущем кому–то еще. Да, нужно биться за попадание в Европу. А что, если этот весенний отрезок предстоящего продолжения чемпионата посвятить все–таки тому, чтобы поиграть молодыми в составе ребятами? Наиграть их. Здесь необходимо как раз волевое решение руководства. Снять, представим, оценку тренеру за работу в сезоне в случае каких–то неудач. Ведь это и коммерческий плюс: не придется платить миллионы за приглашение легионеров, может быть, сомнительного толка. Дадите ход своим ребятам, попытаетесь реализовать в полной мере их действительно мощный потенциал.

Нынешний тренер — свой человек, понимает нашу игру. Он еще не получал крупных шишек на этом посту. Когда только пришел в команду, она стала второй в первенстве. На мой взгляд, слишком долго тогда аплодировали, восхищались, а требовалось трезво оценить ситуацию. Кстати, проблемы в том сезоне в какой–то степени обрушились и на ЦСКА, и на «Зенит». «Локо» и «Динамо» тоже не явились исключением. Но они–то смогли перестроиться.

Мы же посчитали, что та победа — «серебро» — пришла к нам мастерством. Нет, братцы, это ошибка! Следующий сезон показал: ничего в команде не поменялось к лучшему. Конкуренты между тем шагнули вперед. Обновился состав «Зенита», «Локо», «Динамо», ЦСКА. Вот о чем речь. А спартаковцы продолжали почивать на лаврах. Разницу уловили? У нас либо праздник, либо черный день, серых будней не бывает. Ну, и как пример: ни одного спартаковца в национальной сборной. К слову, некоторые из тех, что покинули клуб, в сборной–то как раз выступают. Непонятно мне, вот чем, к примеру, было продиктовано и оправдано приглашение в «Спартак» того же Саенко? Да ничем. Своих же «загнали».

Тот же Андрей Тихонов по уму в своем прощальном матче за клуб даст фору многим. Может, не по движению, но по уму, пониманию футбола уж точно. Я очень желаю ему проявить себя на тренерском поприще. Хотел бы видеть в роли наставника и Диму Аленичева. Он вместе с тезкой, Ананко, трудится нынче в

юношеской сборной. К работе тренера необходимо стремиться и обязательно любить это дело. Узнать и понять, твое ли ремесло или не совсем. Педагог ты или нет? Вот, прежде всего, педагог ли. В любом случае необходимо время. И однозначно говорить о том, что Тихонов, например, станет большим тренером, пока рано.

Андрею в каком–то смысле повезло, что рядом с ним коллеги, которые, по сути, только начинают свою тренерскую карьеру. Если тандем или трио нынешних спартаковских наставников станут единомышленниками, быстрее все вырастут как специалисты. Еще важно не завидовать друг другу в уровне популярности. Необходимо и поддерживать друзей–коллег в трудные периоды, которые порой случаются у каждого из нас. Словом, значение имеет любой, казалось бы, незначительный нюанс.

Кстати, последние приобретения «Спартака» мне нравятся, они точечные. Макгиди, Эменике — приличные по своему уровню мастера. Де Зеув, скажу вам, — это игрок! Просто голландцу требуется еще адаптация. Вроде бы тренер нашел место Эменике на тот период, когда в составе отсутствовал Веллитон. Как дальше расставлять форвардов, думать надо. Дзюба игрок немного другого плана, он и в «оттяжке» действовать может. К слову, может, Макгиди использовать по–другому, предположим, не на фланге, а в центре полузащиты. Почему нет?

Игроки в «Спартаке» собраны нынче квалифицированные. С ними остается лишь работать. Надо принять определенную тактику; и где–то убедить, а иногда и заставить мастеров придерживаться этой схемы игры, если требуется, то терпеть. Чтобы спартаковцы не действовали хаотично, вразнобой. «Спартак» при верном подходе может добиться не только прогресса в игре, но вместе с ней и весомых результатов. Команда, повторюсь, укомплектована очень хорошо, нужно только верно акценты расставить.

Все–таки после ухода Алекса, что там скрывать, ощущается проблема так называемого креативного игрока. Это, что бы там и кто ни говорил, большая потеря. Сейчас практически многое зависит от тренерского штаба. Ни в чем мы сейчас не уступаем и никому, уверяю вас. Даже в обороне, к организации которой возникает немало вопросов, нареканий, собраны футболисты национальных сборных. Достаточно высокого уровня мастера, знающие тонкости, играющие.

Были матчи, сыгранные на добротном уровне. А есть поединки, вызывающие, откровенно говоря, раздражение: как можно столь бездарно разбазаривать турнирные очки?! Иногда мне ставят в упрек: мол, Ярцев в каких–то беседах, интервью

почти неизменно защищает тренеров своего поколения. Давайте предельно объективно, хладнокровно посмотрим и оценим. Кто, на минуточку, выиграл чемпионат Европы? Арагонес. Первенство мира? Дель Боске. Сколько им лет–то? В солидном уже возрасте добился громкого успеха с греками и Рехаггель. А Хиддинк, Адвокат?

Я вообще удивляюсь. Помню, еще не окончились матчи первого круга российского первенства, а уже из доброй половины команд премьер–лиги освободили тренеров. Да, потому что, на мой взгляд, руководителям клубов очень удобно работать именно с молодыми наставниками. Они куда более покладисты, часто невзыскательны в каких–то вопросах, с ними легче вести дела. Тренеры молодой волны к тому же понимают, что их, образно говоря, щелбанчиком могут вышибить из команды за малейшее неповиновение. И ничего не сделаешь, не противопоставишь. Увольняют же специалистов зачастую без серьезных оснований. Вот вспыхнул, считаю, хороший тренер Колыванов. И — пропал. Почему, отчего? Мне непонятно. Стоило только Игорю немного оступиться, и сейчас он, по сути, нигде.

Где кадры для сборной?

Собственно, какую молодежь дают клубы национальной команде, той молодежью, извините, эта команда и питается. Почему все говорят, да просто долдонят только о чемпионате мира 2018 года? Подождите, впереди еще первенство Европы 2012 года, чемпионат мира-2014-го, опять же европейские смотрины-2016. О том, что наши футболисты пропускают уже которую по счету Олимпиаду, скромно молчат все заинтересованные лица.

Так вот, хотя бы через пару упомянутых мною крупнейших футбольных форумов пропустите молодежь–то! Чтобы она хотя бы поварилась в этой соревновательной каше, прочувствовала свои возможности, обрела уверенность, повысила мастерство. Попадем мы туда, не попадем, однако необходимо через отборочные турниры пройти. Сколько в сборной образца 2003–2005 годов новобранцев было? Восемь! У Хиддинка для сравнения — один. И восемь моих. Тогда, видите ли, в мою бытность тренером потерпеть не хотели и не могли. Поэтому здесь требуются недюжинные выдержка, терпение. Без проявления данных качеств ничего не будет, ничего не добьемся. Надо уметь смотреть в будущее, во всяком случае, учиться этому никогда не поздно.

По окончании чемпионата Европы 2004 года мы с Колосковым, Тукмановым, Симоняном пообщались, решили: необходима новая волна игроков. Но в результате не дали с той командой работать… Сейчас, понимаю, некогда Адвокату экспериментировать. Просто нужна твердая позиция футбольного руководства, если оно хоть немного способно заглянуть в ближайшее будущее. Только через игры с сильными соперниками, целенаправленные сборы можно новое поколение футболистов подготовить. Иного пути, как показывает мировая практика, просто не существует.

Ситуация, кстати, располагает к этому. Украина — соседняя с нами страна. Многие сборные, учитывая сей фактор, почти наверняка смогут, главное, захотят приехать в Россию. Чтобы провести спарринги с подопечными Адвоката и тем самым последовательно, скрупулезно, недалеко от арен будущего ЕВРО готовиться к решающим баталиям. Таким образом, авторитетные команды можем приглашать, плюс несомненный.

Отдельные матчи сборной под руководством нынешнего наставника вызывали у ряда специалистов, журналистов, тренеров, по меньшей мере, чувство удивления, раздражения,

непонимания, разочарования. Некоторые горячие головы уже стали поговаривать о возможной отставке Адвоката. Но домашняя игра с теми же ирландцами показала, что команда способна демонстрировать достаточно зрелищный футбол. У нас почти все время наблюдаются крайности: результат вроде бы неплохой — игра не впечатляет, и наоборот. В принципе это во всем мире так. Просто в России почему–то подобная полярность мнений, суждений, зашкаливающих порой эмоций особенно заметна, бросается в глаза.

А ведь иногда не тренер, а руководители федерации в чем–то виноваты, например, не обеспечили спарринга с сильными соперниками. Или, скажем, чтобы этих товарищеских матчей больше проводилось дома, о значимости их я вам уже рассказывал. Скажем, в провале национальной команды в «стыковых» матчах со словенцами (отбор к минувшему первенству мира, куда мы не попали) повинны в основном чиновники РФС. Они не настояли тогда на полноценных тренировочных сборах, которые, по сути, оказались скомканными. Все специалисты оказались единодушны во мнении: в центре огромного мегаполиса никто не готовится к подобным ответственным матчам. Понимали–то все, кроме, видимо, самих наставников сборной, боссов футбольного союза.

Потом, после неудачи, началась неуклюжая защита мундира. Аргументы смехотворные приводились: мол, зачем сборы превращать в казарменное мероприятие? Кроме прочих очевидных преимуществ со спортивной точки зрения, не было бы и неприятностей со всякого рода кальянами, другими атрибутами. Разве не так? Никто меня не разуверит: ни одна уважающая себя национальная команда в подобных условиях не готовится к серьезным поединкам.

Если вспомнить свою тренерскую практику, то в период подготовки сборной к аналогичным «стыковым» поединкам с Уэльсом спартаковцы предоставили нам базу в Тарасовке. И не потому, что я — спартаковец. А хотя бы потому, что именно эта спортивная база идеально подходила для таких целенаправленных занятий. И располагалась, между прочим, ближе к арене в Черкизове, где нам предстоял первый матч с валлийцами. Учитывалось все вплоть до мелочей, их в работе, как говорят, не бывает. Здесь, по–моему, все слишком передоверили Хиддинку. Да и с себя по большей части можно ответственность снять, пусть один Хидднинк с помощниками отвечает…А голландец вот и решил — по–своему. Правильно? Конечно, нет! Сейчас, по прошествии времени, поинтересуйтесь у игроков: ради того, чтобы поехать на чемпионат мира, можно было на недельку

сесть на сборы? Думаю, никто из ребят не отказался бы.

Бородюк — главный кандидат

Мы как–то уже привыкли принижать уровень и значимость нашего внутреннего чемпионата. Давайте откровенно говорить: что, первенство Англии или Германии сильнее российского? В той же Испании, общеизвестно, только две команды из сезона в сезон бьются за «золото», остальные максимум за «бронзу».

Наш чемпионат чем отличается от европейских? Появились очень богатые клубы и совсем уж бедные. Вот и возникает ощущение, что турнир серенький. Ну, если даже команды середины турнирной таблицы не в состоянии приглашать игроков хотя бы относительно неплохого уровня… А лидеры в то же время, мало того, что совершают дорогие приобретения, так еще и сумасшедшие деньги платят своим футболистам, по мировым расценкам, представьте. Конечно, ненормальное положение!

Нынешняя система розыгрыша чемпионата страны, когда клубы бились за попадание в восьмерку сильнейших, предполагает весьма приличный уровень игры и борьбы за медали. Смею уверить, такой накал матчей позволяет футболистам развиваться, расти в мастерстве.

Возьмем, однако, наши топовые клубы. Лидерами там являются, как правило, легионеры, понимаете? В «Зените» Дани, Лазович, может быть, Кержаков с Денисовым тоже могут претендовать на статус ведущих. В ЦСКА — Лав и Думбия. В «Локомотиве» тон задают иностранцы, в «Спартаке» известно, кто в главных ролях — Веллитон, Макгиди, отчасти Эменике. Кто там из доморощенных мог бы составить конкуренцию варягам, даже затрудняюсь сказать. В «Динамо» опять же Кураньи, Воронин. В «Рубине» свои — Медведев, Лебеденко. И крайне нестабильная, весьма неубедительная игра казанцев в большинстве матчей. Правда, стоит отдать дань уважения президенту армейцев Евгению Гинеру, посмотрите, вся оборона — наша, она представлена и в национальной сборной.

Применительно к нападающим национальной команды — все они голеадоры, умеют забивать. Главное, хотят играть в сборной. Среди них, полагаю, Саша Кержаков вне конкуренции. В текущем сезоне весьма ярко проявилось его качество — играть именно на команду. Обратите внимание, сколько мячей забивается после его выверенных, тонких, умных передач.

Немного еще о тренерах. Через какие тернии, например, пришлось уже пройти одному из наставников команды — Александру Бородюку! Да, казалось бы, все и вся миновал, все повидал, на многих крупных форумах побывал. Вот кто просто

бесценный опыт накопил. Согласны? Так почему ему в ближайшей перспективе не доверить сборную? Дайте Александру Генриховичу, — обращаюсь к руководству РФС, — работать, собрать свой тренерский штаб. Не кладите Бородюка, образно говоря, под колпак. И не делайте, пожалуйста, тренеру одолжения. Александр, по–моему, первейшая кандидатура на пост главного наставника. Молод, в то же время опытен, самое главное, эта работа ему известна, близка, понятна, он ею живет.

А теперь мнения заинтересованных лиц, в представлении которых нет смысла. Ибо они и так широко известны футбольному болельщику. О Георгии Ярцеве они говорили с неподдельным интересом, душевно, даже с неким воодушевлением. Итак…

Вагиз ХИДИЯТУЛЛИН:

— Мое знакомство с Георгием приходится на 1977 год. Манеж в Сокольниках, предсезонный турнир спартаковских команд. Зол был на этого в хорошем смысле шпингалета: и что он здесь бегает, «накручивает» нас?! Георгий оказался тогда неудержим. Забивал и забивал. В общем, нервы потрепал основательно, из равновесия вывел весь московский «Спартак», ведь наш будущий партнер выступал в ту пору еще за Кострому.

Может быть, для нас те матчи были своего рода тренировкой, как бы подготовкой к сезону. А для Жоры, видимо, настоящими смотринами: он очень хотел проявить себя на глазах Константина Ивановича Бескова. И показал себя блестяще! Шанс — попасть в столичный клуб — использовал на все сто.

Кстати, Бесков поселил нас на базе в Тарасовке вместе, опытного в жизненном плане Ярцева с молодым, несколько бесшабашным парнем. И это тоже сработало, не столько даже в спортивном плане, сколько в человеческом аспекте. Константин Иванович никогда и ничего не делал случайно, он игроков расселял согласно заранее подготовленному им же списку. Чтобы где–то умудренный Ярцев направлял, в чем–то ненавязчиво поправлял молодого Хидиятуллина. И, главное, по мысли тренера, было с кого спросить за поведение юного футболиста. Бесков все предусмотрел.

Забавно, но факт: в поездках по другим городам Союза старший тренер мог тасовать игроков, где, кому, в каких номерах жить. Только нас с Жорой никогда не разлучал. Я, признаться, только благодарил Бескова за то соседство с Георгием. Ему и в самом деле всегда находилось, чем поделиться со мной, что рассказать, грамотно направить мою бьющую через край энергию в нужное русло.

Не случайно тот же Константин Иванович в редкие свои

отлучки оставлял Тарасовку на попечение старших ребят: Прохорова, Романцева, Ярцева. Знал, что они не подведут, присмотрят, как надо, за более молодыми партнерами, которые могли слегка накуролесить… Вообще то время вспоминаю с огромным удовольствием, ведь Тарасовка, по большому счету, стала родным домом для спартаковцев–немосквичей. Ребята жили там семьями, а нас набиралось человек двенадцать–тринадцать. Но все были коммуникабельны, дорожили нашей дружбой, отношениями, эту теплоту друг к другу мы пронесли сквозь годы. До сих пор встречаемся, общаемся, выступаем вместе в турнирах.

Почему, например, очень тепло мы с Жорой делились радостью по ходу матчей, забивая мячи? Да потому, что наше трио Ярцев — Романцев — Хидиятуллин слыло особенно дружным в команде, мы от души, искренне поддерживали каждого из нас. И по жизни, за кромкой поля, были и остаемся неразлучны. Нити этих отношений прочны до сих пор, непроизвольно тянемся друг к другу. Жора, к примеру, тоже иногда советовался со мной: был период, когда ему предложили работу на телевидении. И он задавался вопросом: конечно, на ТВ интересно, но душа–то осталась в футболе. Ему хотелось высказаться, поделиться соображениями со своим давним товарищем. К слову, я тоже ощущал близость семьи Ярцевых, будто Жора с его замечательной супругой Любой всегда оказывались рядом. Не сомневался, что посоветуют, направят.

Георгий — прекрасный семьянин, он воплощает собой замечательные семейные ценности — верность супруге, заботу о близких. Еще ему присуще потрясающее чувство локтя, взаимовыручки. Столь бесценные качества он обрел в своей семье — у родителей, старших сестер. Это для меня служило и служит примером. Потому с удовольствием общаюсь с четой Ярцевых.

Сергей ШАВЛО:

— Одно то, что Георгий Александрович в 29 лет заиграл в «Спартаке», о многом говорит. Помню, он говорил Константину Ивановичу Бескову: «И зачем вы меня зовете в команду, ведь мне уже по футбольным меркам много лет…» Но тренер верил в него, да и сам Ярцев в глубине души тоже надеялся и рассчитывал проявить себя. И продемонстрировал–таки свои незаурядные способности бомбардира! Повторюсь, Георгий все–таки верил, что сможет заиграть на полную катушку.

Чуть позже его позвали и в сборную страны, мы, спартаковцы, очень гордились этим обстоятельством, ведь от нас там были как раз Вагиз Хидиятуллин и Георгий Ярцев. На редкость целеустремленный форвард, между тем всегда мог поделиться опытом, в том числе житейским, с молодыми партнерами–

спартаковцами. Подсказывал и на поле, и за его кромкой. Очень взыскателен, кстати, до сих пор, как к себе, так и к партнерам. Спрашивал с нас, полузащитников, за то, что не всегда своевременно снабжали его четкими передачами. И это справедливо.

Иногда Георгию казалось, что его просто игнорируют, хотя это совсем не так. Потом он, естественно, успокаивался, надо просто знать его эмоциональный, «взрывной» характер. Ярцев — личность. Неизменно со своей точкой зрения на события и людей, не стеснялся высказывать подчас нелицеприятные вещи. Но, если Жора чувствовал, что немножко переборщил в общении с партнерами, не стыдился извиниться. Ярцева отличали потрясающее умение быстро и эффективно принимать решения на поле, удивительная нацеленность на гол. Плюс ко всему, он искал и находил! — кратчайшие пути к воротам соперников — качество весьма ценное для нападающих всех времен. К тому же правильно открывался под передачи партнеров, оставалось лишь катнуть ему мячик. А дальше — дело техники, отсутствием которой он никогда не страдал.

И то, что «Спартак» успешно выступал, заслуга, прежде всего, наших старших товарищей — Прохорова, Ловчева, в том числе и Ярцева с Романцевым. Они нас, молодых, в принципе вели на поле и по жизни. Доброжелательно подсказывали, и мы старались не ударить лицом в грязь, все по возможности выполнять. Потому что понимали: плохо эти люди не посоветуют. Я в Тарасовке рядом с Ярцевым, можно сказать, жизненные университеты прошел. Ведь целых два года жили там семьями, и без столь необходимой, доброжелательной подсказки не обходилось…

За кромкой поля Георгий в хорошем смысле истинно компанейский человек. С отменными, между прочим, организаторскими способностями. Сейчас Георгий Александрович очень неплохо проявляет себя как тренер нашей команды ветеранов и, по–моему, с данной ролью справляется замечательно. Жаль, последние травмы не позволяют ему чаще появляться на футбольном поле.

А с командой ветеранов мы колесим не только по регионам России, но и отправляемся за рубеж, везде спартаковцев принимают очень радушно. Георгий по–прежнему верен футболу, вижу, как порой сильно переживает в случае неудач нашей дружины в тех или иных матчах. Балагур. Много классных историй, иногда с глубоким подтекстом, рассказывает. Это чтобы по–настоящему «завести» партнеров. И ему это удается!

Федор ЧЕРЕНКОВ:

— Время, проведенное с Георгием Александровичем, на мой

взгляд, очень интересное. В том числе и по сей день. Он разный: то вид у него представительный, солидный, то весьма раскованно себя держит. Рассказчик просто великолепный, с ним скучно никогда не бывает.

Вообще, как специалист, Георгий Александрович разнообразен: и бомбардиром классным был, и тренером знатным. Все–таки наш «Спартак» к чемпионству приводил, со сборной успешно работал. Лично я только положительными эмоциями заряжаюсь, когда поговорю с Георгием Александровичем. Это, можно сказать, праздник души! Достоинств у Ярцева более чем достаточно, всех не перечислить. Много знает, помнит, память у него до сих пор замечательная.

Вот в бытность игроком мог прикрикнуть на партнеров, когда, предположим, мячом полузащитники не всегда снабжали. Но, знаете, это было не обидно. Потому что ребята чувствовали, понимали — не со зла вырывались словечки у Георгия Александровича. Характер–то у него абсолютно незлобивый, что ли…

Ринат ДАСАЕВ:

— По–моему, Жора не только себе, но и всем нам доказал, что прийти в 29 лет в «Спартак» и забивать мячи — дорогого стоит.

А импонировало всегда его отношение к футболу. Он до сих пор блестяще играет за команду ветеранов «Спартака», да еще ее тренирует. Более того, Жора выполняет к тому же и функции медика в нашей ветеранской команде. Например, укольчики, если требуется, мне и другим ребятам делает замечательно! Он же, представьте, еще и фельдшер, оканчивал в юности медицинское училище.

Что тут сказать… Отзывчивый, приятный человек, с которым хочется общаться постоянно. Случается, в каких–то моментах Жора невыдержан. Но такое бывает, судя по всему, у многих людей, никто от этого не застрахован. Да, горячий, эмоциональный человек, мой друг Жора Ярцев. Однако все равно находили и находим общий язык.

Вообще я очень благодарен ему за то, что позвал меня в сборную, позднее в «Торпедо». Тот период работы бок о бок вспоминаю с особой теплотой, считаю, чего–то с ним вместе достигли. Для меня он искренний, порядочный человек, настоящий друг и товарищ. Конечно, стараемся чаще собираться, вот дни рождения наших жен отметили… Да и в поездках по стране с командой ветеранов, конечно, не расстаемся.

Пожелал бы ему удачи. Во всем. Чтобы, например, обязательно работа была. Он все–таки обожает профессию

тренера, отдается ей полностью, без остатка. И, таким образом, мой давний товарищ и отменный специалист помогал бы, естественно, развиваться отечественному футболу.

Никита СИМОНЯН:

— О Жоре сказал бы, прежде всего, как о футболисте. Его пригласил в «Спартак» Константин Иванович Бесков, разглядев в нем задатки незаурядного нападающего, бомбардира. И тренер не ошибся в игроке. Георгий сразу, без раскачки принялся забивать мячи за «Спартак». Он, конечно, потрясающим качеством обладал и обладает по сей день — умением моментально, неожиданно, мастерски открыться в штрафной площади соперников. А как забивал! Исполнение завершающего удара часто являлось маленьким шедевром. Очень зряче многие удары наносил — либо мимо вратаря, либо мягко, аккуратно, красиво мячик перебрасывал в сетку ворот. От этого болельщики, специалисты удовольствие получали. Класс! Жора сполна овладел искусством форварда, голеадора.

Завершив активную карьеру в большом футболе, теперь уже Георгий Александрович продолжает забивать в составе спартаковской команды ветеранов. При всех своих травмах. Да, не стоит забывать, что и на тренерском поприще Ярцев отменно себя проявил. Только стал главным тренером и тут же сделал клуб чемпионом страны. Такое о многом говорит, ярко характеризует способности человека как наставника, педагога. Команду–то он тогда резко омолодил, не побоялся пересудов, критики, поверив в совсем еще юных мастеров. И сборную по итогам отборочного цикла к европейскому первенству 2004 года вывел в финальную стадию.

В 78-м году я пригласил Георгия как раз в сборную СССР, а туда «по блату» не звали, требовались незаурядное умение, высокие человеческие качества, всем этим Георгий никогда не был обделен. Просто в той национальной команде уж очень острая конкуренция царила, костяк–то состоял тогда из киевлян…

Ну, и до сих пор я поддерживаю с Георгием Александровичем самые теплые, добрые отношения. Кстати, насколько удалось мне подметить, у Жоры прекрасные организаторские способности, умение общаться с разными людьми. Не случайно, например, у него в приятелях весьма влиятельные персоны из мира политики, госуправления.

Сегодня Ярцев — один из лидеров ветеранского движения «Спартака», что очень нам всем приятно. Он по сей день, когда выходит на поле, весьма требователен к себе и партнерам, переживает за игру и результат, глаза горят, как и прежде, в годы

молодости. Вот поистине неравнодушный человек! Очень коммуникабельный, прекрасный рассказчик, причем байки насыщены эмоциями, неподдельным весельем.

Желаю Георгию Александровичу удачи в работе, мира и заботы в семейных отношениях, да буквально во всем. Спасибо, что ты есть, Георгий!

Любовь ЯРЦЕВА, супруга Георгия:

— Жора мне симпатизировал, и я отвечала ему взаимностью. Чуть позже после нашего знакомства узнала, что он — футболист и достаточно популярный в Смоленске. Георгий выступал тогда за «Искру», а Смоленск — мой родной город, там мы и познакомились. Признаюсь, я стала болельщицей только Ярцева, на все матчи стала ходить, представьте, ни одной игры «Искры» не пропустила. И весьма скоро прониклась тем, какой это сложный, даже, сказала бы, тяжелый труд, сопряженный к тому же с травмами.

Вовсе не эмоции во мне говорят. Извините, когда любимого человека на моих глазах увозят с матча в реанимацию… Да, подобное случилось как раз еще в Смоленске. Я была уже невестой Георгия. Можете оценить и понять мое состояние.

А свадьбу нам долго не давали сыграть. Дело в том, что «Искра» здорово выступала в чемпионате, Жора был ведущим нападающим нашего клуба. Впереди всех ребят, в том числе и Жору, разумеется, ждали ответственные матчи. И, помню, начальник команды Лев Платонов подошел ко мне и говорит: «Вот, Любочка, не раньше 28 августа свадьба будет. Ничего страшного, чувства свои проверите за это время». В общем, в невестах ходила почти целый год.

В процессе общения Георгий познакомил меня с женами смоленских игроков. Мы стали с удовольствием встречаться, вместе на трибуне переживали за наших любимых футболистов. Можно сказать, органично влилась в своеобразный клуб футбольных жен, стала там своим человеком, приняли очень радушно. Затем Жора уехал, как обычно, на спортивные сборы с «Искрой». Вот это, пожалуй, самый сложный момент, особенно в период влюбленности, тот, кто действительно любил, легко меня поймет. Понимала, Георгию было сложнее, чем мне. Я-то хоть с родителями находилась, а он далеко, один… Что оставалось? Только писем ждать от него. Вместе с тем такое полезно пережить, ожидание приезда любимого человека лишь обостряет чувство, делает его сильнее.

К сожалению или нет, но я не слишком отходчива после некоторых размолвок, ссор, которые случаются, наверное, в каждой семейной паре. Помню все. И могу достаточно долго не

разговаривать. Жора со временем все–таки научил определенным житейским мудростям, он же немного старше, к тому же мужчина. Как–то он усадил меня за стол и произнес: «Знаешь, дорогая моя, я вырос в большой семье, мы привыкли прощать друг другу какие–то вещи, тем более несущественные. Давай–ка, невзирая ни на что, начинать день хотя бы с пожеланий «доброго утра». Так потом и повелось. Это вошло в добрую традицию и действительно явилось замечательной привычкой, от которой и отвыкать не требуется и не хочется.

Надо отдать должное Жоре: он один взвалил на себя бремя материальной заботы и помощи своим родственникам, а их у него семнадцать в родной Костроме! Не могу сказать, что прямо так уж всех кормит, одевает. Но в дни радости и горести — такие периоды тоже, конечно, случаются — он всегда с ними. Каждого и каждую поздравит, что–то подарит, проявит истинное благородство, в этом мужу не откажешь.

Любопытно, мы оба родились в апреле, Жора 11-го, я — 26-го. Но знаки Зодиака у нас разные. Георгий по гороскопу упертый «овен», я — «телец», тоже вроде бы не отличающийся покорностью. Вот так и живем.

Очень хочу вернуться к романтическим временам нашей молодости, немножко повспоминать. Жора красиво за мной ухаживал! Может быть, не столько галантно, сколько по старинке, в лучшем смысле этого слова. Он сделал, как водится, предложение, познакомился с моими родителями, попросил у них руки и сердца возлюбленной. И у нас была помолвка. Согласитесь, сейчас это редкость. Георгий купил обручальные кольца, оставив их в нашем доме. Я даже не решалась их померить — говорят, плохая примета делать сие до свадьбы. Только приоткрывала шкатулку, смотрела, любовалась, предвкушая общение с любимым.

Помню, роскошный букет сирени дарил, всегда привозил мне именно живые цветы. Георгий в этом смысле и сегодня столь же внимателен. Вот привез совсем молоденькие тюльпанчики, полдня на какой–то цветочной базе провел. Вообще он любит приятно удивлять. Скажем, Жора улетел со «Спартаком» в другой город. И подруга, Галя Фоменкова, жившая по соседству, передает мне подарок мужа. Открываю коробочку, и — ах! Роскошная, последняя модель камеры «Сони». Я ведь снимать люблю. Увидев подарок, приятно восхитилась.

Вот оказались с мужем в поездке по Франции, заходим в тамошний магазинчик. Он, извините, мои размеры знает лучше, чем я сама. И без проблем приобрел нужную мне вещицу. Так что Жоре не надо задавать никаких вопросов, он и так в курсе всех

дел.

Нынче система подарков упростилась. Конечно, хочется, чтобы цветы дарились не только в праздники, но и в будни. Сорок лет нашей совместной жизни мы, разумеется, не отмечали широко, с помпой, — не то настроение. Мы просто заглянули в один из московских магазинов, выбрали понравившийся мне камень–изумруд.

Случались ли ссоры на заре наших отношений? Иногда они имели место. Зачастую по причине Жориной ревности, я это заметила еще в начале знакомства и общения. Мне это немножко мешало, порой даже утомляло. Да и причин–то для ревности не существовало. А если на меня смотрели другие мужчины и Георгия это задевало, даже раздражало, то я говорила супругу примерно следующее: «Разве ты не видел, что женишься на красивой женщине?!» Действовало почти отрезвляюще.

Георгий — однолюб. За ним репутация очень хорошего семьянина, мужчины, отца. Она действительно соответствует его имиджу, ничего не могу сказать плохого. У нас так называемых острых моментов, которые, к сожалению, имеют место в других семьях, не было и, надеюсь, уже не будет. До семейных «разборок» с битьем посуды, выяснением отношений никогда мы с Жорой не опускались. Он ко мне весьма привязан, хотя, повторюсь, каждый из нас после ухода сына как бы «ушел в себя»… Наверное, я даже больше «ушла», чем Жора. Стала искать одиночества, почти прекратились встречи с давними знакомыми и друзьями. Только в редкие случаи выбираемся на юбилеи и праздники. Скажем, Лада Фетисова звонит, подчас обижается. Но продолжает с нами общаться, и мы с этой замечательной семьей поддерживаем отношения. Потому что нас связывают годы искренней дружбы. И не только с четой Фетисовых.

Конечно, нет смысла обижаться на весь свет. Это проще всего. Если и обижаюсь, то в основном исключительно на себя. У меня — свои «дни одиночества», когда могу побыть одна, погрустить. И, тем не менее, беру себя в руки, стараюсь полноценно жить. Благо есть ради кого. Ведь подрастают очаровательные внуки — Наденька и Гошенька. Последнего, понятно, назвали в честь Георгия Александровича.

Единственный, пожалуй, серьезный минус мужа сейчас — слишком много курит и потребляет весьма крепкий кофе. Критикую его за это.

Знаете, чувство любви у меня, по–моему, переросло в непреходящую ответственность. Я, можно сказать, вся во внимании и в заботе о своем Георгии. Как–то сказала Жоре: «Ты даже не бойся, для меня другие мужчины не существуют». Моя

жизнь давно превратилась в служение только мужу, детям, внукам. И это замечательно. Ведь годы идут–идут, чему–то должны учить нас. Прискорбно, по–моему, если они ничему не учат. Откровенно говоря, знаю: без меня он вряд ли справится с чисто житейскими проблемами. Не только знаю — чувствую. Ему, пожалуй, достаточно того, что я просто нахожусь дома…

Без всякого кокетства говорю — ну, нет интереса к другим мужчинам. В общем–то, так жизнь сложилась: постоянно чем–то занята, нет почти ни минуты свободной. Домашних дел, забот вполне хватает.

У Жоры хороший гардероб. Не из зависти утверждаю — констатирую. Если, к примеру, Георгию ехать на телепередачу, то впору звать именитых модельеров, чтобы определиться с одеждой. Примерка идет минимум часа два. Все равно парад костюмов заканчивается тем, что посчитает нужным надеть он сам. Но к моему мнению все–таки прислушивается…

Не могу не вспомнить опять же пору молодости, нашего раннего периода совместной жизни. Приехала из Костромы в столицу в свой день рождения, 26 апреля. И сразу попала на футбольный матч, разумеется, с участием «Спартака», в составе которого начал выступать Жора. Первая лига тогда была. Еще до поездки в Москву договорились с мужем по телефону, что по окончании матча он обязательно пригласит меня в какой–нибудь шикарный ресторан.

«Спартак» победил. К восхищению своему, увидела крупно выведенную на табло арены фамилию суженого как автора забитого мяча. Но радости на лице Жоры я не заметила. Более того, выглядел несколько расстроенным, даже, казалось, удрученным. «Да ведь выиграли же!» — невольно воскликнула я. Ну, явно супруг мой не в настроении. Сама, если откровенно, жду обещанного похода в ресторан.

«Люба, какой ресторан! — упавшим и в то же время с жесткими интонациями голосом говорил Жора. — Я на работе. Завтра опять в Тарасовку ехать, на сборы». В итоге купили в магазине вареной колбаски, бутылку винца и посидели дома у знакомой нам пары, таким образом, скромно отметив мой день рождения. И по ходу вечера Жорка говорил почти об одном футболе. Да, победили, однако Константин Иванович Бесков все равно недоволен игрой…

Георгий только рано утром успел проводить меня в аэропорт. Все. Уселась в салон самолета и вплоть до самой Костромы плакала почти безостановочно, молодой была, каких–то вещей, естественно, не понимала. Абсолютно все равно было, что обо мне подумают окружающие, увидев покрасневшее, зареванное

лицо.

Тогда стала постепенно осознавать, как непроста, если не сказать, тяжела профессия, выбранная моим мужем.

Вместо послесловия

Друзья мои, возможно, — хочется верить в это, — мы еще продолжим разговор на животрепещущую футбольную тему. Надеюсь, вы оценили мою откровенность, искренность в общении с вами. Я не лукавил ни единым словом, ни в чем не пытался приукрасить как свое прошлое, так и настоящее.

Спартаковцы вообще народ искренний, тонкий, чувствительный, ранимый. Нам чужды ложь, наветы на кого–то, двусмысленность, не говоря уже о предательстве и тому подобном. Я и мои славные товарищи по футболу воспитывались, считаю, в прекрасное время — эпоху легендарных братьев Старостиных, великого тренера Бескова. И человеческие ценности для меня — не пустой звук.

Желаю всем сохранить в себе чувства благородства, товарищества, безусловной честности в общении с кем бы то ни было. Поверьте, это очень важно. Только при таком условии жить станет лучше, веселее, что ли.

С уважением и любовью, ваш Георгий Ярцев.